

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»**

Н.В.ЗАХАРОВА, А.Ю.ИВЛЕВА, И.В.СЕДИНА

**ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА:
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ**

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

**САРАНСК
2014**

УДК 81'25(075.8)
ББК Ш-12

Р е ц е н з е н т ы

кафедра английского языка ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е.Евсевьева»
Сергеева Т.А., к. ф. н., доцент кафедры общеобразовательных дисциплин
Саранского кооперативного института АНО ВПО «Российский университет кооперации»

Захарова Н. В., Ивлева А. Ю., Седина И. В.

Теория перевода: материалы для практических занятий: учебно-методическое пособие / Н.В. Захарова, А.Ю. Ивлева, И.В. Седина. – Саранск, 2014. - 132 с.

Цель пособия: формирование компетенций, которые необходимы в последующем изучении целого ряда курсов, таких как Практический курс перевода, Научно-технический перевод, Переводческий анализ текста, Редактирование переводного текста. Настоящий курс является одним из основных в рамках профессиональной подготовки переводчиков.

Для студентов второго, третьего курсов факультета иностранных языков по профилю подготовки «Лингвист. Переводчик», слушателей программы дополнительной профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

УДК 81'25(075.8)
ББК Ш-12

© Захарова Н. В., Ивлева А. Ю., Седина И. В., 2014

Содержание

- Семинарское занятие 1. ВВЕДЕНИЕ В ОСНОВЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА**
- Семинарское занятие 2. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА В КРУГУ ДРУГИХ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН**
- Семинарское занятие 3. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПЕРЕВОДА**
- Семинарское занятие 4. ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ**
- Семинарское занятие 5. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА**
- Семинарское занятие 6. ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ**
- Семинарское занятие 7. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ**
- Семинарское занятие 8. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА**
- Семинарское занятие 9. ОПЕРАЦИОННЫЙ СОСТАВ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ**
- Семинарское занятие 10. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
- Семинарское занятие 11. НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА**
- Семинарское занятие 12. КЛАССИФИКАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК**
- Семинарское занятие 13. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И КОМПЕТЕНЦИИ**
- Семинарское занятие 14. ЭТИКА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
- Семинарское занятие 15. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ. ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ**
- Семинарское занятие 16. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В АНГЛИИ И США**
- Семинарское занятие 17. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В ГЕРМАНИИ**
- Семинарское занятие 18. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В КАНАДЕ И ФРАНЦИИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное учебное пособие предназначено для студентов факультетов иностранных языков, изучающих перевод. Необходимость создания такого пособия была продиктована тем, что на настоящий момент времени отсутствуют пособия для проведения семинарских занятий по дисциплине "Теория перевода", что представляется очень неудобным для преподавателей-практиков и студентов, постигающих теоретические основы перевода.

Пособие построено таким образом, чтобы материал, получаемый студентами на лекциях по предмету "Теория перевода", закреплялся на семинарских занятиях по названному курсу. Задания и вопросы, выносимые на семинарские занятия, строятся так, чтобы обучающиеся могли совершенствоваться как теоретические знания, так и практические навыки перевода. Практические задания коррелируют с теми видами деятельности, которые предлагаются студентам во время проведения занятий по практическому курсу перевода.

В пособии предлагаются задания для 18 семинарских занятий. Каждое такое занятие состоит из нескольких блоков: во-первых, даются вопросы для обсуждения, базирующиеся на получаемой на лекции информации, но предполагающие самостоятельный поиск студента, что особенно важно в современном информационном пространстве; во-вторых, предлагаются конкретные практические задания, направленные на проверку умения студентов применять полученные теоретические знания на практике; в-третьих, авторы пособия предлагают научные статьи как корифеев отечественного и западного переводоведения, так и молодых специалистов-переводчиков. Последний блок нацелен на формирование у обучаемых сознательного интереса к практическим и теоретическим аспектам перевода. Современный метаязык позволяет будущим специалистам в области перевода легко оперировать современными терминами в области теории и практики перевода. В конце каждого семинарского занятия предлагается список рекомендуемой учебной и научно-популярной литературы, изучение которой поможет максимально успешно ответить на все предложенные вопросы и разобраться с практическими заданиями.

Семинарское занятие 1

ВВЕДЕНИЕ В ОСНОВЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Вопросы для обсуждения:

1. Охарактеризуйте роль перевода в современном мире.
2. Что общего между приведенными определениями «перевода» и в чем состоит их различие? В чем, по мнению В.В. Сдобникова, заключаются недостатки данных определений? Предложите свое определение перевода.
3. Дайте определение «теории перевода». Каковы ее задачи, объект и предмет исследования?
4. Определите структуру «деятельности» как психологического понятия. Какова основная цель переводческой деятельности?
5. Кто впервые ввел понятие «языковое посредничество»? Дайте определение. Каким образом соотносятся понятия «языковое посредничество» и перевод?
6. Назовите виды языкового посредничества.
7. Каковы основные разделы теории перевода? Можно ли, на ваш взгляд, объединить некоторые из них? Обоснуйте.
8. Какие разделы теории перевода предлагают различать А.В. Федоров, Ю.В. Ванников. Что общего в этих классификациях?
9. Какова роль издательства «Всемирная литература» в развитии переводческой теоретической мысли.
10. Назовите имена зарубежных и отечественных исследователей, стоявших у истоков становления науки о переводе и заложивших основы лингвистической теории перевода.

Литература:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2007. – 544 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш.шк., 1990. – 253 с.
4. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: Академия, 2008.
5. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток Запад, 2006. – 448с.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

Материалы и задания для самостоятельной работы:

В. Н. Комиссаров, Современное переводоведение. Учебное пособие. - М.: ЭТС. – 2002. – стр. 23-37.

ПЕРЕВОД КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Перевод — это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Хотя обычно говорят о переводе «с одного языка на другой», но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки. Переводом интересуются культурологи, этнографы, психологи, историки, литературоведы, и разные стороны переводческой деятельности могут быть объектом изучения в рамках соответствующих наук. В то же время в науке о переводе — переводоведении — могут выделяться культурологические, когнитивные, психологические, литературные и прочие аспекты.

Однако традиционное представление о том, что главную роль в переводе играют языки, получило серьезное научное обоснование, и в современном переводоведении ведущее место принадлежит лингвистическим теориям перевода. Следует заметить, что включение перевода в сферу интересов языкознания произошло сравнительно недавно и при этом пришлось преодолеть значительные трудности. До сих пор в большинстве фундаментальных работ по лингвистике отсутствует даже упоминание о переводе как о возможном объекте лингвистического исследования, хотя уже Р. Якобсон подчеркивал, что «широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, особенно переводческая деятельность должна находиться под постоянным наблюдением лингвистической науки».

Отсутствию у многих языковедов интереса к переводческой проблематике в первой половине 20-го столетия способствовало преобладание в лингвистической науке идей структурализма. Стремясь обеспечить объективное описание языка, приблизить лингвистику к «точным» наукам, языковеды с готовностью восприняли призыв Соссюра изучать язык «в себе и для себя», ограничиваясь областью «внутренней лингвистики» или иначе «микролингвистики». Добиваясь научной точности и объективности, языковеды сосредоточили свое внимание на тех сторонах языковой структуры, которые можно непосредственно наблюдать, измерять, подсчитывать, доказательно описывать и классифицировать: звуковой, морфемный и лексический состав языка, его синтаксический строй, синтагматические и парадигматические связи его единиц, их сочетаемость, распределение в текстах (дистрибуция), частотность употребления и т. п. В результате языкознание достигло значительных успехов в научном анализе структурной организации многих языков.

Однако из структуралистского подхода к изучению языка логически вытекала необходимость отказа от исследования содержательной стороны языка. Поэтому всякие суждения о значениях заведомо считались ненаучными, «менталистскими», и семантике не находилось места в науке о языке. По этой же причине максимальной единицей языка, подвергнувшейся анализу, оказывалось предложение, поскольку более крупные (речевые) единицы — тексты — невозможно было объективно анализировать, не обращаясь к их семантической структуре. Понятно, что такая лингвистика не способна была заниматься проблемами перевода, суть которого заключается в передаче содержания иноязычного текста средствами другого языка.

Со своей стороны сами переводчики весьма скептически относились к роли науки о языке в исследовании особенностей переводческой деятельности. Согласно широко распространенному мнению, в процессе перевода языковые факторы (под которыми часто понималось владение переводчиком двумя языками) имеют при переводе столь же второстепенное значение, как знание нотной записи при сочинении музыки. В основном же перевод — это операция отнюдь не лингвистическая, и языкознание мало что может дать

теории перевода.

Но лингвисты не только игнорировали переводческую проблематику, они еще и дали дополнительные основания для появления так называемой *теории непереводаемости*, согласно которой перевод вообще невозможен. Если поэты, критики и филологи высказывали сомнения в возможности воспроизвести в переводе художественные особенности оригинала, его национальную специфику, литературные, исторические и культурнобытовые ассоциации и тому подобные тонкости, то известная языковедам уникальность словарного состава и грамматического строя каждого языка позволяла утверждать, что полное тождество текстов оригинала и перевода в принципе невозможно, а, следовательно, невозможен и сам перевод. Получалось парадоксальное положение: практическая деятельность, которая осуществлялась на протяжении многих веков, оказывалась теоретически невозможной и как бы несуществующей.

Встреча языкознания с переводом все же состоялась, правда, лишь в начале второй половины 20-го столетия. Этому способствовало несколько объективных и субъективных факторов, отразивших серьезные изменения как в переводческой деятельности, так и в самой лингвистике.

После окончания Второй мировой войны произошел так называемый информационный взрыв — резкое увеличение обмена информацией между людьми и народами, — который сопровождался «переводческим взрывом» — соответствующим увеличением масштабов переводческой деятельности во всем мире. Появились новые виды переводов: синхронный перевод, перевод (дублирование) кинофильмов, радиопередач, телепрограмм. Помимо большого числа переводимых книг, переводится устно и письменно огромное количество материалов в рамках деятельности различных организаций, учреждений и предприятий. Переводами стали заниматься не только профессиональные переводчики, но и многие другие специалисты, владеющие иностранными языками: инженеры, библиотекари, дипломаты, референты, преподаватели, сотрудники информационных центров и т. д. Возникла необходимость в подготовке большой армии переводчиков. Теперь уже недостаточно было готовить профессиональных переводчиков методом «индивидуального ученичества», когда какой-нибудь опытный переводчик опекал нескольких учеников, знакомя их с тайнами переводческого мастерства, и во всех странах были открыты переводческие школы, факультеты, отделения университетов и тому подобные учебные заведения. Потребовалось разработать соответствующие учебные планы и программы. Невиданные ранее масштабы переводческой деятельности и задачи массовой подготовки профессиональных переводчиков сделали необходимым всестороннее изучение феномена перевода.

Большую роль в привлечении внимания лингвистов к проблемам перевода сыграло и качественное изменение переводческой деятельности. Хотя по-прежнему во всем мире переводилось большое количество произведений художественной литературы, на первое место по объему и значимости вышли нехудожественные (информативные) переводы: научно-технические, общественно-политические, экономические, юридические и др. Если в художественном переводе основные проблемы переводчика связаны с необходимостью передавать художественноэстетические достоинства оригинала и его индивидуально-авторские особенности, то трудности информативного перевода были, главным образом, лингвистического характера. Здесь переводимые тексты были часто анонимными, написаны стандартным общеразговорным языком, индивидуально-авторские особенности несущественны, и переводческие проблемы, в основном, определялись различиями в значениях единиц двух языков, в их функционировании, в способах построения речевых высказываний и текстов.

Если изменения в переводческой деятельности не могли не привлечь внимания

лингвистов, то само развитие языкознания сделало возможным включение перевода в сферу их интересов. Ко второй половине двадцатого столетия лингвистика существенно изменила свою научную ориентацию. Достигнув серьезных результатов в изучении формальной структуры языка, лингвисты значительно расширили область своих исследований, включив в нее проблемы внешней лингвистики (макролингвистики), в рамках которой рассматриваются такие фундаментальные вопросы, как связь языка с обществом, мышлением и действительностью, лингвистические и экстралингвистические аспекты вербальной коммуникации, способы организации и передачи информации в человеческом обществе и т. п. Важное место в науке о языке заняли исследования содержательной структуры речевых высказываний и текстов, контекстуальных значений языковых единиц, способов описания ситуаций. Возник ряд новых лингвистических дисциплин: психолингвистика, социолингвистика, прагмалингвистика, лингвистика текста, теория речевых актов, когнитивная лингвистика и другие. В распоряжении языковедов появились методы исследования того, как реально осуществляется обмен информацией с помощью языковых единиц в конкретных актах речи, в конкретных ситуациях общения. Понятно, что возможности такой лингвистики в изучении перевода неизмеримо возросли, и теперь многие важнейшие стороны этого феномена могут быть описаны в лингвистических терминах.

Немаловажным оказалось и то, что, приступив к изучению перевода, языковеды быстро обнаружили, что не только лингвистика может внести большой вклад в теорию перевода, но и перевод может много дать самой лингвистике. Переводы оказались ценным источником информации о языках, участвующих в процессе перевода. В ходе переводческой деятельности, которая в таких огромных масштабах осуществляется в современном мире, происходит своеобразный лингвистический эксперимент по коммуникативному приравниванию высказываний и текстов на двух языках. При этом обнаруживаются сходства и различия в употреблении единиц и структур каждого из этих языков для выражения одинаковых функций и описания одинаковых ситуаций. Благодаря этому удается обнаружить некоторые особенности структуры и функционирования языка, которые ускользали от внимания при использовании иных методов исследования.

Дополнительным стимулом для развития лингвистической теории перевода послужили попытки создать различные системы машинного перевода. Появление быстродействующих электронно-вычислительных машин породило надежды, что функции переводчика гораздо быстрее и дешевле сможет выполнять все более совершенствующийся компьютер. Компьютеры с успехом применялись для декодирования зашифрованных сообщений, а перевод можно было представить как декодирование текста на языке перевода, зашифрованного с помощью языка оригинала. Первые попытки машинного перевода давали мало удовлетворительные результаты, но были надежды, что новые поколения компьютеров с большим объемом памяти успешнее справятся с этой задачей. Однако вскоре стало ясно, что основные проблемы машинного перевода связаны не с недостаточной памятью компьютера, а с неумением создать такую программу, которая позволила бы машине столь же успешно преодолевать многочисленные переводческие трудности, как это делает человек. И тут оказалось, что никто не может объяснить, как человек осуществляет перевод, поскольку этот вид человеческой деятельности оставался недостаточно изученным. Поэтому многие лингвисты, занимавшиеся вопросами машинного перевода, переключили свое внимание на изучение перевода «человеческого», пытаясь там найти пути преодоления трудностей.

В настоящее время современные программы машинного перевода не могут обеспечивать высокое качество перевода текстов любой сложности и, естественно не претендуют на полную замену переводчика-человека. Тем не менее, машинный перевод успешно применяется в трех основных случаях. Во-первых программа составляется для

перевода узко специальных текстов, стандартных по форме, с ограниченным составом лексики и грамматики. Во-вторых, машина дает возможность быстро получить большой объем переводов невысокого качества, которые позволяют судить об общем содержании оригиналов и решать, что в них целесообразно дать переводчику для более точного воспроизведения. В-третьих, в работу включается редактор, который либо готовит текст к переводу (предредактирование), устраняя или разъясняя трудные для машины места, либо редактирует уже переведенный текст (постредактирование), устраняя ошибки и неточности.

Определенную роль сыграл и субъективный фактор. Переводческие факультеты и отделения создавались, главным образом, при университетах и институтах иностранных языков, и подготовкой будущих переводчиков занимались преподаватели иностранных языков, филологи и лингвисты. Именно они, в первую очередь, осознали необходимость теоретического осмысления переводческой деятельности и попытались решить эту задачу методами своей науки.

Хотя нельзя было рассчитывать, что можно будет изучить все стороны переводческой деятельности даже в рамках макролингвистики, было очевидно, что самые важные аспекты перевода связаны с языком. Особенности существования и использования языка определяют и саму необходимость перевода и основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, и возможности преодоления этих трудностей.

1. Перевод необходим потому, что люди говорят на разных языках. Лингвисты традиционно изучали языковые ситуации как в отдельных странах, так и во всем мире. Теперь предстояло рассмотреть многообразие языков как причину существования перевода. Перевод представляет собой достаточно сложное средство преодоления языковых барьеров. Языкознание и переводоведение не могут не интересоваться вопросами, как возникли эти барьеры, долго ли они будут существовать и нельзя ли от них избавиться.

Многообразие языков не имеет биологической основы. Все люди принадлежат к одному биологическому виду. У всех людей одинаковое строение головного мозга, одинаковое количество зубов и позвонков, одинаково устроены пищеварительный тракт, кровеносная система и другие внутренние органы. Все они дышат кислородом и умирают при его отсутствии. Учитывая такое анатомическое и физиологическое единство человеческого рода, было бы естественно, если бы все люди говорили на одном языке.

Правда, люди разделяются на несколько групп по расовому признаку, цвету кожи, размеру и форме костей, составу крови и некоторым другим признакам. На этом основании могла быть еще одна естественная ситуация, когда в мире существовало бы пять-шесть языков, возможно с некоторым числом промежуточных диалектов.

В действительности дело обстоит иначе. По разным подсчетам в современном мире насчитывается три-четыре тысячи языков. Более точную цифру назвать затруднительно, поскольку во многих случаях не ясно, следует ли говорить о самостоятельных языках или о диалектах одного и того же языка. Такое многообразие языков, несомненно, нуждается в объяснении.

Если не принимать всерьез библейскую легенду о вавилонском смешении языков или возможность воздействия инопланетян, то придется признать, что многоязычие могло возникнуть естественным путем в ходе исторического развития человечества. Когда отдельные группы людей в поисках пищи уходили из своего племени и селились вдали от него, теряя с ним всякую связь, их язык начинал развиваться самостоятельно, в иных условиях, независимо от развития языка племени. В результате возникали расхождения, которые в конечном счете приводили к существенным различиям, к формированию нового языка.

Обладание собственным языком сыграло важную роль в сплочении этнического коллектива, в развитии племенного, а затем и национального самосознания, в организации

совместной хозяйственной деятельности, охоты, земледелия, военных действий, готовности жертвовать ради общих интересов, ради «своих». Однако в современную эпоху многообразие языков часто рассматривается как чисто негативное явление, препятствующее взаимопониманию между людьми и народами, способствующее возникновению конфликтов и войн. Следовательно, надо искать пути как его ликвидировать или хотя бы уменьшить его пагубное влияние.

Одним из таких путей, наиболее очевидным, является искусственное создание единого языка, на котором могло бы общаться все человечество. Первые замыслы придумать искусственный язык появились еще в античности. В 17—20 веках было создано около тысячи подобных проектов, однако осуществлены были лишь немногие (воляпюк, бесик инглиш, эсперанто и некоторые другие). Наибольшее распространение получил язык эсперанто, завоевавший сторонников во многих странах. На нем пишутся книги, проводятся симпозиумы и конференции, на него переводятся литературные произведения с разных языков. Однако выполнить роль единого языка, заменяющего все остальные, и ему вряд ли удастся. Люди не проявляют желания отказываться от своего языка и тем самым от своей культуры, литературы, истории. Любой искусственный язык может, по-видимому, играть лишь вспомогательную роль.

Не подтверждается как будто и предположение, что человечество придет к единому языку естественным путем в ходе своего исторического развития. Поскольку по мере объединения людей во все более крупные сообщества и исчезновения небольших изолированных групп количество языков в мире постепенно сокращается, распространено мнение, что человечество движется к единому обществу, единой общемировой культуре, единому языку. Однако в обозримом будущем этого, по-видимому, не произойдет. В настоящее время можно наблюдать все более широкое использование в международных контактах так называемых *мировых языков* — национальных языков, которыми в той или иной степени владеют многие представители других языковых коллективов. Сегодня эту роль выполняют, в первую очередь, английский и в меньшей степени французский, русский и испанский языки. Можно ожидать, что в будущем все большее число людей будут билингвами, владеющими как своим собственным, так и одним из мировых языком. Следует заметить, что распространение мировых языков отнюдь не снизило потребность в переводах и переводчиках. Напротив, масштабы переводческой деятельности в современном мире постоянно возрастают, и в ближайшем будущем безработица переводчикам не грозит.

2. Основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, также связаны с особенностями языков и способами их использования для наименования объектов и описания ситуаций. Здесь можно выделить три типа трудностей: специфичность семантики языковых единиц, несовпадение «картин мира», создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности, и различия в самой этой реальности, описываемые в переводимых текстах.

Языковые единицы - это не просто ярлыки, используемые для обозначения соответствующих объектов. У каждого языкового знака имеется устойчивое, ему одному присущее значение, и эти значения у единиц разных языков, как правило, не совпадают. Поэтому перевод никогда не сводится к простой замене одной формы на другую, и переводчику приходится постоянно решать, значения каких единиц языка перевода наиболее соответствуют содержанию оригинала.

Вторым лингвистическим препятствием, которое вынужден преодолевать переводчик, является то обстоятельство, что каждый язык по-своему членит действительность, создавая своеобразную «языковую картину мира». Речь идет не только о часто упоминаемых экзотических примерах, подобно многочисленным названиям разновидностей снега у эскимосов или лошадей различной окраски у аргентинских пастухов, а о многих обычных наименованиях. Достаточно сравнить русское «рука» с английскими «hand» и «arm», русское

«палец» с английскими «finger» и «toe», русские «собака» и «пес» с английским «DOG» или «лошадь» и «конь» с «horse». Понятно, что разное членение ставит перед переводчиком особые проблемы при выборе варианта перевода.

Трудности перевода могут возникать и в связи с тем, что в оригинале называются какие-то явления, отсутствующие в принимающей культуре и неизвестные рецепторам перевода. Что такое русское «степь»? Чем занималась помещица Ларина, когда она, по словам Пушкина, «брила лбы»? Как должен понимать англичанин вопрос «Третьим будешь?» Что такое английское «Aunt Sally»? Как выглядят «marshes»? Какой вкус у «brown Betty»? Во всех подобных случаях переводчик должен не только быть знакомым с фактами чужой культуры и уметь их воспроизводить в переводе, но и позаботиться о том, чтобы сделать их понятными читателям перевода.

3. Но языковые факторы не только порождают трудности для перевода, но и создают условия для их преодоления. Хотя каждый языкуникален, в основе строения и употребления всех языков лежит один и тот же принцип, что делает возможным их соотнесение в процессе перевода. Все языки состоят из двусторонних единиц, обладающих звучанием и значением. Все они обладают словарным составом и грамматическим строем, служат средством формирования мыслей и передачи их в процессе общения с другими людьми. Все языки используются для построения сообщений о внеязыковой реальности. Все они способны различными способами выражать понятийные категории времени, места, числа, модальности и многие другие, обозначать классы предметов и отдельные объекты и их признаки, процессы и состояния. Языки обладают множеством других универсальных свойств, как самых общих, так и более частных. Эта универсальность отражает единство человеческого мышления и окружающего мира. И именно оно определяет в конечном счете возможность перевода.

Одним из примечательных проявлений универсального характера человеческого языка и мышления является врожденная способность любого человека овладеть любым языком. Известно, что ребенок независимо от его национальной принадлежности сравнительно легко овладевает языком любого языкового коллектива, в котором он живет. Эту способность нельзя полностью объяснить ни объемом языкового материала, стихийно воспринимаемого ребенком, ни целенаправленным обучением со стороны взрослых, хотя такие факторы также играют немаловажную роль. По-видимому, в мозгу человека существует какой-то генетический механизм овладения языком.

В современном языкознании предлагается несколько гипотез, пытающихся объяснить происхождение такого механизма. Наиболее известна концепция «универсальной грамматики», предложенная американским лингвистом Н. Хомским. Согласно его предположению, в мозгу каждого ребенка уже имеется своего рода универсальная грамматика, которая включает в себя структуры всех языков мира. Под влиянием окружающей среды у ребенка активизируется одна из этих структур, и он овладевает соответствующим языком. Благодаря универсальной грамматике дети могут осваивать такую исключительно сложную систему, как человеческий язык в любом национальном варианте за столь короткий срок. Овладение языком напоминает овладение другими сложными и гибкими формами поведения ребенка (такими, как умение ходить), которые в какой-то степени, несомненно, контролируются нейрофизиологическими факторами.

Универсальная грамматика, постулируемая Н. Хомским, представляет собой вычислительное устройство на какой-то нейрологической основе, делающее доступным для ребенка широкий набор грамматических моделей. Хомский полагает, что ребенок «выбирает» затем из имеющихся у него грамматических моделей те, что соответствуют моделям языка, который должен стать его родным.

Гипотеза Хомского дает объяснение способности ребенка быстро овладеть любым

языком. Однако она вряд ли может быть безоговорочно признана. В частности, трудно себе представить, каким образом в процессе эволюции в мозгу человека могла сформироваться такая сложная структура, которая почти полностью остается неиспользованной. Не исключено, что эти известные факты могут иметь другие объяснения. Одно из таких возможных объяснений предложил американский лингвист Д. Бикертон.

Д. Бикертон изучал креольский язык, на котором говорят дети иммигрантов-рабочих на Гавайских островах. Он обнаружил, что они самостоятельно создали этот единый для всех них язык без какого-либо влияния со стороны родителей, которые были привезены на Гавайские острова из разных стран и говорили на разных языках «пиджин», не имевших определенной структуры. Этот креольский язык, не имевший ничего общего с грамматическими структурами языков, известных предыдущему поколению, обнаружил, однако, большое сходство со структурой других креольских языков, возникших в других частях земного шара. Развитие креольского языка на Гавайских островах позволяет предположить, что, когда дети учатся говорить, у них сначала формируется креольский язык абстрактного типа. Иными словами, врожденный механизм человека не представляет в распоряжение ребенка набор грамматических моделей, а формирует у него единственную и весьма специфическую модель. Такая специфическая модель не подавлялась впоследствии только в языковом коллективе, говорящем на «пиджин», где не было грамматических моделей, способных соперничать с врожденной грамматикой ребенка. А затем врожденная грамматика обросла лексическими единицами, которые имелись в данном месте, и возникли креольские языки.

В подтверждение своей гипотезы Д. Бикертон приводит факты, свидетельствующие о том, что ошибки, которые делают в раннем возрасте английские дети, соответствуют моделям креольского языка. Кроме того, наблюдения показывают, что, когда грамматическая структура креольского языка не совпадает с соответствующей грамматической структурой местного языка, дети регулярно делают ошибки по отношению к структуре местного языка. Напротив, если грамматические структуры обоих языков более или менее совпадают, отмечается быстрое и безошибочное овладение ребенком структурой местного языка в очень раннем возрасте. Впоследствии, поскольку люди вокруг них упорно говорят по-английски, по-французски или еще на каком-нибудь языке, детям приходится модифицировать грамматику своего родного креольского языка, пока она не начинает соответствовать грамматике местного языка.

Независимо от справедливости той или иной гипотезы, наличие у всех языков существенных универсальных черт не вызывает сомнения. Эта универсальность, разумеется, является важной предпосылкой успешного перехода от одного языка к другому в процессе перевода. Наряду с этим, переводческая практика показывает возможность коммуникативного приравнивания отрезков разноязычных текстов, несмотря на несовпадение значений составляющих их языковых единиц.

Положения различных лингвистических дисциплин не только проливают свет на многие важные аспекты переводческой деятельности, но также представляют в распоряжение исследователей перевода целый ряд методов анализа, позволяющих получать объективные данные об этом сложном феномене. Современное переводоведение широко использует лингвистические методы исследования, заимствуя их целиком или внося в них необходимые изменения.

Поскольку в процессе перевода устанавливается определенное отношение между текстами на разных языках, изучение перевода, естественно, предполагает использование процедуры сопоставительного анализа. Сопоставление текстов - источник очень важной информации о переводе. В современном переводе используются четыре процедуры такого анализа. Во-первых, сопоставляются тексты перевода с их оригиналами. Это

сопоставление позволяет получить ценные данные о степени близости содержания и структуры оригинала и перевода, способах достижения эквивалентности, стандартных приемах перевода и многих других существенных характеристиках переводческого процесса. Во-вторых, сопоставляются несколько переводов одного и того же оригинала, выполненных разными переводчиками. Это дает возможность обнаружить общие закономерности, не зависящие от уровня квалификации и индивидуальных особенностей каждого отдельного переводчика. В-третьих, сопоставляются переводы с оригинальными текстами на языке переводов. Таким путем обнаруживается, что язык переводов представляет собой особую подсистему соответствующего национального языка. Дело не в том, что под влиянием иноязычного оригинала переводчик может порой нарушать норму или узус языка перевода. Такие нарушения обнаруживаются достаточно часто при сопоставительном анализе и рассматриваются как ошибки перевода. В теоретическом плане больший интерес представляют многочисленные случаи, когда переводчик, сознательно или бессознательно, расширяет коммуникативные возможности языка перевода, используя такие стандартные приемы перевода, как заимствования, кальки, дословный перевод, изменение частотности употребления отдельных форм и т. д. Подобные отклонения, обусловленные стремлением как можно полнее воспроизвести содержание оригинала, составляют своеобразную переводческую норму и вполне оправданы. Четвертый вид сопоставления заключается в сравнительном анализе параллельных текстов на ИЯ и ПЯ, то есть текстов близкого содержания, принадлежащих к аналогичному функциональному стилю или жанру. Таким путем обнаруживаются различия в использовании языковых средств в соответствующих текстах в двух языках, что вызывает необходимость в стилистической адаптации при переводе.

Сопоставительный анализ разноязычных текстов предполагает выявление сходства, различия и соотношения не только структуры и содержания текстов как целостных образований, но и сопоставление отдельных элементов этих текстов. При этом теория перевода широко использует такие лингвистические методы исследования, как компонентный анализ, методы трансформационного анализа и статистических подсчетов.

Применение компонентного анализа для выделения в значениях языковых единиц элементарных смыслов (сем) позволяет сопоставлять семный состав единиц оригинала и перевода и выявлять степень их соответствия друг другу. Так, при использовании английского «student» для перевода русского «студент» воспроизводятся семы «обучаемый» и «единственное число», но утрачиваются семы «учащийся высшей школы» и «мужской род». Очевидно, что если утраченные семы оказываются коммуникативно значимыми, то они должны быть воспроизведены в переводе с помощью других языковых единиц. Напротив, при нейтрализации отдельных сем в оригинале их утрата в переводе вполне оправдана. Например, в русской фразе «Хороший студент не будет прогуливать лекции» сема «мужской род» нейтрализуется (речь не идет только о студентах-мужчинах), а сема «учащийся высшей школы» подразумевается и в значении слова «лекция». Поэтому при переводе этой фразы на английский язык слово «student» будет вполне достаточно: «A good student would not stay away from his lectures».

Успешно применяется для описания процесса перевода метод трансформационного анализа, выделяющий ядерные структуры и их производные трансформы. С одной стороны, трансформационные преобразования могут рассматриваться как средство обеспечить адекватное понимание оригинала (трансформация в рамках ИЯ — исходного языка) и выбора окончательного варианта перевода (трансформация в рамках ПЯ). С другой стороны, сам процесс перевода может быть представлен как особый вид (межъязыковой) трансформации: преобразование синтаксических структур оригинала в структуры перевода по определенным правилам перехода. Таким путем оказывается возможным выявить и описать целый ряд приемов перевода в виде набора переводческих трансформаций.

Дополнительные данные о соотношении текстов оригинала и перевода можно получить путем точных статистических или приблизительных ориентировочных подсчетов. Сопоставляется частотность отдельных частей речи, синтаксических структур, лексических единиц, типов преобразований и т. д. Таким путем уточняются требования, которым должен удовлетворять полноценный текст перевода: преимущественно глагольный или именной характер, степень насыщенности эмоциональной лексикой, средняя длина предложений, количество логических связей и т. п.

Важное место в переводческих исследованиях занимает метод лингвистического моделирования: построение теоретических моделей процесса перевода. Поскольку этот процесс осуществляется посредством ряда мыслительных операций в голове переводчика, он недоступен для непосредственного наблюдения и представляет собой своеобразный «черный ящик». Лингвистическая модель переводческого процесса представляет его в виде ряда последовательных преобразований текста оригинала в текст перевода, с помощью которых теоретически может быть достигнут желаемый результат. Хотя любая модель перевода носит гипотетический характер, поскольку нет прямых доказательств, что переводчик действует именно так, как следует из данной модели, совпадение результата перевода с прогнозируемым по модели показывает, что она обладает определенной объяснительной силой. В современном переводоведении существуют несколько моделей перевода, что предполагает возможность осуществлять процесс перевода разными способами.

Заимствовали переводоведы у лингвистов (как, впрочем, и у психологов) и процедуру опроса информантов. С одной стороны, в качестве информантов выступают сами переводчики, пытающиеся ответить на вопросы, как они действуют и чем они при этом руководствуются. Хотя возможности интроспекции в исследовании переводческой деятельности ограничены и нередко переводчик действует интуитивно, не умея объяснить, почему он поступает именно так, некоторые данные о переводе получить таким способом удается. С другой стороны, информантами могут служить рецепторы перевода, которые могут высказывать суждения о языке перевода, его «читабельности», отличать переводные тексты от непереводных, формулировать свои требования к переводам и т. д.

Существенно повышает объективность получаемых данных организация психолингвистических экспериментов, в которых информанты действуют в строго заданных условиях эксперимента, и его результаты поддаются более или менее объективной интерпретации. Особенно ценные результаты достигаются при использовании метода «думай вслух». В этом эксперименте испытуемым предлагается выполнить письменный перевод текста, одновременно проговаривая в стоящий перед ними микрофон все мысли, которые приходят им в голову в процессе перевода, и называя все выполняемые ими действия. Все сказанное записывается на пленку, затем эта пленка переводится в письменный текст и сопоставляется с текстом перевода. Фиксируются также различные «околопереводческие» звуки (смех, стоны, хмыканье и пр.), а также паузы. Анализ протокола такого эксперимента позволяет делать выводы об общей стратегии переводчика и процедуре выбора варианта перевода, хотя и здесь получаемые результаты не дают полной картины, поскольку часть переводческого процесса осуществляется переводчиком интуитивно и не находит отражения в озвученных мыслях.

Подводя итог всему сказанному, можно заключить, что изучение перевода лингвистическими методами вполне обоснованно и продуктивно.

Контрольные вопросы и задания:

1. Почему теория перевода долгое время рассматривалась лишь как прикладная отрасль лингвистики? Какую роль в этом сыграл структуралистический подход в языкознании?
2. Когда переводческая проблематика стала предметом научного интереса языковедов? Назовите факторы, способствующие такому повороту.
3. Каким образом расширение предметной области лингвистики этого периода отразилось на науке о переводе?
4. Как повлияло развитие систем машинного перевода на становление лингвистической теории перевода?
5. Какие три основных языковых фактора, определяющих саму необходимость перевода и объясняющих его многоплановый характер, выделяет В.Н. Комиссаров?
6. Какие четыре способа сопоставительного анализа используются сегодня исследователями в современном переводоведении? Какие результаты дает каждый из них?
7. Какими еще методами располагает на сегодняшний день теория перевода? Опишите каждый из них.
8. Какое влияние оказала разработка лингвистических моделей в 60-е гг. XX в. на становление и развитие теории перевода?

Семинарское занятие 2

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА В КРУГУ ДРУГИХ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

Вопросы для обсуждения:

1. Дайте определение контрастивной лингвистики. В чем отличие контрастивной лингвистики от сопоставительной стилистики?
2. В чем заключается идея сопоставительного изучения стилистических особенностей родного и иностранного языков, выдвинутая Ш. Балли?
3. На чем основываются принципы сопоставительного описания языков согласно мнению А.В.Федорова?
4. Что лежит в основе взаимосвязи контрастивной лингвистики и одного из разделов теории и практики перевода частных теорий перевода?
5. Можно ли утверждать, что взаимосвязь контрастивной лингвистики и теории перевода предполагает их взаимозаменяемость? Почему?
6. В чем принципиальное отличие задач, решаемых в рамках контрастивной лингвистики от задач теории перевода?
7. Дайте определение социолингвистики.
8. Назовите социолингвистические проблемы, решение которых возможно за счет обращения к теории перевода.
9. В чем заключается сложность перевода социальных реалий? Приведите свои примеры.

10. Приведите примеры стратификационной и ситуативной вариативности языка художественной прозы.

11. Чем обусловлена вариативность социальной нормы перевода? Приведите примеры.

12. На чем основана взаимосвязь теории перевода и психолингвистики?

13. Прокомментируйте трехуровневую психолингвистическую модель перевода Ю. Найды.

14. Каким образом данные психолингвистики могут быть применимы к теории перевода?

15. Назовите фамилии известных переводчиков-билинггов.

16. Что в интерпретации Ю.Найды является «универсалиями дискурса»?

17. В чем заключается особенность смысла текста по сравнению, например, с его содержанием?

18. Каким образом жанровая дифференциация текстов может отразиться на переводческой стратегии? Приведите типологии текстов, разработанные К.Райс, А.Нойбертом, Ю.В.Ванниковым.

19. В чем заключается польза литературоведческого (нелингвистического) подхода для теории перевода?

20. Каким образом теория перевода может способствовать более глубокому изучению текста как некой целостной системы?

21. Какие вопросы, решаемые теорией перевода, не имеют до сих пор исчерпывающих ответов и почему?

22. В чем состоит, по мнению Ч. Морриса, двойственность семиотики по отношению к другим наукам?

23. Что лежит в основе взаимосвязи теории перевода и семиотики?

Литература:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.

2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2007. – 544 с.

3. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток Запад, 2006. – 448с.

4. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

Материалы и задания для самостоятельной работы:

Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2007. – С.207.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПЕРЕВОДА

Еще в начале 70-х гг. А.Д. Швейцер, определяя статус общей теории перевода, писал: «По сути речь идет о приложении (выделено мною. — *Н.Г.*) лингвистической теории к конкретному виду речевой деятельности — переводу. Поэтому можно охарактеризовать общую лингвистическую теорию перевода как отрасль прикладного языкознания, если под последним понимать не только вычислительную лингвистику (*computational linguistics*), но и любую область применения языковедческой теории к решению конкретных задач»¹.

Но узость рамок лингвистики для всеобъемлющего изучения перевода ощущалась уже в тот период. Социальный статус перевода как общественно значимой деятельности требовал изучения с привлечением научного аппарата социологии. Особенности поведения и психического состояния устных переводчиков, работающих, как правило, в условиях жестокого стресса, привлекли внимание психологов. Необходимость разработки специальных методов обучения переводу, направленных на формирование специфического переводческого билингвизма, сделали перевод объектом педагогики и методики.

Как мы уже отмечали, современная теория перевода является молодой и стремительно развивающейся отраслью знаний. Ее история укладывается в период творческой жизни одного поколения. Это неизбежно приводит к эволюции взглядов исследователей на одно и то же явление. Изменяется положение теории перевода среди других наук, изменяются и взгляды ученых на ее статус.

Если еще в 70-е гг. Швейцер был склонен рассматривать теорию перевода как прикладную отрасль науки о языке, то уже в конце 90-х он утверждал, что теория перевода является, безусловно, наукой **междисциплинарной**, что она смогла преодолеть лингвистический и литературоведческий «изоляционизм», что в ней развиваются тенденции к выработке интегрированного и многомерного подхода к анализу перевода. Стимулом для такой методологической ориентации, справедливо отмечал исследователь, послужили «расширение горизонтов самого языкознания, его отказ от "сепаратистских" традиций, установление тесных связей с другими науками и появление новых "дефисных" (*hyphenated*) направлений, способствующих взаимообогащению языкознания и ряда смежных дисциплин»¹. Как ни парадоксально, но в этом утверждении о междисциплинарном характере теории перевода отчетливо прослеживается лингвистический подход. В самом деле, Швейцер видит причину междисциплинарности теории перевода в расширении горизонтов науки о языке. Не теория перевода преодолела рамки лингвистики, а сама лингвистика расширила свои границы, вышла за пределы изучения системных явлений в языке, обратилась к речи, порождение и восприятие которой обусловлены не только собственно лингвистическими, но и культурными, социальными, психологическими, эстетическими и др. факторами. Иначе говоря, те явления, что ранее находились в сфере компетенции разных наук, вошли в круг интересов современной науки о языке.

Сегодня достаточно оснований для того, чтобы рассматривать теорию перевода как самостоятельную научную дисциплину, не ограничивая ее только областью лингвистической науки. Такое ограничение неизбежно привело бы к обеднению этой отрасли знаний, к сужению ее предмета. Более того, нет никакой уверенности, что теория перевода, опирающаяся исключительно на категории лингвистической науки и следующая в фарватере лингвистических течений, не окажется односторонней и будет обладать достаточной объяснительной силой, а следовательно, и большей ценностью для переводческой практики.

Всякое новое знание при условии, что оно научно обосновано, позволяет полнее понять сущность объекта научного исследования. Поэтому пренебрежение ими нерационально. Вместе с тем не исключено, что подобные знания войдут в науку о

переводе после очередного сочинительного союза «и», свидетельствующего о новом приращении научных данных, но не выведут ее на новый уровень научного обобщения. А именно в таком обобщении и нуждается современная наука о переводе или по крайней мере та ее часть, которая называется общей теорией перевода.

Некоторые исследователи ставят под сомнение возможность создания некой «монистической» теории перевода, т.е. теории, предполагающей рассмотрение многообразия проявлений перевода в свете одного начала, единой основы. М.Я. Цвиллинг полагает, что в связи «с отсутствием единой теории языка и мышления (и человеческого сознания как такового)... и с обнаружившейся иллюзорностью попыток методологической унификации языковедения-филологии, да и общественных наук в целом»¹ создание такой теории вряд ли возможно. В самом деле, построение монистической теории столь сложного объекта, имеющего бесконечное число проявлений, затруднительно. Очевидно и то, что множество моделей, теорий перевода, отражающих и объясняющих тот или иной аспект этого сложнейшего явления, разрозненные, часто даже очень интересные эмпирические наблюдения, полезные для развития переводческой практики, нуждаются в определенном обобщении. Обобщение непременно предполагает единую основу, единые «начала». И если теория языка не предоставляет теории перевода необходимых оснований для теоретических обобщений, то это еще не свидетельствует о невозможности построения монистической теории перевода на иных основаниях. Проблема состоит в том, чтобы эти основания были выбраны достаточно точно, т.е. чтобы предмет теории перевода имел четкие очертания. Иначе говоря, невозможность построения «монистической» лингвистической теории перевода не предполагает невозможности построения такой теории на иных основаниях, выходящих за пределы лингвистики. Теория перевода должна иметь свой предмет, отличный от предмета лингвистической науки, а не подчиненный ему как часть целому. В противном случае теория перевода, оставшись в русле лингвистики, будет подстраивать свой предмет к предмету науки о языке, то расширяя, то сужая его, либо вновь сместится в область литературоведения и литературной критики, «выхватывая» фрагментарные знания, полученные другими научными дисциплинами, и объединяя их союзом «и».

Р.К. Миньяр-Белоручев, констатируя в конце 90-х гг. с известной долей пессимизма, что теория перевода (или переводоведение), все еще «остается областью лингвистики, а рассматриваемые проблемы перевода обычно не выходят за рамки сопоставительного изучения двух языков»¹, предпринял попытку построить теорию перевода как самостоятельную научную дисциплину на более широкой, нежели собственно лингвистическая, платформе. Эта попытка уже свидетельствовала о том, что наука о переводе выходит за пределы лингвистики. Современная теория перевода вряд ли ассоциируется сегодня только с сопоставительной лингвистикой. Сопоставительная лингвистика, разумеется, остается одной из основ формирования переводческого билингвизма, а соответственно одним из путей познания механизма перехода от языка *A* к языку *B* в переводе. Но она не покрывает собой всю проблематику современной науки о переводе.

Идея междисциплинарного подхода к переводу, по мнению Швейцера, впервые высказана и аргументирована Ю. Найдой в 1986 г. Найда признавал, что все известные подходы к переводу — филологический, лингвистический, коммуникативный, социосемиотический — в равной степени приемлемы в изучении перевода, так как освещают разные аспекты этого объекта².

На самом деле о разностороннем подходе к переводу говорили значительно раньше, еще в начале 50-х гг., когда лингвистическая теория перевода делала первые шаги. Ведь о возможностях изучения перевода разными науками писал еще А.В. Федоров, а для А.А. Реформатского в тот же период необходимость изучения перевода разными науками служила

аргументом для отрицания самой возможности построения самостоятельной теории перевода. Попытки преодоления «лингвистической узости» теории перевода обнаруживаются и в «сопоставительных стилистиках» Мальблана, Вине и Дарбельне, вышедших в свет в конце 50-х — начале 60-х гг. XX столетия.

В то же время нельзя отрицать того факта, что перевод является речевой деятельностью, одной из ее форм, пусть своеобразной и наиболее сложной, но тем не менее возможной главным образом на основе языка. Поэтому многие категории лингвистики, безусловно, приемлемы и в теории перевода. Однако известно, что помимо так называемого «межъязыкового» перевода, т.е. собственно перевода, которому и посвящено большинство теоретических исследований, существуют также «межсемиотический» и «внутриязыковой» переводы. Р. Якобсон определял внутриязыковой перевод как переименование, а межсемиотический — как трансмутацию¹. Уже само наличие этих разновидностей перевода ставит под сомнение правомерность включения теории перевода в качестве составной части в лингвистику. Ведь, как справедливо отмечал Якобсон, и межъязыковой, и межсемиотический переводы **имеют в своей основе одни и те же закономерности**.

Таким образом, общая теория перевода оказывается научной дисциплиной, изучающей функционирование и взаимодействие семиотических систем, возможности и закономерности передачи смыслов знаками, принадлежащими разным языковым системам как вариантам единой семиотической системы, которой является естественный человеческий язык. Основное внимание этой научной дисциплины сосредоточено на межъязыковом переводе. Поэтому категория лингвистики в широком смысле слова как науки о речевой коммуникации занимает в общей теории перевода ведущее место. В то же время для познания процесса перевода «важно исследовать не только лингвистическую часть объекта науки о переводе, а весь объект науки о переводе в целом»².

Теория перевода пользуется данными, полученными лингвистической наукой, приспособливает ее методы для решения собственных задач, подобно тому как пользуется, например, данными лингвистики теория психоанализа, интерпретирующая поведение человека через факты речи. Теория перевода далеко выходит за рамки лингвистики, так как специфика изучаемого объекта требует привлечения данных и методов других научных дисциплин, а именно логики, культурологии, антропологии, этнографии, психологии, социологии и др. Свидетельствует ли это о междисциплинарном статусе теории перевода, о том, что она является одним из так называемых «дефисных» научных направлений? Пожалуй, нет. Это свидетельствует лишь о том, что перевод как объект может изучаться с разных сторон, разными научными дисциплинами. Теория перевода как самостоятельная научная дисциплина не может быть ни междисциплинарной, ни дефисной. В последнем случае она напоминала бы ежа с множеством торчащих из него дефисов. Признание междисциплинарного статуса теории перевода удобно лишь для того, чтобы уйти от решения весьма сложного вопроса о том, что же является собственным предметом этой науки, ведь междисциплинарность — это не что иное, как рассмотрение объекта сквозь призму предметов разных наук. Разумеется, изучение перевода требует междисциплинарного подхода, но междисциплинарный подход к изучению объекта и междисциплинарный статус того или иного научного направления суть вещи разные. Междисциплинарный статус характеризует некую научную область, определившую уже свой объект, но не сформулировавшую свой предмет.

Следует уточнить, что под объектом как конкретного научного исследования, так и научной дисциплины в целом понимается некая реальная сущность, подвергающаяся научному анализу. В нашем случае этой сущностью оказывается перевод как общественное явление. Предмет же отличается в общеносеологическом плане от объекта тем, что включает в себя лишь основные, наиболее существенные для данного исследования или

научной дисциплины стороны объекта. Поэтому один и тот же объект предстает как предмет разного вида исследований, предмет разных наук. Если говорить о переводе как об объекте, то в этой научной области оказываются такие аспекты, как «лингвистика перевода», «философия перевода», «социология перевода», «психология перевода», «сравнительное литературоведение» и др., которые, строго говоря, являются предметами соответствующих научных дисциплин.

Состояние междисциплинарности характерно, видимо, для научного направления, покинувшего лоно какой-либо научной дисциплины в связи с тем, что ее границы стали слишком узкими, но еще не определившего своего отношения к другим научным дисциплинам, не нашедшего своего места среди них.

На современном этапе теория перевода только начинает оформляться в самостоятельную научную дисциплину. Самостоятельность же любой науки определяется тем, имеет ли она четкие объект и предмет исследования. «Свой объект, предмет и терминологию должна иметь и наука о переводе, если она претендует на самостоятельность»¹, — справедливо утверждал Миньяр-Белоручев.

Контрольные вопросы и задания:

1. В чем заключались предпосылки возникновения междисциплинарного статуса теории перевода?
2. Что лежит в основе сомнений по поводу возможной дифференциации теории перевода и лингвистики?
3. В чьих работах высказывалась идея междисциплинарного подхода к переводу?
4. Разграничьте понятия «межъязыкового», «внутриязыкового» и «межсемиотического» переводов. Какой из них является приоритетным направлением изучения в рамках теории перевода?
5. Какого мнения придерживается Н.К. Гарбовский относительно возможности присвоения теории перевода междисциплинарного статуса? Разделяете ли вы его точку зрения? Почему?

Семинарское занятие 3 ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПЕРЕВОДА

Вопросы для обсуждения:

1. Назовите основные виды перевода по содержанию (жанру) или функциональной и коммуникативной направленности.
2. Что является объектом и каковы отличительные черты художественного, общественно-политического и специального перевода?
3. Что представляют собой военный, юридический, научно-технический перевод? Что у них общего и чем они отличаются друг от друга? Охарактеризуйте военный или научно-технический перевод.
4. Перечислите основные виды перевода по восприятию и внешнему оформлению.
5. Дайте характеристику устному последовательному переводу.

6. Что такое синхронный перевод?
7. Что представляют собой перевод с листа и коммуналный перевод?
8. Что такое письменный перевод?
9. Расскажите об особых видах обработки текста при переводе.
10. Какой вид перевода Вам нравится больше и почему?

Литература:

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990.
2. Паршин А. Теория и практика перевода. Эл. ресурс. Режим доступа linguists.narod.ru/downloads.html
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Изд-во института общего и среднего образования РАО, 2001.

Материалы и задания для самостоятельной работы:

1. Изучите Главу 3 пособия Паршина А. «Теория и практика перевода» linguists.narod.ru/downloads.html; perevod4ik.com/aticles/article3-2.php.
2. На чем основывается предложенная им классификация видов перевода?
3. Изучите главу 4 учебника В.Н.Комиссарова «Теория перевода». Выявите сущность предложенной им классификации

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПЕРЕВОДА

С точки зрения функциональной и коммуникативной направленности принято различать три вида перевода: художественный, общественно-политический (общий) и специальный. Существуют и другие классификации перевода: художественный и специальный, художественный и информативный, художественный и нехудожественный и т. д.

Рассмотрим классификацию, состоящую из трех видов перевода, позволяющую определить объект каждого вида перевода

Методы достижения адекватности в этих трех видах перевода не будут полностью совпадать, что вытекает из различного характера материала и задач, стоящих перед переводчиком.

Объектом художественного перевода является художественная литература. Отличительной чертой художественного произведения является образно-эмоциональное воздействие на читателя, что достигается путем использования огромного количества разнообразных языковых средств, от эпитета (красочное определение) и метафоры (переносное значение) до ритмико-синтаксического построения фразы.

Следовательно при переводе художественного произведения в целях сохранения образно-эмоционального воздействия оригинала на читателя переводчик будет стремиться передать все нюансы формы произведения.

Поэтому в данном случае на первый план выходит воспроизведение особенностей формы и содержания подлинника.

Объектом общественно-политического перевода являются общественно-политические и публицистические тексты, для которых характерна пропагандистская или агитационная установка, а следовательно, яркая эмоциональная окраска наряду с большой насыщенностью различной терминологией.

В плане достижения адекватности этот вид перевода обладает чертами как художественного, так и специального перевода.

Объектом специального перевода являются материалы, относящиеся к различным областям человеческого знания и практики, науки и техники.

Отличительной чертой этих материалов является предельно точное выражение мысли, что достигается в первую очередь широким использованием терминологии.

К специальному переводу относятся: военный, юридический, технический, научный (иногда два последних объединяют в научно-технический), растет потребность в экономическом переводе и т. д.

Хорошо, если переводчик знает специальность, в области которой он работает. В наше время человек не может усвоить все известное, накопленное в науке и технике, которые настолько усложнились и развились, что узкая специализация для научно-технических работников стала законом.

Это распространяется и на технических переводчиков, которым, как правило, приходится специализироваться в какой-либо одной отрасли производства, систематически изучать специальную литературу, следить за новинками в данной области, использовать опыт специалистов и опытных переводчиков.

Устный последовательный перевод — это тот вид перевода, в котором человечество нуждается больше всего; по-видимому, такая ситуация сохранится и в будущем. Переводчик переводит на слух 1 - 2 фразы или несколько больший фрагмент устного текста, который произносит оратор (или участник беседы), причем сразу после того как эти несколько фраз произнесены. Такой вид перевода часто называют абзацно-фразовым переводом. Чаще всего переводчик находится непосредственно рядом с говорящим, поэтому может видеть в мимику и жестикуляцию, что помогает правильно понять смысл сказанного. Однако иногда переводчик находится вне поля зрения аудитории, в кабине или за сценой, и воспринимает речь через наушники; и в этом случае возможность наблюдать оратора хотя бы издали очень важна.

Задача устного переводчика, переводящего последовательно, заключается в том, чтобы запомнить смысл значительного фрагмента текста и затем воспроизвести его на другом языке, сохраняя не только познавательную информацию, но и по возможности стиль оратора, а также эмоциональную информацию, т. е. те эмоции, которые оратор вкладывает в свою речь.

Следовательно, такому переводчику необходимо иметь развитую память, умение на ходу ориентироваться в стиле, обладать некоторыми актерскими данными.

К обязательным требованиям в устном переводе относится его высокая скорость. В среднем эта скорость должна находиться у верхнего предела скорости восприятия устной речи. Если оратор говорит быстро, она должна быть равна речи оратора, если он говорит медленно, переводчик обязан говорить при переводе значительно быстрее, чем оратор. Паузы между речью оратора и речью переводчика должны быть сведены до минимума.

Самый простой для переводчика вариант последовательного перевода - это перевод официального доклада, сообщения или речи. В этом случае, как правило, заранее можно получить текст всего доклада или хотя бы узнать его тему. Переводчик имеет возможность изучить текст доклада, познакомиться со специальной литературой по теме, составить тезаурус — списки слов по теме с соответствиями. Однако и в этом случае переводчик не застрахован от неожиданностей, потому что оратор может во время выступления сократить или расширить текст своего доклада, уклониться от темы или даже полностью изменить ее. Поэтому устному переводчику необходимо иметь навык психологической готовности к самому неожиданному повороту событий при переводе.

Наиболее непредсказуемый характер имеет содержание дискуссии, которую приходится переводить переводчику практически на любой конференции. Неважно, в официальной или в неформальной обстановке она протекает, главное, что, помимо общей заявленной проблемы, переводчику не известны ни содержание выступлений конкретных участников, ни суть возможных проблем, которые могут быть подняты в ходе дискуссии. Кроме того, во время переговоров могут вспыхивать конфликты. Поэтому переводчик должен быть досконально знаком с правилами профессиональной этики, четко знать, как ему себя вести, что делать и что переводить в конфликтной ситуации.

Устный последовательный перевод может быть односторонним и двусторонним. Односторонний перевод предполагает, что данный переводчик переводит только с иностранного языка на родной, а с родного языка на иностранный переводит другой переводчик (как правило, носитель языка перевода). В современной международной переводческой практике этот вариант считается приоритетным. Двусторонний перевод означает ситуацию, когда один и тот же переводчик переводит все выступления и с иностранного языка на родной, и с родного на иностранный. На российском рынке перевода преобладает спрос на двусторонний перевод.

Отметим, что качество перевода с родного языка на иностранный и качество перевода с иностранного языка на родной несколько различаются. При переводе с иностранного языка на родной итоговый (переведенный) текст получается более связным, единым, правильным, чем при переводе на иностранный язык. Зато не исключены ошибки и недопонимание на этапе восприятия исходного иностранного текста, поскольку при самом высоком уровне знания иностранного языка все-таки воспринимается он не так полно и надежно, как родной. Напротив, при переводе с родного языка на иностранный проблем при восприятии не возникает (они возможны только в случаях плохой слышимости, дефектов речи у оратора и тому подобных субъективных причин); но в переведенном тексте возможны разного рода ошибки: грамматические, стилистические, лексические. Многие переводчики, и опытные, и начинающие, отмечают, что на иностранный язык им переводить легче (!), чем на родной. Это противоречит бытующему в среде непрофессионалов представлению о сложностях перевода: обычно считается, что на родной язык переводить легче. Парадокс объясняется просто. Во-первых, полнота восприятия — важная основа для полноценного перевода, значит, при переводе с родного языка эта основа надежнее. Надежность восприятия служит и серьезным психологическим организующим фактором: хорошо понимая исходный текст, переводчик меньше волнуется и больше уверен в своих силах. Во-вторых, возможности выбора вариантов при переводе на иностранный язык уже, представления о системе иностранного языка несколько упрощены, переводчик просто-напросто знает меньше иностранных слов и оборотов, чем слов на родном языке. Выбор упрощается, на поиски варианта тратится меньше времени, перевод осуществляется быстрее. Но это не означает, что он качественнее.

Вспомогательным средством запоминания в устном последовательном переводе могут служить записи в блокноте, которые делает переводчик. Наиболее продуктивна для записи переводческая скоропись.

В последнее время все большую популярность приобретает и все выше ценится умение переводить устно в последовательном режиме сразу большие фрагменты устного выступления (длящиеся 10-15 минут) или даже целое выступление (до 40 минут). Переводчик прослушивает этот большой фрагмент или все выступление и с помощью переводческой скорописи (сокращенной записи) записывает основное содержание сообщения, а затем, соблюдая все описанные выше требования (высокая скорость речи, сохранение эмоциональной окраски и стиля оратора), воспроизводит выступление на языке перевода. В умения так называемого конференц-переводчика перевод такого рода теперь включается в

обязательном порядке, а само понятие конференц-перевод, которое включало когда-то навыки абзацно-фразового перевода выступлений и умение переводить дискуссию в двустороннем режиме, базируется теперь на переводе цельного текста.

Такому переводу обязательно обучают в ведущих высших школах перевода, например в Гейдельберге, а методика обучения устному переводу в некоторых из них целиком базируется на восприятии и воспроизведении целого текста. Наиболее яркий пример такого рода — Высшая школа перевода при Сорбонне. У такой разновидности устного последовательного перевода два очевидных преимущества: первое — он позволяет сделать максимально эквивалентный перевод, поскольку переводчик передает содержание, опираясь на знание всего текста, в то время как при абзацно-фразовом переводе переводчик, как правило, последующего контекста не знает; кроме того, переводчик не привязан к отдельным словам и выражениям и перевод, таким образом, избавлен от буквализмов; второе преимущество заключается в том, что переводчик не прерывает оратора и оратор может в полном объеме передать слушающим эмоциональную информацию: ведь вынужденные паузы разрушают, в первую очередь, эмоциональный фон выступления. Есть у перевода целого и существенный недостаток: пока оратор не завершит свою речь, аудитория, которая не знает языка оратора, в ожидании перевода явно скучает.

Важным профессиональным качеством устного переводчика является знание литературной нормы языка оригинала и языка перевода, поскольку тексты устных выступлений, как правило, держатся в рамках устного варианта литературной нормы языка. Редки случаи, когда в устной речи необходимо применение функциональных доминант какого-то другого стиля. Это, скажем, похоронная, траурная речь, где доминирует высокий стиль. Устная литературная норма, в отличие от письменной, имеет некоторые черты устной разговорной речи. Из них наиболее частотны две: эмоциональный порядок слов и наличие фразеологизмов.

Текст устного последовательного перевода, как правило, нигде не фиксируется, поскольку он необходим только в момент устного контакта. Однако иногда его записывают на магнитофон или, реже, стенографируют, скажем, в целях создания письменных текстов материалов конференции. Основой для создания письменных текстов или получения конкретной информации могут служить также сокращенные записи в блокноте переводчика.

Синхронный перевод

При синхронном переводе текст переводится почти одновременно с его произнесением (с небольшим отставанием). Поскольку он требует от переводчика навыка одновременно слушать, понимать, переводить и говорить, этот вид перевода общепризнанно считается самым сложным.

При синхронном переводе переводчик находится в изолированной кабине и оратора видит либо издали через специальное окно, либо на экране монитора, а слышит его речь через наушники. Поскольку перевод транслируется в зал также через наушники, которыми снабжено каждое кресло в конференц-зале, особенно важно сохранять чистоту эфира, не допускать посторонних шумов, разговоров, покашливаний, так называемого эфирного «сора». Еще большее значение, чем при последовательном переводе, приобретает чистота речи переводчика, его дикция, артикуляционная правильность устной речи, отсутствие сорных слов и звуков типа «м-м-м», «э-э», «значит», «как бы». Также чистым, «поставленным», должен быть и тембр голоса. Неизбежная опасность при синхронном переводе — перенапряжение голоса, поскольку скорость речи, как правило, выше нормальной за счет отсутствия пауз. У каждого синхронного переводчика свой способ поддержания голоса: стакан воды (без газа!), специальные таблетки от кашля, кофе со сливками.

Важна также интонационная культура синхронного переводчика. Интонации его перевода должны быть ровными, не агрессивными, но уверенными, убедительными — это наиболее «комфортное» сочетание для слушателей.

Синхронные переводчики работают в парах, сменяясь каждые 10-20 минут. Переводчик, сменившись, продолжает следить за речью оратора и использует свободное время, наводя необходимые справки по словарям и материалам конференции, а если надо, то и помогает своему напарнику.

Синхронный перевод осуществляется по очень коротким сегментам текста, которые и служат в данном случае минимальными единицами перевода, поэтому ведущим навыком при этом виде перевода, помогающим обеспечить его эквивалентность, является навык прогнозирования. Но и при развитом навыке прогнозирования, т. е. предвидения того, что скажет оратор, ошибки неизбежны. Ошибки переводчик старается исправить, вводя корректирующую информацию в свою последующую речь, и на это тратится некоторое время. Вместе с тем переводчику ни в коем случае нельзя отстать от оратора, иначе он потеряет нить смысла. Такой временной прессинг заставляет синхронного переводчика сжимать, компрессировать свою речь, выбирать наиболее короткие слова и наиболее компактные обороты речи, а также выпускать второстепенную, на его взгляд, информацию. Таким образом, при синхронном переводе прежде всего задействованы аналитические и речевые навыки и в меньшей степени память. Как и при последовательном переводе, переводчику необходимо иметь колоссальный объем лексики в активном запасе.

Помимо описанного, основного вида синхронного перевода, существуют еще две разновидности. Первая — это так называемый шепотной синхрон.

Переводчик находится непосредственно рядом с человеком или группой людей, для которых переводит, и тихо, вполголоса или шепотом, чтобы не помешать остальным присутствующим (за что и был в среде профессионалов прозван «шептун»), переводит для них содержание речи оратора или участника дискуссии. Такое «персональное» обслуживание необходимо тогда, когда подавляющему большинству присутствующих перевод не нужен. Широко практикуется он и в неофициальных случаях: например, при посещении театра, при просмотре телепередач на иностранном языке и т. п. «Шептун» работает в крайне сложных условиях, часто в обстановке непредсказуемых помех (громкая чужая речь, музыка, вопросы и высказывания со стороны клиента), но и требования к его переводу гораздо скромнее, чем к переводу конференц-синхрониста. Как правило, от него ожидается лишь сокращенная передача общего смысла иностранной речи.

Другая разновидность — это «контрольный» синхрон, который стал все чаще встречаться при проведении крупных конференций. Переводчик находится в особой кабине, и речь оратора поступает к нему через наушники. Он либо не видит оратора вообще, либо имеет возможность изредка посматривать на него, бросая взгляд на экран монитора. Изредка потому, что основная его задача: переводя мысленно услышанный текст, тут же набирать его на компьютере. Поэтому в основном он смотрит на другой экран монитора, где фиксируется его текст. Основная задача его та же, что и у обычного синхрониста: не отстать от оратора и по возможности полно передать содержание речи. Однако одновременно он должен обладать навыком быстрого, желательно «слепого» (не глядя на клавиши) набора на компьютере. Разумеется, текст оказывается неполным. Поэтому после окончания рабочего дня переводчику приходится довольно продолжительное время дорабатывать свой текст. Как мы видим, эта разновидность устного перевода смыкается с письменным переводом, поскольку в результате возникает письменный текст. Он и служит чаще всего как основа для будущей публикации материалов конференции, а также может быть использован и для контроля работы устных синхронистов.

Перевод с листа

Перевод с листа кажется многим одним из самых легких видов устного перевода. Однако это лишь внешнее впечатление. Переводу с листа обучают во всех крупных переводческих учебных заведениях, и это обучение длится немалый срок. В чем же его сложность? Переводчику необходимо без подготовки (или с очень небольшой подготовкой в несколько минут) перевести письменный текст вслух, как бы «считывая» его с листа. Казалось бы, все очень просто. Память напрягать не надо, письменная опора всегда перед глазами. Однако, в отличие от письменного переводчика, переводчик с листа не может полноценно опираться на весь текст. Он должен обладать умением быстро, по нескольким симптомам определить тип текста, его стилистическую специфику, суть проблемы, обсуждаемой в тексте, тематику и область знаний. Даже в самом легком случае, если требуется перевести деловое письмо, текст может быть осложнен терминологией, специфическими оборотами речи. В более сложных случаях с листа приходится переводить резолюции, декларации, манифесты, т. е. документы, имеющие правовой статус и требующие особой точности при переводе.

Коммунальный перевод

Под этим еще не окончательно устоявшимся названием скрывается одно из самых современных направлений в развитии деятельности устного переводчика: перевод в медицинских и административных учреждениях. И особенность его не в специфике самого перевода, а в специфике позиции переводчика. Разумеется, устные переводчики и раньше при необходимости переводили в суде, в загсе, в больнице, в тюрьме. Их задача, как всегда, заключалась в том, чтобы обеспечить межъязыковой контакт. Однако лишь в последнее время стало ясно, что преодоления межъязыкового барьера недостаточно. Для обеспечения полного равноправия, полной правовой интеграции иностранного гражданина, не владеющего языком страны, в систему ее законов, правил и ценностей, необходимо преодоление также и межкультурного барьера. Иначе неизбежны многочисленные недоразумения.

Миссия коммунального переводчика заключается в том, чтобы облегчить иностранному гражданину контакт с властями. Для этого нужны глубокие знания культуры и социальной специфики народов и стран, представляющих оба языка, а также социальной и личностной психологии. В отличие от большинства устных переводчиков, коммунальному переводчику приходится иметь дело с устной речью, далекой от официальной, с диалектами и просторечием. Одновременно он должен владеть языком суда, медицины, языком официальных учреждений. В большей мере, чем конференц-переводчику, ему необходима терпимость и выдержка в стрессовых ситуациях.

В заключение отметим, что устный перевод во всех своих разновидностях выполняется в обстановке острого дефицита времени, а поэтому, помимо знаний и профессиональных умений, требует огромной выдержки и психической устойчивости. Именно эти качества устные переводчики ставят на первое место, когда речь заходит об их профессии.

Письменный перевод

Письменный перевод, т. е. перефразирование письменного текста, созданного на одном языке, в письменный текст на другом языке, при широчайшем разнообразии письменных текстов, имеет всегда одну и ту же схему и предполагает обычно следующую последовательность действий: сначала переводчик знакомится с текстом оригинала; затем, произведя предварительный предпереводческий анализ, т. е. выявив тип текста, жанровые и стилистические признаки, тему и область знаний, с которыми связан текст, он приступает к созданию текста перевода. При необходимости письменный переводчик привлекает различные вспомогательные источники информации, которые обеспечат ему фоновые знания о тексте: словари, справочники, консультации со специалистами. Закончив перевод,

переводчик сверяет, правит и редактирует собственный текст, затем оформляет и передает заказчику. Если текст предназначен для публикации, то после переводчика (но в контакте с ним) над текстом работают редакторы и корректоры.

От устного перевода письменный перевод коренным образом отличается отсутствием дефицита времени. Письменный перевод не ставит переводчика в жесткие временные рамки и обеспечивает самый высокий уровень эквивалентности по отношению к подлиннику. Правда, отсутствие дефицита времени может быть весьма условным. Большая часть переводов в наши дни выполняется в срочном режиме. Исключение, как правило, составляет художественный (литературный) перевод, т. е. перевод художественных произведений. Если объем нехудожественного текста, который переводчик в среднем может перевести за рабочий день, составляет от 7 до 10 страниц по 1800 знаков, то количество страниц художественного текста, который удастся перевести за день, предвидеть невозможно. Эстетическая наполненность текста, специфика индивидуального стиля автора могут таить самые разные сюрпризы. Художественная цельность такого текста заставляет переводчика несколько раз возвращаться к его оформлению, создавать несколько версий, разрабатывать особые приемы перевода, подходящие только для данного текста и данного автора.

Письменные переводчики иногда специализируются на текстах определенного типа. В первую очередь это касается текстов, обладающих правовым статусом. Поэтому нотариальные переводчики, судебные переводчики имеют особый сертификат, подтверждающий их полномочия, и собственную именную печать. Штатные переводчики в фирмах, на предприятиях, в конструкторских бюро специализируются на той области техники и производства, которыми занимаются их фирмы. Особую категорию составляют переводчики художественной литературы. Это обычно люди с высоким творческим потенциалом, писательскими наклонностями и широкой филологической образованностью. Вместе с тем стоит отметить, что современная потребность в письменных переводных текстах в мире столь велика и разностороння, что большинству переводчиков приходится быть специалистами широкого профиля и переводить тексты разного типа и разной тематики. Гибкость, быстрая переключаемость и привычка постоянно впитывать новое помогают современным переводчикам быстро освоить любой текст.

Машинный перевод

Машинный, а точнее, компьютерный перевод — это также письменный перевод, поскольку в результате мы получаем письменный текст. Однако осуществляет его не переводчик, а особая компьютерная программа. Современные компьютерные программы перевода достаточно совершенны, но они до сих пор не могут разрешить самую сложную задачу процесса перевода: выбор контекстуально необходимого варианта, который в каждом тексте обусловлен многими причинами. В настоящее время результат этого вида перевода может быть использован как черновой вариант будущего текста, который будет редактировать переводчик, а также как средство, чтобы в крайней ситуации отсутствия переводчика получить общее представление о теме и содержании текста.

Еще более сложную задачу представляет перевод устного текста с помощью компьютерных программ, так как проблема распознавания устной речи находится лишь на начальном этапе своего решения. До сих пор непреодолимым препятствием является индивидуальная окраска звучания сегмента речи — на любом языке такая речь плохо формализуется.

Особые виды обработки текста при переводе

В некоторых случаях перед переводчиком ставится задача не только перевести, но и обработать текст. В современных исследованиях зачастую встречается мнение, что все случаи, когда при переводе текста имеет место его попутная обработка, следует считать

фактом не перевода, а языкового посредничества, к которому, наряду с переводом, «относятся... и реферирование, и пересказ, и другие адаптированные переложения».

Действительно, текст в рамках одного языка может претерпеть эти виды обработки и превратиться просто в другой текст. Но если при этом он перевыражается средствами другого языка, то, помимо обработки, перед нами еще и перевод в тех или иных своих проявлениях.

Обработка может затрагивать состав информации, сложность ее подачи, стиль текста. В зависимости от этих задач различаются разные виды обработки текста при переводе.

Адаптация. Адаптация представляет собой приспособление текста к уровню компетентности реципиента, т. е. создание такого текста, который читатель сможет воспринять, не прибегая к посторонней помощи. Среди наиболее частых случаев — обработка текстов разного характера для детей, обработка специальных текстов для неспециалистов, лингвоэтническая адаптация.

Адаптация прежде всего заключается в упрощении текста, как формальном, так и содержательном. В частности, специальная лексика (термины, сложная тематическая лексика) заменяется при переводе на общеязыковую, нормативную, или, по крайней мере, объясняется переводчиком внутри текста или в примечаниях. Упрощаются сложные синтаксические структуры, уменьшается объем предложения. Адаптация художественного текста заключается также в упрощении образной системы и часто используется для начального знакомства детей со сложными литературными текстами. Среди знаменитых адаптации, на которых выросли русские дети: «Гулливер у лилипутов» Джонатана Свифта в обработке Т. Габбе и З. Задунайской, «Жизнь и удивительные приключения морехода Робинзона Крузо» Даниэля Дефо в обработке Корнея Чуковского и многое другое.

Несколько иной характер имеет адаптация текста для носителей иной культуры, или лингвоэтническая адаптация. Она заключается не в упрощении грамматического и лексического состава текста, а в приемах, направленных на облегчение восприятия чужих культурных реалий и языковых явлений. Многочисленные реалии чужой культуры, которые в публицистическом или художественном тексте на иностранном языке могут встретиться без пояснений, при переводе снабжаются комментарием. Текст при этом расширяется, это может снизить его эмоциональное воздействие, но зато он станет доступен читателю.

Стилистическая обработка. Исходный текст не всегда идеален. Во всяком случае, его качество не всегда удовлетворяет заказчика перевода. Сам в полной мере он оценить это качество не может, но может довериться чужой экспертной оценке. Тогда переводчика просят не только перевести, но и «улучшить» текст, например, сделать его менее казенным, громоздким; убрать длинноты и нелогичности; шире, чем в подлиннике, пользоваться разговорными оборотами речи; или, напротив, убрать из подлинника слишком вольные словечки, если речь идет об официальном документе. Традиционно такой вид обработки носит название «литературная обработка». Фактически же переводчик восстанавливает единство стиля и выравнивает логику содержания, поскольку это не в полной мере удалось автору оригинала.

Авторизованный перевод и соавторство. Этот вид обработки встречается только при переводе художественных и публицистических текстов, где за переводчиком признается авторство на переведенный им текст.

Авторизация отличается от адаптации и стилистической обработки тем, что переводчик (как правило, с разрешения автора оригинала) вносит собственные изменения в художественную систему подлинника, меняет сюжет, состав героев, применяет свои художественные средства. В России в советские годы авторизация часто применялась для того, чтобы убрать из произведения «вредные» идеи и внести «полезные» коммунистические. Иногда же авторизация совмещается с адаптацией, как это случилось в 1930-е годы при

создании русской версии для детей книги Сельмы Лагерлеф «Необыкновенное приключение Нильса с дикими гусями», которое представляло собой в подлиннике учебник географии для шведских народных школ. Теперь для разных целей существуют два разных «Нильса»: для маленьких детей в авторизованной обработке Н. Гессе и З. Задунайской и для детей постарше и специалистов полные переводы Л. Брауде и Н. Золотаревской.

Соавторство встречается значительно реже. Это тот редкий случай, когда автор оригинала, находясь в постоянном контакте с переводчиком во время его работы, полностью соглашается со всеми изменениями, которые переводчик вносит в его текст, и считает, что переводчик внес собственный вклад в его творческий замысел. Иногда соавтором переводчика объявляет сам автор. Так случилось летом 2000 г., когда Манфред Ваффендер, немецкий автор документального фильма о Петербурге «Music city: St.Peterburg» объявил известную петербургскую переводчицу Марину Кореневу соавтором своего фильма. Правда, причина заключалась в высокой культурной компетентности переводчицы, ее осведомленности в том, что может заинтересовать немецкого зрителя в культурной жизни родного города переводчицы, который она великолепно знает.

Выборочный перевод. Иногда заказчика не интересует весь текст, ему необходимо почерпнуть из него сведения на какую-то определенную тему. Например, из научного обзора литературы о вирусах нужно выбрать информацию лишь о тех вирусах, которые способствуют возникновению атеросклероза. Или из спортивной сводки об Олимпиаде — только информацию о российских спортсменах. Тогда переводчику приходится выполнять выборочный перевод. Предварительно ему необходимо ознакомиться, хотя бы бегло, с текстом в полном составе. Затем, после того как необходимые фрагменты текста найдены и отмечены, делается черновой сплошной перевод этих фрагментов. Этот черновой вариант переводчик редактирует, переформулируя отдельные высказывания, чтобы восстановить логические связи в тексте.

Резюмирующий перевод. Это самый сложный и трудоемкий вид обработки текста при переводе. Задачей переводчика является создание резюме, краткой сводки о содержании текста. Прежде всего приходится ознакомиться с текстом в его полном объеме, а он может быть довольно большим: многостраничная монография, большой роман или даже многотомный исторический труд. После этого переводчик выстраивает собственную схему краткого изложения содержания, ориентируясь на поставленные перед ним задачи: ведь размер резюме никак не коррелирует с размером произведения. Из практики известны случаи, когда требовалось десятистраничное прозаическое резюме текста пьесы, составившего 120 страниц, и просьба сделать сокращенный (т. е. резюмирующий) перевод философского сочинения в 700 страниц, сократив его при переводе вдвое. Здесь недостаточно бывает переформулировать отдельные высказывания; многие фразы приходится писать самостоятельно на основании содержания подлинника. Резюмирующий перевод требует от переводчика аналитического подхода к содержанию текста и умения делать собственные выводы из воспринятой информации.

Семинарское занятие 4 ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ

Вопросы для обсуждения:

1. Почему проблема переводимости имеет давнюю историю?
2. Какие древние тексты считались непереводаемыми? Какие аргументы приводились в пользу данной концепции?
3. Каким образом гипотеза Сепира-Уорфа «подтверждает» концепцию непереводаемости?
4. На чем основывалась концепция всепереводимости? Кто из известных переводчиков выступал в ее защиту?
5. Какие положения служат обоснованием концепции принципиальной (ограниченной, относительной) переводимости?
6. Как вы считаете, в пользу какой концепции можно отнести следующее высказывание Виссариона Григорьевича Белинского относительно перевода «Илиады» Гомера, осуществленного в XIX в. Николаем Ивановичем Гнедичем: *«Никакое колоссальное творение искусства не может быть переведено на другой язык так, чтобы, читая перевод, вы не имели нужды читать подлинник; напротив, не читая творения в подлиннике, нельзя иметь точного о нем понятия, как бы ни был превосходен перевод. К "Илиаде" особенно относится эта горькая истина: только греческий язык мог выразить такое греческое содержание, и на всех других языках "Илиада" — засушенное тропическое растение, хотя и сохранившее, по возможности, и блеск красок и ароматический запах»*?
7. Какие два типа ограничений, препятствующих полной переводимости, выделяет В.В. Сдобников?
8. Охарактеризуйте каждый из факторов, относящихся к первому типу.
9. Существуют ли на сегодняшний день произведения, считающиеся непереводаемыми?

Литература:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводаемое в переводе. М.: Межд.отн., 1980.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2007. – 544 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш.шк., 1990. – 253 с.
4. Петрова О.В. Переводимо или непереводаемо?// Проблемы языка, перевода и межкультурной коммуникации: Сб.науч.тр. Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. – С.159-168.
5. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964. – С.68-76.

6. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток Запад, 2006. – 448с.
7. Семко С.А. Проблемы общей теории перевода. Таллинн: Валгус. 1988. - С. 87-117.
8. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 416 с.
9. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
10. <http://forum.sufism.ru/index.php?topic=234.0>

Материалы и задания для самостоятельной работы:

В.А. Разумовская Изоморфизм поэтического текста и проблема переводимости// Russian Language and Literature Studies Серия № 21, 2008 № 3 С.42-46.

Переводоведение обладает рядом универсальных инвариантных категорий и понятий, присущих любой науке и делающих его одной из областей научных знаний. Однако несомненной отличительной особенностью науки о переводе является определенная парадоксальность ряда присущих ей категорий, возникающая как раз в области пересечения теоретических воззрений на переводческие процессы (а также виды, типы, приемы, техники, механизмы) и практической деятельности переводчиков. История переводческой практики, вероятно, берущая свое начало со времен, непосредственно следующих за возникновением и расселением человека, и получившая бурное развитие с возникновением мирового многоязычия, является неоспоримым доказательством возможности осуществления перекодировки языковой информации в пределах естественных (а в настоящее время и искусственных) знаковых систем. Параллельно с практикой перевода и на ее основе формировалась теория перевода, также имеющая достаточно долгую историю становления и развития. Первые теоретические рассуждения по проблемам перевода мы находим в работах ученых Античного мира, переводческих школ Арабского мира, Китая. На начальном этапе своего развития теория перевода формировалась преимущественно на материале опыта переводов сакральных текстов. Наиболее известными и признанными считаются теоретические воззрения С. Иеронима, сформулированные им в начале 5 века н.э. на основе практического материала перевода Библии (Нового Завета) на латинский язык (Vulgate). До настоящего момента остается малоисследованной шумеро-аккадская переводческая традиция, существовавшая уже в третьем тысячелетии до нашей эры. Перевод не только неразрывно сопровождал человеческую цивилизацию, но и в определенном смысле был двигателем цивилизации, обеспечивая информационный обмен между индивидами и целыми народами. Все история человеческой коммуникации убедительно доказала, что перевод возможен.

И все же одним из «вечных» вопросов теории перевода всегда являлся вопрос о принципиальной возможности перевода, вопрос о переводимости. Данной проблеме посвящены многочисленные специальные исследования, предпринятые в различное время и в рамках различных переводческих традиций. Но окончательного однозначного ответа на данный вопрос очень долго не было найдено. Сказанное выше можно проиллюстрировать только одним ярким примером. В известной работе С. Басне и А. Лефевра, опубликованной уже после смерти А. Лефевра, вопрос о принципиальной переводимости определяется как вопрос «несообразный», «абсурдный» («preposterous») (Bassnett, Lefevere 1998). Исследователи отмечают, что только в последнее время данный вопрос определенным образом видоизменился и на настоящий момент (момент публикации книги в 1998 году) может быть сформулирован следующим образом: «Почему Вы заинтересованы в одобрении или неодобрении возможности того, что происходило и продолжает происходить практически во всем мире вот уже, по крайней мере, в течение четырех тысяч лет».(Bassnett,

Lefevere 1998: 1) Одна из удачных попыток рассмотрения и решения проблемы лингвистической непереводимости была представлена в работе Дж. Кэтфорда.(Catford 1965)

На современном этапе развития науки о переводе можно выделить две основных области деятельности практиков и теоретиков перевода, где вопрос о принципиальной переводимости до сих пор не утратил своей остроты и актуальности. Одной из них является область машинного перевода, имеющая сравнительно короткую, но бурную историю существования. Другой областью перевода, где проблема переводимости неизменно возникает, несомненно, является область поэтического перевода, что и составляет предмет нашего исследования.

Сомнения теоретиков и практиков поэтического перевода в принципиальной переводимости поэтических текстов объясняются очевидными особенностями текстов такого рода. И, прежде всего, особенностями функционального плана. Одной из ведущих функций поэтического текста выступает эстетическая функция, реализация которой направлена на возвышение реальности, отраженной в сообщении, на придание ей поэтической окраски.(Кожевникова 1992; Ковтунова 1986; Григорьев 1979) Эстетическая функция призвана служить целям удовлетворения эстетических чувств адресата сообщения. И здесь на первое место выдвигаются формальные (и, прежде всего, звуковые) характеристики художественного текста. К звуковым эффектам можно отнести оноματοпею, аллитерацию, ассонанс, рифму, размер, интонацию, ударение. При переводе экспрессивных текстов, в особенности текстов поэтических, очень часто наблюдается «конфликт между экспрессивной и эстетической функцией («правдой» и «красотой») – между полюсами уродливого буквального перевода и красивого вольного перевода». (Newmark 1988: 42) В «бесмысленной» поэзии звуковой эффект является более важным, чем смысл. В детской поэзии и в рафинированной (art-for-art) литературе конца 19 века (Т. Готье, П. Верлен) эвфоническая «красота» предшествует «правде».(Levy 1969) Таким образом, важнейшей чертой поэтического художественного текста, в отличие от текста прозаического, является тесная связь его формы (звуковой, метрической) и содержания (смыслового, стилистического и прагматического). Поэтическая ткань характеризуется предельной концентрацией семантической плотности и представляет непрерывный поэтический дискурс. Особенность языковой ткани поэтического текста образно описал М.М. Бахтин: «Только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо стороны его напряжены до крайности; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого». (Бахтин 1975: 46) Существует описание различных видов информации, заложенной в завершённом поэтическом тексте. Передача информации в данном случае происходит в рамках опосредованного коммуникативного акта. Вербальная коммуникация, осуществляемая посредством художественного произведения, определяется в специальной литературе как вербально-художественная коммуникация, а вербально-художественная коммуникация, осуществляемая посредством поэтических текстов, – это поэтическая коммуникация, подразделяемая в свою очередь на два подвида: смысловую и эстетическую. (Гончаренко 1999: 109) Эстетическая коммуникация и предполагает, прежде всего, передачу в коммуникативном акте информации эстетического типа.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что информация поэтического текста представляет собой сложный комплекс. В поэтическом тексте информационный комплекс передается посредством ритмической, фонетической и семантической систем, элементы которых функционируют в условиях поэтического контекста. Рассмотрение поэтического текста в переводческом аспекте предполагает, прежде всего, преодоление трудностей, обусловленных сверхсвязанностью и сверхсемантизацией всех элементов поэтического текста, принадлежащих к различным языковым уровням: от фонологического до текстологического. Тесная связь и взаимообусловленность формальных и содержательных

параметров поэтического текста имеет своим результатом их изоморфизм. Таким образом, эстетическая функция поэтического текста реализуется на основе изоморфизма формы и содержания подобного рода текстов. Именно изоморфизм формы и содержания придает такого рода тексту «музыкальную тональность» или так называемый «внутренний ритм». (Raffel 1991: 95) Другой важной характеристикой поэтического текста является коннотативная окрашенность, доминирующая над исконной денотативностью текста, (Bassenett 1996: 81-109) что также является прямым следствием неразрывного единства формы и содержания поэтического текста.

В наиболее обобщенном виде задача переводчика поэтического текста традиционно определяется как передача формы и содержания поэтического произведения исходного языка и создание в переводном языке поэтического произведения – продукта. Столь трудная задача породила идею о принципиальной непереводаемости поэтического текста. Отражение данной идеи можно найти в работах В. Набокова. (Nabokov 1955) Р. Якобсон также считал, что все поэтическое искусство технически непереводаемо, перевод является только соответствующей интерпретацией единицы чужого кода, и эквивалентность в данном случае невозможна. (Jakobson 1959: 232-239) Рассуждая о крайних случаях переводческих трудностей, Г. Рабасса также затрагивает проблему непереводаемости и, прежде всего, проблему непереводаемости текста поэтического. Г. Рабасса пишет, что перевод никогда не является воспроизведением, копией оригинала. И именно невозможность передачи при переводе некоторых характеристик оригинального текста делает в первую очередь непереводаемыми тексты поэтические. Поэтические тексты еще более являются удаленными от воспроизведения в другом языке и в другой культуре, чем любые другие тексты. (Rabassa 1984: 21-29) В своих рассуждениях о переводаемости поэтических текстов Г. Рабасса идет вслед за рассуждения выдающегося американского поэта Р. Фроста и приводит его образное сравнение перевода со своего рода пробным камнем для определения поэзии: поэзия – это то, что в переводе теряется. (Rabassa 1984: 24)

Другие лингвисты и переводчики не разделяют столь категоричной точки зрения на проблему поэтического перевода, но признают невозможность передачи без потерь из языка–источника в язык-перевод всех содержательных и формальных характеристик исходного поэтического текста и, что является еще более трудным, изоморфизма поэтического текста–оригинала. П. Ньюмарк обращает внимание на то, что переводческие проблемы возникают именно в том случае, когда внимание переводчика должно быть одинаково сосредоточено как на форме, так и на содержании переводимого сообщения. (Newmark 1988: 162) То есть опять происходит возвращение к пониманию того, что наибольшую трудность в поэтическом переводе составляет передача изоморфного комплекса исходного текста.

Анализируя примеры поэтического перевода, исследователи неизбежно приходят как к необходимости определения явлений, которые лежат в основе эстетизма исходного поэтического текста и делают данный текст фактом поэзии, так и к необходимости поиска переводческих механизмов, и методик, которые бы позволили сохранить поэтическое своеобразие исходного текста в тексте переводном.

Таким универсальным явлением, как мы уже отмечали выше, выступает изоморфизм, на обязательность которого настойчиво обращают внимание как исследователи языка поэзии, (Караулов 1996:87) так и специалисты в области перевода. (Найда 1977; Казакова 2001: 278-279) Ю. Найда считал, что основным принципом, которым следует руководствоваться при рассмотрении закономерностей поэтического перевода и установления истинности переводного текста по отношению к тексту исходному, является принцип изоморфизма, (Найда 1977) Если быть более точным, то при поэтическом переводе исследователь имеет дело с тремя видами изоморфизма: внутритекстовым изоморфизмом текста–оригинала, внутритекстовым изоморфизмом текста–перевода и межтекстовым

изоморфизмом оригинала и перевода. Внутритекстовый изоморфизм можно определить как статический тип изоморфизма, поскольку он является обязательным параметром как оригинального поэтического текста, возникшего в результате творческого процесса его автора, так и текста переводного, являющегося результатом творческого процесса автора и творческого процесса переводчика. Межтекстовой изоморфизм (или если быть более точным – изоморфизм межъязыковой) может быть определен как изоморфизм динамический или процессуальный, так как он непосредственно ориентирован именно на процесс поэтического перевода, поиск изоморфных соответствий между текстом-оригиналом и текстом-продуктом. Поскольку и практически и гипотетически может существовать бесконечное множество переводных вариантов исходного оригинального текста, то межтекстовой изоморфизм и призван описывать поиск установления закономерных соответствий в целях создания оптимального поэтического перевода. Очевидно, что оптимальный перевод может быть создан только в одном синхронном плане. Взгляд на поэтический перевод с учетом диахронии потребует создание новых вариантов поэтического перевода (при условии востребованности оригинального поэтического произведения в соответствующий временной период). Комплексное исследование всех видов изоморфизма находится еще в начале пути. Однако изучение изоморфных явлений различных языковых уровней уже дало интересные результаты. Необходимо отметить, что изоморфный подход к проблемам поэтического перевода может быть эффективным при учете не только инвариантных особенностей поэтического текста, но и при признании факта существования поэтических текстов различных видов. Одну из возможных типологий мы находим у Э. Понда, который считал, что, являясь особой художественной формой, поэзия не является абсолютно гомогенным явлением. Так, в любой литературе можно обнаружить, по крайней мере, три вида поэзии. Первый вид определяется как мелопись (“melopoeia”). В поэтической ткани данного вида слова перегружены музыкальными свойствами, что определяет форму значений. Данное музыкальное качество крайне редко поддается переводу, хотя некоторые переводческие находки иногда бывают возможны. Второй вид – фанопсия (“phanopoeia”) – предполагает создание языкового образа и является, по мнению Э. Понда, самым удобным для перевода (примером могут служить переводы китайской и японской поэзии). Логопсия (“logopoeia”) представляет третий вид поэтической ткани, в котором доминирует словесное значение. Третий вид крайне труден для перевода, но поддается парафразе. (Pound 1954: 15-40)

Гипотетически можно предположить, что поэтический текст является открытой системой и, как следствие этого, его и необходимо переводить как систему открытую, и создавать в процессе перевода вторичный поэтический текст, который в свою очередь тоже должен являться открытой системой, позволяющей читателю перевода делать различные интерпретации данного текста. Категориальная интерпретационность поэтического текста уже может служить аргументом в пользу его принципиальной переводимости. Справедливости ради следует признать, что степень открытости поэтического текста может быть различной.

Так в статье Дж. М. Маклина, посвященной проблемам декодирования произведения А. Рембо «Devotion» (prose poem), выражается уже ставшим распространенным мнение о том, что поэзия работает не на уровне вербального значения, а что она призвана обращаться ко всем человеческим чувствам. (MacKlin 2005: 81-96) Именно А. Рембо удается создать особенный поэтический язык, который очень трудно поддается исследованиям переводчиков и «дешифровальщиков» поэтических текстов. Тест произведения А. Рембо называют загадочным текстом (enigmatic text). Дж. М. Маклин образно определяет тексты А. Рембо как герметические, плотно закрытые для декодирования. Используемая А. Рембо поэтическая форма (форма прозы), позволяет поэту освободиться от жестких правил, ассоциирующихся с просодией, и свободно играть языковыми средствами для создания

ассоциаций, сопоставлений, словесных формул. У А. Рембо происходит освобождение смысла, выход этого смысла за пределы традиционной формы, но и одновременно происходит обретение данным смыслом новой формы, формы, изоморфной поэтическому смыслу А. Рембо. Переводчик творчества А. Рембо на английский язык Мартин Сорель считает, что самое большое влияние, которое поэт оказал своим произведениями на сюрреализм - это ниспровержение синтаксиса, грамматики, формы и образа. Можно предположить, что данное ниспровержение имеет своей целью создание нечто нового, в котором форма и содержание тесно связаны воедино, и это новое является изоморфным поэтическим явлением.

Принимая во внимание давнюю дискуссию исследователей об интерпретационности или имитационности поэтического перевода, приведем точку зрения Дж. Холмса. Ученый пишет, что настоящая переводная поэзия имитационна, поскольку в результате перевода поэтического текста возникает новое произведение, вдохновленное оригинальным поэтическим произведением, стихотворный перевод он называет метапоэмой. (Holmes 1970) С другой стороны, Дж. Холмс считает стихотворный перевод лежит на оси пересечения интерпретации и имитации. Созданная стихотворная метапоэма не является единственно возможной и окончательной и переводчик (или другие переводчики) могут создавать (и создают) последующие переводные версии оригинала в надежде создать «идеальный перевод». Следствием неисчерпаемости оригинала настоящего поэтического текста являются его полилингвальные варианты.

Таким образом, признавая реальные трудности поэтического перевода, обусловленные структурной и содержательной спецификой поэтической ткани, можно дать положительный ответ на возможность поэтического перевода. Создание поэтических переводов высокого качества возможно с учетом новых переводческих операторов, одним из которых может выступать изоморфизм.

Контрольные вопросы и задания:

1. Какой позиции относительно проблемы переводимости/ непереводимости придерживались С. Басне и А. Лефевр?
2. Почему вопрос о переводимости до сих пор остается актуальным? Какие области перевода он затрагивает в большей степени?
3. На чем основываются сомнения теоретиков и практиков поэтического перевода в его принципиальной переводимости?
4. Какие языковые средства актуализируют доминантную – эстетическую информацию?
5. Почему коннотативное значение является важным для поэтического текста? В каких типах текстов коннотативное значение также занимает ведущую позицию? С чем это связано?
6. Что входит в основную задачу переводчика поэтического текста? Каким образом это связано с проблемой переводимости поэтического текста? Приведите мнения исследователей по этому поводу.
7. Что входит в понятие «изоморфизм поэтического текста»? Какие виды изоморфизма выделяют исследователи? Раскройте сущность каждого из них.

8. Каким образом изоморфный подход может помочь в решение проблем поэтического перевода?

9. Какой вид поэтического текста, по мнению Э. Понда, легче всего поддается переводу? Обоснуйте.

10. Что такое «степень открытости поэтического текста»?

11. Как вы считаете, существование многоязычных версий одного поэтического текста является доказательством его принципиальной переводимости или наоборот, свидетельствуют о непрекращающихся попытках найти идеальный перевод, т.е. о его непереводимости?

А.В. Смирнов *Можно ли строго говорить о непереводимости?// Гуманитарные чтения РГГУ — 2009: Теория и методология гуманитарного знания. Гуманитарное знание и образование: Сб. материалов. М.: РГГУ, 2010, стр. 37-54*

Ключевым в названии доклада является слово «строго». Можно ли говорить о непереводимости *строго* — вот вопрос, который я хочу поставить.

Что значит «строго»? Я предложу так понимать это слово. Мы говорим о чем-то строго, если можем это предъявить другому, то есть объективировать, в каком-то смысле указать на это пальцем, сказав об обсуждаемом предмете: «Вот оно»; иначе говоря, если мы можем устранить сомнения в объективности того, о чем говорим.

Можно ли в таком смысле говорить о непереводимости? Может ли непереводимость быть понята не как некая «трудность», как о том говорила в своем докладе Наталия Сергеевна Автономова, трудность, которая заставляет нас вновь и вновь возвращаться к данному тексту и предлагать всё новые варианты перевода; может ли непереводимость быть понята как *абсолютная*, то есть как то, возвращаться к чему в попытке найти подходящее решение не только не нужно, но и нельзя? Допустимо ли говорить о непереводимости как об абсолютном препятствии, которое можно лишь обойти, но не преодолеть?

В соответствии с исходной установкой будем понимать строгий разговор о непереводимости как такой, который *объективно предъявляет* непереводимость. Но что значит «объективно предъявить»? Пытаясь развернуть это понятие, мы начинаем движение к тому, что называют реальностью, или внешним, объективным миром. Поясню это на примере соотношения понятий «переводимость» и «непереводимость».

Стремясь строго зафиксировать переводимость, мы делаем это, как правило, так. Мы предъявляем некий предмет и говорим (к примеру): по-английски это называется *computer*, по-русски — «электронно-вычислительная машина», а по-арабски — *'абла х'Аабсиба*. Данные слова и словосочетания являются переводом друг для друга, поскольку соотносятся с некоторой реальностью, причем эту реальность мы можем точно и строго предъявить как их общий эквивалент. Далее, наряду с переводимостью можно зафиксировать и непереводимость, потому что слово *computer* имеет одни коннотации, а словосочетания «электронно-вычислительная машина» и *'абла х'Аабсиба* — другие. Непереводимость уходит в область соозначений, чего-то психического, связанного с нашим сознанием и опытом, причем часто именно с индивидуальным, неповторимым опытом, то есть с чем-то необъективируемым, что очень плывуче и меняется от человека к человеку. Однако предмет, на который указывают эти слова, не меняется от человека к человеку, и в этом смысле переводимость устанавливается строго, тогда как непереводимость оказывается связанной с индивидуальным сознанием и психикой, с чем-то зыбким, а значит, не строго устанавливаемым.

Так обычно понимают соотношение понятий «переводимость» и «непереводимость». Конечно, это не более чем схема, но она улавливает стержень проблемы. Мой вопрос

заключается в том, можно ли о *непереводимости* говорить строго, то есть можно ли её объективировать.

Конечно, я не стал бы тратить столько времени на введение этого вопроса, если бы не предполагал положительный ответ на него. Я рассмотрю три случая, которые свидетельствуют о необходимости именно такого решения. Первый касается того, что называют языковым мышлением, второй развивает полученные результаты для теоретического мышления, а третий показывает их значение для выстраивания целостного тела культуры.

Но прежде чем сделать это, отмечу следующее. Трактую переводимость как нечто объективируемое, точно устанавливаемое, а непереводимость — как нечто связанное с коннотациями, с личным опытом и так далее, мы тем самым выстраиваем классическую философскую оппозицию «бытие-сознание». Переводимость выступает как объективно устанавливаемая, как что-то, имеющее отношение к бытию, а непереводимость — как то, что имеет отношение к сознанию. В самом деле, бытие-то ведь должно быть единым для всех нас, а значит, мы всегда должны иметь возможность отослать к реальному миру как общему эквиваленту разных слов. Неважно, на каком языке говорит человек, объективный мир от этого не меняется и остается одинаковым для всех. Поэтому, конечно, переводимость между разными языками всегда должна иметь место, поскольку эти языки — человеческие и поскольку они отсылают к единому миру. Вот почему непереводимость, то есть невозможность установить эквивалентность языковых единиц, обычно связывают с невозможностью отослать к чему-то объективному и одинаковому для всех, то есть с чем-то сугубо индивидуальным. Так обычно представляют дело; но если окажется, что и непереводимость может быть зафиксирована строго, то есть объективно, это будет означать, что должно быть пересмотрено традиционное, прочно укрепившееся в философии и древнее как сама она представление о единстве мира и о том, как именно это единство может мыслиться.

Перейдем теперь к первому примеру. Он очень прост, и его сложность для восприятия заключается лишь в том, что в нём участвует арабский языковой материал. Но эту сложность нельзя устранить, поскольку основной тезис моего доклада (а именно, что о непереводимости можно говорить строго) связан с необходимостью обратиться к арабскому языковому и теоретическому мышлению.

Пусть я выступаю перед аудиторией с докладом, стоя за трибуной. Это значит, что «я стою». По-английски в такой ситуации мы скажем *I am standing*, а по-арабски то же самое выразим так: *'анао вао́кОиф*.

Что это значит? Тому, кто не знает арабского языка, предложу перевод: «Я [стоящий]». Разберем его пословно. Слово *'анао* эквивалентно русскому «я», а *вао́кОиф* передано словом «стоящий», которое взято в квадратные скобки. Они призваны выразить сомнение в том, что слово «стоящий» является переводом для *вао́кОиф*.

В каком смысле можно выражать такое сомнение? Открыв словарь, увидим, что глагол *вакОафа* означает «стоять», и это действительно так. Откуда же наше сомнение? Когда студенты учат арабский язык и им объясняют форму *вао́кОиф*, то обычно говорят, что это — действительное причастие глагола *вакОафа* «стоять», то есть то, что должно соответствовать русскому «стоящий». Правда, по-арабски, в сочинениях арабских грамматиков эта форма называется «имя действующего», но на это, как правило, обращают внимание лишь при объяснении особенностей классической арабской грамматической теории и забывают, переходя к практическому обучению арабскому языку: тут в дело идет отождествление *вао́кОиф* с русским причастием.

Но давайте обратим внимание вот на что. Слово «стоящий» в русском языке имеет альтернативу. Можно сказать «я стоящий», а можно — «я постоявший». Иначе говоря,

причастие всегда бывает совершенного либо несовершенного вида, указывая либо на завершенность, либо на незавершенность действия. Мы не можем в русском выбрать форму, которая не указывала бы ни на одно из двух.

Это первое. И второе: указывая на завершенность действия, мы тем самым указываем на прошедшее время. Если сказать «я постоявший», это означает, что я был стоявшим и что речь идет о прошедшем времени. Если сказать «я стоящий», это будет значить, что я стою сейчас и потому указывать на настоящее время. Иначе говоря, причастие в русском языке указывает на время.

Между тем арабское *вабк'Оиф* не указывает на время никоим образом. Оно не указывает ни на завершенность, ни на незавершенность действия и, следовательно, не указывает по импликации ни на какое время — ни на настоящее, ни на прошедшее. Это означает, что в арабской фразе '*анаб вабк'Оиф* вообще нет семантики времени. А в русской — есть. Именно поэтому слово «стоящий» я беру в квадратные скобки, выражая сомнение в том, что этим русским причастием можно перевести арабское слово *вабк'Оиф* в этой фразе.

Могут возразить: разве это означает, что фраза '*анаб вабк'Оиф* непонятна вследствие рассмотренных особенностей формы *вабк'Оиф*? В конце концов, если некто стоит на трибуне и говорит '*анаб вабк'Оиф*, слушатель прекрасно понимает, что речь идет о настоящем времени, даже если в этой арабской фразе отсутствует семантика времени.

Это, безусловно, верно; более того, арабский язык предоставляет все необходимые средства, чтобы при желании говорящий мог точно указать на время. Для этого достаточно употребить не имя действующего (*вабк'Оиф*), а глагол (*вак'Оафа*), который точно укажет на время. Но я говорю не об этом. Мой тезис заключается не в том, что арабский язык целиком отличается от русского в рассматриваемом отношении и что нет никакой возможности найти «точки соприкосновения» между ними. Дело вовсе не в этом. Дело в том, что *есть* точки несоприкосновения, то есть такие моменты, в которых языки ведут себя принципиально различным образом, так, что между ними нельзя найти контакт. В таких моментах, которые я называю моментами *контраста*, языки демонстрируют несводимые один к другому способы осмысления мира.

Воображаемый оппонент продолжит свое возражение. Пусть мы обнаружим между языками точки несоприкосновения, назовем их точками контраста и объявим точками непереводаемости. От этого соотношение между переводимостью и непереводаемостью не изменится: оно останется таким же, как было обрисовано в начале доклада. Переводимость фраз «я стоящий» и '*анаб вабк'Оиф* будет обеспечена отсылкой к одному и тому же событию объективного мира (событию «стояния на трибуне»), тогда как непереводаемость останется в области ментального, поскольку будет связана с тем, что в сознании арабского оратора отсутствует временная семантика, а в сознании русскоязычного она присутствует. Прибавим к этому тот факт, что по-арабски при желании все же можно ввести во фразу все необходимые временные значения, употребив глагол вместо имени действующего. Это доказывает, что для человека, произносящего арабскую фразу '*анаб вабк'Оиф*, указание на время попросту не нужно, поскольку он и его адресат *и так понимают*, о чем идет речь. А то, «о чем» идет речь, однозначно задано как ситуация «стояния на трибуне»... и так далее: наш оппонент замыкает круг доказательства отсылкой к объективному миру, однозначность фиксации которого обосновывает переводимость вопреки всем контрастным расхождениям языков.

Заметим, что этот аргумент имеет силу лишь потому, что оппонент принимает как само собой разумеющуюся однозначность отсылки к данной конкретной ситуации объективного мира. Он не сомневается, во-первых, в том, что эта ситуация является чем-то одним, некой *однозначной данностью*, к которой *одинаково* отсылают обе фразы, русская и арабская. Поэтому, во-вторых, он вынужден рассуждать очень грубо, считая, будто описать

эту однозначную данность можно как угодно: то ли словами «я стою на трибуне», то ли фразами вроде «мое стояние на трибуне», «ситуация моего стояния на трибуне». Для него «я стою» и «мое стояние» — одно и то же, поскольку различие слов не имеет значения, ибо отсылают они к одному и тому же.

Нетрудно видеть, что эта аргументация представляет собой круг. Оппонент утверждает, что арабское *'анаб вабк'Оиф* и русское «я стоящий» переводимы, поскольку отсылают к одной и той же ситуации, и хотя описать эту ситуацию можно по-разному («я стою» и «мое стояние» — это описание выполнено уже на одном языке, в данном случае на русском), различие словесных выражений не имеет значения, поскольку все они отсылают к одной и той же ситуации. Но я ведь и спрашиваю, имеет ли значение тот факт, что один язык обходится без семантики времени, тогда как другой вынужден ее вводить, — а оппонент отвечает, что это не имеет значения, поскольку, независимо от наличия или отсутствия этой семантики, тот «фрагмент» объективного мира, к которому отсылают две фразы, один и тот же. Однако смысл моего вопроса заключается именно в том, *действительно ли «ситуация» объективного мира однозначно фиксируется средствами того или другого языка*, действительно ли ситуация одна и та же независимо от того, мыслим мы ее по-русски как разворачивающуюся *во времени*, или по-арабски как зафиксированную *вне времени*. Какие основания, кроме слепой веры, мы имеем для того, чтобы игнорировать эти различия и утверждать, что «внешний мир» один и тот же в обоих случаях? Однозначность отсылки к объективному миру, лежащая в основании веры в переводимость двух фраз, сама оказывается под вопросом, и оппонент не снимает его, а лишь догматически заявляет, что на него можно не обращать внимания. Вопрос о переводимости он подменяет вопросом о «понятности»; однако действительно ли понята арабская фраза, можно установить лишь на основании ее переводимости, но никак не наоборот. (Я уж не говорю о том, что *понятость* надо отличать от *понятности*: второе может быть иллюзией, вовсе не снимаемой тем, что такая мнимая понятность будет лежать в основании коммуникации.)

Продолжим исследование переводимости фразы *'анаб вабк'Оиф*. Возьмем английский герундий. Может быть, *вабк'Оиф* можно перевести словом *standing*? Ведь *standing* тоже не указывает на завершенность или незавершенность действия и, следовательно, не указывает на время.

Это верно, и если бы мы устанавливали переводимость на уровне слов, а не высказываний, то на заданный вопрос надо было бы дать положительный ответ. Но ведь единицей речи не является слово; минимальная единица речи — высказывание. Мы не говорим словами; мы говорим предложениями, даже если некоторые из них состоят из одного слова. По-английски нельзя сказать *I standing*. Если бы это было возможно, то в такой фразе действительно не было бы указания на время. Но мы обязаны сказать (к примеру) *I am standing* и, следовательно, выбрать один из нескольких вариантов: *I am standing*, *I was standing* и т.д.

Однако в арабском эта многовариантность отсутствует. Ее нет именно потому, что нет указания на время, а в русском и английском такое указание не может быть изъято из фразы. В данном случае в английском оно встроено в связку, без которой не выстраивается фраза.

А как обстоит дело с арабской связкой? В арабском, как и в русском, связка обычно не употребляется, но, как и в русском, её можно восстановить. Каким же образом восстанавливается арабская связка? Оказывается, она восстанавливается так: *'анаб хува вабк'Оиф* «я он [стоящий]». Слово *хува* — это местоимение третьего лица «он», выступающее в роли связки. В предлагаемом переводе слова «я он» даны без квадратных скобок, поскольку это действительно эквиваленты соответствующих арабских слов, тогда как слово «стоящий» придется оставить в квадратных скобках, потому что его эквивалентность слову *вабк'Оиф* по-прежнему не достигнута. Ведь восстанавливая связку в арабской фразе,

мы опять-таки не указываем на время, поскольку употребляем местоимение, лишенное темпоральной семантики.

Суммируем сказанное. Приведенный пример показывает, что арабскую фразу *'anaḥ waḥdūh* нельзя перевести на русский или английский язык. Почему? Потому что в процессе перевода мы обязаны выбрать один из альтернативных вариантов, который будет содержать указание на то или иное время, прошедшее или настоящее. В арабском такого указания нет в принципе. Приведенный пример является примером *абсолютной непереводимости*. Это означает, что никакими средствами русского или английского языка мы не можем передать то, что сказано в арабской фразе.

Слова «то, что сказано» нуждаются в пояснении. *Чем* является «то, что сказано»? С одной стороны, высказано нечто содержательное: передана информация о том, что кто-то стоит, что имеет место чье-то стояние. С другой стороны, мы узнали, что это содержание может быть передано с обязательным указанием на время, а может быть передано и со столь же обязательным отсутствием такового. Я утверждаю, что эти две стороны, содержательная и логическая, неотъемлемы одна от другой: имеет место *логико-содержательностная соотношенность*. Ведь отвечая на собственный вопрос о том, какое содержание высказано в двух фразах, я был вынужден дать фактически два ответа, указав в первом случае на действие, протекающее во времени, а во втором — на процесс, осуществляющийся вне времени. Меняя логику (обязательность указания/неуказания на время), нам приходится модифицировать и содержание. Содержательность сплавлена с логикой, и несовпадение второй означает и несовпадение первой.

Этим строго, то есть объективно, установлен факт непереводимости. Вопрос, задавший тему нашего рассуждения, получил положительный ответ. Непереводимость между арабским, с одной стороны, и русским и английским — с другой, показана не как субъективная трудность, а как, во-первых, объективное, а во-вторых, непреодолимое препятствие. Можно объяснить его наличие и характер непреодолимости, не его нельзя сгладить.

Объективность, о которой идет речь, связана с устройством рассматриваемых языков. Имеет ли установленный факт непереводимости какое-либо значение за пределами языковой сферы? Сигнализирует ли эта непереводимость о чем-либо в строении мира и в устройстве мышления, а не только в строении языков?

Отсутствие указания на время в рассмотренной арабской фразе не является маргинальным фактом; напротив, оно ведет в самую сердцевину арабского языкового и, далее, теоретического мышления. Дело в том, что арабское мышление процессуально, в отличие от субстанциального мышления, выработанного греками и составившего основу западной цивилизации.

Процессуальность и субстанциальность. Субстанциальность, характерная для греков и для западного мышления, и процессуальность, характерная для арабского мышления. Что здесь подразумевается? Эту тему можно разворачивать очень подробно, поэтому я ограничусь основной линией, жертвуя нюансами и представляя ее по необходимости схематично.

Для греческого мышления основная оппозиция — бытие/становление. Бытие связано с неизменностью и истинностью вещи, с тем, чтой есть вещь как таковая, сама по себе. Истина здесь — это истина ставшей, бытийствующей вещи, истина, схватываемая в идее. А что такое становление и почему оно находится в оппозиции к бытию? Потому что оно связано со временем. (Заметим: мы возвращаемся к понятию времени.) Становление — это изменение во времени.

Это крайне важно. Это означает, что для греческого мышления и для мышления тех культур, которые наследуют ему, время связано с изменением и, следовательно, с

неистинностью, с нефиксированностью. Ведь истина фиксирована и неизменна, а потому вынесена за пределы времени. Погруженное в поток времени изменяется, и никакую вещь нельзя схватить в ее истинности, не поднявшись над этим потоком. Субстанциальное мышление понимает процесс как изменение во времени, как нечто противоположное субстанциальной и вневременной фиксированности.

В отличие от этого арабское языковое и теоретическое мышление понимает процесс как вынесенный за пределы времени. Процесс не «протекает» во времени. Поэтому я и говорю, что отсутствие указания на время в рассмотренном простеньком примере является не маргинальным фактом, а, наоборот, фактом фундаментальным и центральным.

Можно ли средствами русского языка схватить то, что подразумевает арабское языковое и теоретическое мышление? Можно ли получить доступ к процессу как вневременному, а не связанному с изменениями во времени? Конечно. «Стояние», «говорение», «хождение» и прочие обозначения процессов в русском не связаны с указанием на время и не имеют временной семантики. Русский язык дает возможность прикоснуться к тому, как устроено арабское языковое мышление.

Однако это прикосновение останется не более чем намеком: мы получим об этом теоретическое представление, но не сможем перестроить свое мышление с тем, чтобы оно соответствовало так понимаемой процессуальности. Точно так же рассказ о неведомой стране не обретет для нас плоть и кровь, пока мы лишены опыта пребывания в ней. Если «мышление» в русском языке не имеет семантики времени, то «мыслящее» и «мыслимое» уже наделены ею. В арабском же вся аналогичная тройка: имя действующего, процесс и имя претерпевающего, — не указывает на время. (Заметим, что именно процесс, выражаемый в арабском масдаром, а не действие, выражаемое глаголом, соединяет действующее и претерпевающее.) Процесс «стягивает» действующее и претерпевающее, и вся эта *процессуальная среда* целиком оказывается для арабского мышления вне времени. Именно в процессуальности оно находит фиксированность, неподверженность временным изменениям и, следовательно, истинность. Мир для арабского языка и арабского мышления состоит не из субстанций, а из процессов. (Надо помнить, что процесс принципиально отличается от действия: действие встроено в поток времени, а выражающий его глагол указывает на время, тогда как процесс — вне времени.)

Итак, для арабского мышления истинность связана с процессуальностью. Отсюда имеются очень интересные выходы на то, как организовано арабское теоретическое и, в частности, философское мышление, но ничто из этого я не могу здесь разворачивать. Вместо этого я приведу второй из обещанных примеров, который позволит выйти за пределы фактов языка и поставить вопрос о том, как устроен объективный, внешний для нас мир.

Движение всегда представляло и до сих пор представляет собой загадку. Парадоксы, связанные с движением и выраженные в знаменитых зеноновских апориях, так и остаются парадоксами. Ранние арабские мыслители, мутазилиты, также задумывались над тем, что такое движение. Рассмотрим, как они его мыслили.

«Движение» по-арабски выражается словом *хОарака*, которое служит вторым элементом названной парадигмальной тройки «имя действующего / процесс / имя претерпевающего». Для арабского языкового мышления движение — это процесс, предполагающий две стороны, действующую и претерпевающую, между которыми он располагается и которые соединяет. Такова, повторю, естественная предрасположенность арабского языкового мышления.

Перейдем теперь на уровень теоретического мышления и рассмотрим, как мутазилиты определяли покой и движение.

Они придерживались атомистической концепции времени: время — это череда атомарных, недлящихся моментов. Поскольку каждый такой момент — атомарный, вполне

естественно, что «внутри» этого точечного момента тело двигаться не может, — просто в силу неделимости момента. Покой определяется следующим образом. Если место, занимаемое телом в некий момент времени, совпадает с местом, которое оно занимало в предшествующий момент времени, то тело находится в покое. Движение же определяется так: если место, занимаемое телом в некий момент времени, не совпадает с местом, которое оно занимало в предшествующий момент времени, то... (и здесь я вынужден перейти на арабский язык, чтобы закончить фразу) ...то *алджисм мутахОаррик*.

Мы сталкиваемся с тем же случаем *абсолютной непереводимости*, что был рассмотрен в первом примере. *Алджисм* по-арабски — «тело», и этот перевод не вызывает трудностей; проблема со вторым словом. *МутахОаррик* — имя действителя для глагола *тахОаррака* «двигаться». Первый пример уже показал, что арабское имя действителя непереводимо на русский язык. В первом случае, однако, еще можно было «запереть» эту непереводимость в сфере языка, где она установлена твердо, и спорить о том, действительно ли «реальная ситуация» в «реальном мире» одна и та же для носителей русского и арабского языкового сознания. Рассматриваемый пример окончательно отнимает роскошь наивной веры в «одинаковость» и «тожесть» ситуации. *Чем* является движение — отношением между телами, как то предполагает субстанциальная картина мира, или процессом, как то видится в процессуальной картине мира? *Чем* являются время и пространство? Что, если Кант прав, и «реальный мир» — лишь набор «данных», упорядоченный нашим сознанием в априорной пространственно-временной матрице? Мы рассматриваем временной аспект движения; можно, взяв для примера «Ахиллеса и черепаху» и соответствующие построения мутазилитов, рассмотреть и пространственный, — результат будет тот же. Наше рассуждение открывает удивительную вещь: если априорная пространственно-временная матрица может быть устроена по-разному, то и «реальный мир» будет устроен по-разному для носителей сознания с различной архитектоникой. Что значит «по-разному» — к этому мы прикасаемся в рассматриваемых примерах.

Рассмотрим это подробно. Несовпадение положений тела в два последовательные момента времени, говорят арабские мыслители, означает, что тело является *мутахОаррик*. Как перевести слово *мутахОаррик*? Это — имя действителя, не имеющее семантики времени, однако в русском придется выбрать один из нескольких вариантов: «двигающееся» или «двигавшееся», «передвигающееся» или «передвинувшееся». В любом случае получаем нелепицу. Если сказать «тело *двигающееся*», то как же оно может быть двигающимся, если мы имеем дело либо с моментом-1, либо с моментом-2, а ни в один из них тело не может двигаться, поскольку эти моменты атомарные? То же касается двух следующих вариантов, «двигавшееся» и «передвигающееся». Но и последний вариант, «передвинувшееся», ничуть не лучше: если тело является передвинувшимся, значит, оно было двигающимся, иначе быть не может, и мы опять возвращаемся к первым трем вариантам.

В чем суть затруднения, с которым мы сталкиваемся в данном случае?

На языковом уровне оно заключается в том, что в русском мы обязаны выбрать одну из форм причастия совершенного или несовершенного вида, настоящего или прошедшего времени, причем любая из них будет указывать на время, тогда как в арабском отсутствует семантика времени. Арабская и русская фразы фиксируют *разную семантическую реальность*. Это — та же самая трудность, с которой мы имели дело в первом примере. Однако там оставалась возможность фактически игнорировать ее, объявив фактом языка, но не действительности, и считать, что реальная ситуация «стояния на трибуне» человека, который по-русски описывает эту ситуацию словами «я стоящий», а по-арабски — *'анаб вабкОиф*, — это одна и та же ситуация. Такую веру невозможно сохранить в рассматриваемом случае, поскольку мы *не* знаем, как «на самом деле» устроено движение, время, пространство. Мы, следовательно, не можем *a priori* утверждать, что нелепица

русских переводов, абсолютно непреодолимая, свидетельствует о нелепости той концептуализации движения, которую нам предлагают арабские мыслители. Ведь эта нелепость сигнализирует лишь о том, что арабское и русское языковое мышление устроено несовместимым образом в том, что касается отображения движения и связанной с этим концептуализацией времени и пространства. Эта несовместимость сама по себе не означает ни того, что лишь одна из двух концепций должна оказаться «правильной», ни того, что «правильна» именно наша. Такие утверждения были бы догматическими, основанными на слепой вере.

Назрела необходимость рассмотреть наши затруднения на уровне теоретического мышления. Здесь сложность заключается в том, что мы не мыслим процессуальность так, как то предполагает арабское теоретическое мышление. Процесс объединяет действующее и претерпевающее, но не включает их внутрь себя: процесс говорения, например, не включает внутри себя говорящего и проговариваемое, но скорее является чем-то третьим для этих двух, что позволяет связать их. Так и в данном случае. Два момента времени, следующие один за другим, надо мыслить по аналогии с действующим и претерпевающим, а движение — как процесс, который соединяет эти моменты времени, но является чем-то третьим, что не включает их в себя. Движение тогда совершается *вне* времени — вот тот принципиальный вывод, который был недоступен нам, пока мы, оставаясь в рамках привычной субстанциальной картины мира, не вникли в устройство арабского процессуального мышления. Если так, если движение, соединяющее атомарные (статические) моменты времени, располагается вне их, то понятно, почему и как тело может быть не двигающимся ни в один из моментов времени, но двигающимся, если взять сопряженную пару таких моментов; понятно также, почему движение и покой существуют только для пары сопряженных моментов времени, но никогда — для единичного момента или двух несопряженных моментов времени (например, начала и конца некоторой последовательности моментов, которые — начало и конец — нельзя сопрячь непосредственно).

Как именно устроено время? Как именно устроено движение? Верна ли та концептуализация движения, которую мы имеем в субстанциальной картине мира, или, напротив, та, которую предлагает процессуальная картина мира? Мы не знаем ответов на эти вопросы. Та абсолютная непереводаемость, которую мы открыли на языковом уровне в первом примере, заявила о себе здесь как непереводаемость теоретических построений и концептуализаций, касающихся принципиального устройства внешнего, объективного мира. В силу установленной непереводаемости мы не можем оценить правильность другой концептуализации (субстанциальной либо процессуальной), пока остаемся в рамках данной, и в то же время не можем встать «над» ними, поскольку границы этих картин мира и являются границами нашего мышления, субстанциального либо процессуального.

Перейдем к третьему примеру, затрагивающему третий аспект рассуждения. Культура представляет собой целостность, а ее стержень задан как тот или иной тип мышления. Здесь нет возможности доказывать или разворачивать этот общий тезис. Мы лишь рассмотрим единичный пример, который, на мой взгляд, хорошо дает понять, о чем идет речь и что подразумевается в данном случае под контрастом культур.

Этика — это особая сфера, где теоретическое и практическое сходятся в нерасторжимом единстве: моральная философия ценна в первую очередь, если не исключительно, своим применением на практике. Арабо-мусульманская культура интересна тем, что в ней, с одной стороны, были развиты собственные этические учения, которые можно объединить под названием «мусульманская этика», а с другой, имели хождение воспринятые и обработанные античные этические теории. Мусульманская этика опирается на собственную нормативную базу, решает проблемы, вытекающие из размышления над основоположениями исламской доктрины, и имеет прямой выход в практику воспитания,

взаимодействует с юридической сферой и т.д.; этика, зависящая от античности, опиралась на тексты античных авторов, прежде всего Аристотеля и Платона, и была ограничена почти исключительно школой *фальсафа*. Мусульманская и воспринятая античная этика сосуществовали в классической арабо-мусульманской культуре на протяжении нескольких веков. Я утверждаю, что они представляют собой два различных типа этических учений, опирающихся соответственно на процессуальное и субстанциальное понимание как предмета этики, так и ее архитектоники.

Соотношение между ними хорошо выражается через сопоставление их центральных понятий. Для мусульманской этики основным служит понятие *их'Оса'дн* «доброделание», тогда как для воспроизводимых античных теорий таковым является понятие *фад'Ои'бла* «добродетель». Русский язык передает эти два совершенно разных арабских слова с помощью одних и тех же корневых понятий: «делание» и «добро», но удачно указывает в первом случае на процессуальный, а во втором — на субстанциальный аспект. В самом деле, для мусульманской этики главным является поступок, понимаемый как процесс перехода намерения в действие, которые (намерение и действие) выступают здесь в роли действующего и претерпевающего. Для античной этики в ее восприятии арабами главным служит понятие добродетели, то есть некоего качества характера, чего-то, что можно воспитывать и что противоположно пороку. «Добродетель» (*фад'Ои'бла*) вполне вписывается в субстанциальное видение мира, поскольку мыслима именно как субстанция, тогда как «доброделание» (*их'Оса'дн*), будучи процессом, связывающим намерение и действие, требует процессуальной картины мира. Из этого вытекает соотношение между заимствованной античной этикой и собственной, мусульманской: античная этика не может, во-первых, вытеснить собственные, мусульманские этические взгляды, а во-вторых, не способна с ними продуктивно взаимодействовать в силу непереводаемости субстанциального и процессуального типов мышления.

Подведем итог.

Вопрос, поставленный как тема данного доклада, получил положительный ответ. Более того, о непереводаемости не только можно, но и нужно говорить строго. Только тогда мы действительно поймем, что *архитектоника сознания может быть разной*, и научимся работать с разными вариантами такой архитектоники, не считая лишь один из них единственно возможным.

На этом пути предстоит сделать многое, и здесь нас ждут интересные открытия. Возьмем хотя бы такое соображение. Абсолютная непереводаемость между языками и типами мышления не может быть односторонней, она должна быть взаимной. Мы говорили о непереводаемости арабского процессуального мышления средствами русского субстанциального. Но если это так, то должно быть верно и обратное: русское субстанциальное мышление окажется в чем-то непереводаемым средствами арабского процессуального. Непереводаемость результатов субстанциального мышления в пространстве процессуального также было бы очень интересно рассмотреть, начав хотя бы с непереводаемости связи «есть», составляющей фундамент субстанциального мышления, на арабский язык. Этот языковой факт имеет вполне очевидный коррелят на уровне арабского теоретического мышления, которое расценивает «бытие» (фундаментальная для субстанциального мышления категория) иначе, нежели это делали греки, считая эту категорию и ее корреляты атрибутами вещи. В свою очередь, это имеет прямое отношение к устройству предикации в этих двух типах мышления. Непереводаемость является строгой (или абсолютной) в том случае, если она может быть установлена как взаимная, причем на уровне не только языка, но и теоретического мышления.

Контрольные вопросы и задания:

1. Каким образом, по мнению автора, понятия переводимости/ непереводимости встраиваются в классическую философскую оппозицию «бытие-сознание»?
2. Почему естественные расхождения в структуре переводящих языков или, как их называет А.В. Смирнов, *точки несоприкосновения* не являются препятствием к принципиальной переводимости?
3. Прав ли автор, предполагая, что «ситуация» объективного мира не всегда однозначно фиксируется средствами того или другого языка, т.е. один и тот же фрагмент реальной действительности может иметь различную интерпретацию в зависимости от языка, на котором он выражается? Обоснуйте.
4. Чем обусловлена непереводимость анализируемой в статье фразы в языковой группе арабский → русский/ английский? В чем состоит отличие арабского мышления от западного?
5. Непереводимость в силу различий типов мышления носит односторонний или двусторонний характер? Почему?
6. Каким образом автор отвечает на поставленный в заголовке вопрос?

Семинарское занятие 5 ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Вопросы для обсуждения:

1. Что такое семиотика? Когда возникла эта наука? Кто из ученых лингвистов стоял у истоков формирования данной отрасли гуманитарного знания?
2. Когда и кем был введен термин «семиотика» в прагматику?
3. Согласны ли вы с положением о том, что прагматика не сводится только к понятию прагматических значений знаковых единиц? Поясните свою точку зрения, проиллюстрировав ее примерами.
4. Дайте свое определение прагматическому потенциалу текста.
5. От чего зависит прагматическое отношение рецептора к тексту?
6. Какими факторами определяется способность высказывания оказывать на реципиента определенное прагматическое воздействие?
7. Охарактеризуйте позицию В.Н. Комисарова относительно прагматического потенциала высказывания.
8. Назовите типы текстов, выделенных в классификации А. Нойберга. Согласны ли вы с этой классификацией? в чем вы видите ее плюсы и минусы? Какие иные классификации текстов вам известны?

9. Как вы думаете, почему лингвистическая теория прагматических значений разработана слабее, чем теория референциальных значений? Поясните свой ответ.

10. Расскажите о классификации типов прагматических значений, предложенной Л.С. Бархударовым. Согласны ли вы с его концепцией? Почему?

11. Какие факторы определяют ситуацию выбора тех или иных языковых средств?

12. На какие основные группы могут быть подразделены лексические единицы? Охарактеризуйте каждую из этих групп.

13. Приведите примеры, подтверждающие утверждение о том, что бывают случаи, когда одно и то же слово способно обладать различной стилистической или регистровой характеристикой и эмоциональной окраской.

14. Как вы понимаете термин «коммуникативная нагрузка» языковых элементов? Приведите примеры, подтверждающие вероятность существования четвертого вида прагматических значений.

15. К чему приводит отсутствие у рецептора фоновых знаний в аспекте перевода?

16. Приведите примеры дополнений и разъяснений при переводе.

17. Как вы понимаете утверждение «фактор адресата определяет общение» и как оно связано с прагматическим потенциалом текста при переводе?

18. Поясните позицию В.Н. Комисарова по вопросу прагматического преобразования. Как называется такое преобразование в терминологии ученого?

19. Сохраняются ли семантические и синтаксические значения языковой единицы при применении прагматически обусловленных преобразований при переводе?

20. Существует ли принципиальная разница между терминами «комплексная замена», «адаптация», «прагматическая адаптация»? Кто из ученых ввел в теорию перевода эти понятия?

21. Приведите примеры клишированных выражений, предполагающих прагматически обусловленную трансформацию при переводе.

22. Сколько и какие типы преобразований можно проследить на прагматическом уровне?

23. Чем обусловлено стремление переводчика к модернизации перевода? Приведите примеры текстов, которые, на ваш взгляд, переведены с использованием модернизации.

Литература:

1. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: «Готика», 1999 – 176с.
2. Мир перевода. – Журнал Союза переводчиков России -№ 3- 2012..
3. Рецкер Я.И Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. – М.: «Р. Валент», 2004. – 240с

4. Робинсон Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода. Уч. пособие. – М.: Кудиц. – ОБРАЗ, 2005. – 304с.

5. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М., 2003 – 160с.

Материалы и задания для самостоятельной работы:

1. Прочтите отрывки из статьи *Л.Озерова* *Выбор и предпочтение//«Иностранная литература». 1972, № 2, с. 211- 225.*). Соотнесите размышления автора о выборе языковых средств с достижением прагматического эффекта при переводе. Что в рассуждениях автора представляется вам априорным? Приведите свои аргументы.

2. Как вы ответите на поставленный в конце статьи вопрос? С какими компонентами значения слова, на ваш взгляд, наиболее соотносим прагматический эффект перевода?

...

Под выбором адекватных средств выражения подразумевается не только употребление так называемых постоянных соответствий, которых, кстати говоря, может и не существовать в языке перевода, но и нахождение другого способа перевода, а также создание нового равноценного речевого построения при отсутствии словарных соответствий. Другими словами, переводчик должен владеть методикой поиска адекватных средств выражения заданной мысли, техникой нахождения нестандартных решений, особенно в трудных проблемных ситуациях. В памяти переводчика-профессионала хранится большое число уже проверенных словарных соответствий, но в процессе перевода он должен принять наиболее точные, стилистически верные решения.

Переводчики на своем опыте знают, как трудно иной раз точно воссоздать смысловое содержание как отдельной «единицы мысли» (например, выражаемой словосочетанием), так и всей мысли (заклученной в предложении).

Слово, подвергаясь различным реализациям в акте общения, тем самым проявляет свою социально-коммуникативную функцию. По образному выражению лингвиста Т. С. Элиота (Цит. по: "Time", 1969, Sept. 19.), слова в речи нередко «гнутся, ломаются и трескаются под давлением». В результате распространения и воздействия средств массовой информации и- различных психологических давлений на язык в настоящее время новообразования типа эвфемизмов интенсивно проникают во все сферы разговорного и литературного языка. Особенно сильно распространились эвфемистические тенденции в английском языке в США, где реклама и бизнес действительно без всякого стеснения «ломают» язык на свой лад. Не удивительно поэтому, что некоторые американские лингвисты даже предлагают различать два языка -- «язык фактов» (fact language) и «язык идей» (idea language), причем последний, по их мнению, вполне может использоваться в целях, противоположных истинной природе коммуникаций: не для выражения мысли, а для маскирования ее. Исследователь Дж. Вагнер (См. G. Wagner. On the Wisdom of Words. Princetbn (New Jersey). 1968.) указывает, что когда человек, например, без конца слышит (или читает) фразы, в которых сообщается информация типа: coca-cola refreshes you best -- кока-кола -- наилучший освежающий напиток, то есть информация, далекая от действительного положения вещей, то в результате смысл фразы рушится. А это, в свою очередь, приводит к тому, констатирует Дж. Вагнер, что многие американцы постепенно утрачивают веру в язык, убеждаясь в том, что «слова ненадежны» (words are tricky).

По мнению А. В. Кунина, эвфемизм -- явление «широкого социального порядка». «К эвфемизму, -- пишет А. В. Кунин, -- прибегают всюду, где необходимо завуалировать, смягчить, ослабить то или иное слово или выражение» (А. В. К у н и н. Английские идиомы.

Изд. 3-е. М., Учпедгиз, 1937. с. 16.) Особенно широко эвфемизмы используются в языке рекламы, в сленге и в профессиональном жаргоне (shop talk).

Для переводчика очень важно знать об особенностях употребления эвфемизмов в языке, чтобы правильно оценить роль подтекста, особенно при переводе публицистических материалов или художественной литературы.

Например, ломбардные лавки (pawnshops) в настоящее время в рекламных объявлениях в США все чаще называются уже не лавками, а компаниями ювелирных изделий и по представлению займов (loan and jewelry companies). Гитарист (guitarist) предпочитает называть себя не гитаристом, а художником по звукозаписи (recording artist; entertainer); певец (singer), известный лишь по выступлениям в ряде местных или частных клубов, предлагая свои "услуги, например, театру, говорит о себе как об артисте эстрады (showman, entertainer, performer). Ранее использовавшиеся автомашины многие годы в США просто назывались used cars или second-hand cars, однако теперь дельцы, занимающиеся перепродажей автомашин, все чаще рекламируют старые автомашины не как ранее использовавшиеся (used cars), а как автомашины, ранее находившиеся во владении (pre-owned cars). В соответствии с такого рода рекламой особый эвфемистический язык проникает буквально во все области жизни. Так, чтобы не называть вещи своими именами, упоминая рынок на американских биржах, теперь уже не говорят спад (fall), а затишье в деловых операциях (easing) или, как высказываются маклеры Уолл-стрит, происходит корректировка курса акций (correction is made) или перенастройка (adjustment, technical correction). Удивительно, что техническая корректировка (technical adjustment, correction) непременно происходит тогда, когда на бирже имеет место спад курса акций, а не повышение. Чтобы избежать слов, рисующих удручающую картину состояния капиталистической экономики, чтобы не употреблять такое, скажем, понятие, как, 'хроническая инфляция' (chronic inflation), некоторые экономисты «поправляют» состояние экономических дел просто-напросто путем применения эвфемизма-синонима для слова инфляция -- gradual increase in prices and wages -- постепенный рост цен и заработной платы. Биржевой бум, как известно, часто сопровождается резкой депрессией (depression, bust); чтобы не употреблять столь «неприятные» слова, был изобретен эвфемизм business cycle -- цикл деловой активности, который, разумеется, может «несколько» спадать или усиливаться. Даже традиционное, вековое экономическое понятие спрос и предложение (supply and demand) теперь все чаще подменяется таким абстрактно звучащим термином как регулируемые цены и заработная плата (administered prices and wages). Судя по языку эвфемизмов, бюджет во многих западных фирмах теперь нельзя перерасходовать (budget overrun), бюджет всегда сам по себе растет или увеличивается (budget growth, budget increase), дабы директора концернов не показались неумелыми руководителями.

Следуя этой «логике», директор-растратчик фирмы оказывается уже совсем не растратчик, а всего-навсего negative saver -- негативный накопитель (!) денег. Бедные (the poor) в современном капиталистическом обществе, судя по эвфемистической лексике, уже совсем не бедные: в экономической печати они сперва превратились в очень нуждающихся (the neediest), затем просто в нуждающихся (the needy, the ill-provided), затем в людей, лишенных благ (the deprived), потом в социально обездоленных (the socially deprived), затем в малопривилегированных (the underprivileged), а позже в попавших в менее благоприятные жизненные обстоятельства (the disadvantaged) и, наконец, в малообеспеченных (low-income people).

Неоправданное использование эвфемизмов в отдельных случаях (в сфере классификации профессий и т. д.) приводит к употреблению в английском языке весьма необычных слов-названий. Вот ряд примеров.

Существующие названия	Перевод на русский язык	Встречающиеся новые названия	Перевод на русский язык
boarding house	пансионат	guest house (Br.)	дом для гостей
beauty-shop operator	работник парикмахерской	beautician	косметолог
automobile mechanic	автомеханик	automobile internist	специалист по устройству двигателя. автомашины
gypsy cab driver	водитель-таксист, который не входит в общегородской профсоюз работников такси (букв. водитель «цыганского такси»)	non-medallion cab driver	водитель такси, не имеющий общегородского регистрационного полицейского знака (на дверце машины)
garbage collector	уборщик мусора	sanitation engineer	инженер по вопросам санитарии
rat-catcher	человек, устанавливающий ловушки для крыс	extermination engineer	специалист по истреблению грызунов
salesman	торговец, коммерсант	field representative	представитель торговой фирмы на местах
dog-catcher	человек, занимающийся ловлей диких (бродячих) собак	animal welfare officer	сотрудник по вопросам охраны животных
janitor	сторож; уборщик	custodian	работник службы охраны
stool pigeon	доносчик, осведомитель	police informant	полицейский информатор
boycott	бойкот	cease to purchase	прекращение купли
cooling-off	период выжидания, «охлаждения страстей»	period of reconsideration	период переоценок
fire	уволить (с работы)	remove	«удалить» с места работы
dispute	(трудовой) спор	difference	различие во взглядах
exploit	эксплуатировать	use without reward	пользоваться чьими-л. услугами без вознаграждения
feather-bedding	искусственное раздувание штатов	using excess employees	использование услуг дополнительных служащих
lockout	локаут	business moratorium	мораторий в деловой деятельности
scab, strike breaker	«скэб»,	substitute, non-	замена, услуги

	штрейкбрехер	certified worker	рабочего, не получившего официального разрешения на работу
sit-down strike	сидячая забастовка	work cessation on premises	прекращение работы в помещении
strike, walkout, work stoppage	забастовка, прекращение работы	work cessation	прекращение работы
sweat shop	цех (предприятие) , в котором существует потогонная система труда	abnormal requirement	чрезмерные требования

Что же получается? Можно ли согласиться с тем, чтобы, скажем, такие насыщенные пафосом классовой борьбы английские слова, как boycott, exploit, lockout, scab, strikebreaker, sit-down strike, sweat shop, заменялись столь безжизненными суррогатами, лишенными эмоциональной окраски, как cease to purchase, use without reward, business moratorium, substitute, non-certified worker, work cessation on premises и abnormal requirement?

Семинарское занятие 6 ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ

Вопросы для обсуждения:

1. Что такое эквивалентность перевода? Проанализируйте несколько определений данному понятию. Что их объединяет?
2. Зависит ли эквивалентность перевода от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода?
3. Существует ли этимологическая связь между понятиями эквивалентности и адекватности?
4. Каким образом трактуется соотношения эквивалентности и адекватности В.Н. Комиссаровым, Р.Левицким, К.Райс, Г. Вермеером, Я.И. Рецкером?
5. Согласно точке зрения А.Д. Швейцера, какое из данных понятий относится к результату перевода, а какое к процессу?
6. Всегда ли адекватный перевод эквивалентен оригиналу? Возможно обратное утверждение? Приведите примеры, когда перевод можно считать одновременно и адекватным и эквивалентным.
7. Какой вопрос до сих пор остается дискуссионным в теории перевода: о принципиальной возможности эквивалентности или о способах ее достижения?
8. В чем суть концепции формального соответствия? Как долго она существовала?
9. Какая концепция перевода пришла ей на смену?

10. В чем заключаются особенности концепций эстетического соответствия и полноценности перевода?

11. На чем основывается концепция динамической эквивалентности? Кто ее автор? Охарактеризуйте главный спорный момент данной концепции.

12. В чем сходство и различия многоуровневых теорий эквивалентности, предложенных Г. Егером, А.Д. Швейцером, Л.К. Латышевым, В. Коллером, В. Г. Гаком и Ю.И. Львин?

13. В чем отличие данных теорий от теории уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова?

14. Существует ли зависимость степени эквивалентности переводного текста от его вида (устный/ письменный)? Какой вид перевода считается самым сложным для достижения эквивалентности?

15. Каков характер эквивалентности письменных текстов?

Литература:

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

2. Виноградов В.С. Перевод: общие и лексические вопросы: Учебное пособие. – 3-е изд. – М.: КДУ, 2006. – 240 с.

3. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2007. – 544 с.

4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш.шк., 1990. – 253 с.

5. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания. – Издательский центр «Академия», 2005. – 192 с.

6. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток Запад, 2006. – 448с.

7. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

Материалы и задания для самостоятельной работы:

1. Прочтите § «Теория уровней эквивалентности» в работе: Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток Запад, 2006. – С. 250-258.

2. Сопоставьте и проанализируйте нижеследующие оригинал и перевод в соответствии с «уровнями» или «типами» эквивалентности В.Н. Комиссарова.

Контрольные вопросы и задания:

1. Какую роль в произведении «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена играют отклонения в речи персонажей от литературной нормы?

2. Что автор вкладывает в понятие субстандартных языковых форм текста?

3. Каким образом анализируемым лексическим единицам «hear» и «see» были подобраны эквивалентные соответствия?

4. На актуализацию какого значения (денотативного, сигнификативного, прагматического) направлен прием стилистической компенсации?

5. Какой вывод делает Немцова Н.В. относительно адекватности передачи грамматических отклонений в произведении «Приключения Гекльберри Финна»? Какие уровни эквивалентности были достигнуты?

6. Какие экстралингвистические факторы объясняют «отказ» переводчиков от использования приема компенсации при переводе грамматических отклонений оригинала, например, от использования просторечных форм русского языка? Разделяете ли вы данную точку зрения?

Семинарское занятие 7 ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Вопросы для обсуждения:

1. Что первоначально явилось стимулом для поиска межъязыковых соответствий и последующей их письменной фиксации?

2. Назовите три фактора, обусловивших закономерный характер существования межъязыковых соответствий.

3. В чем заключается положительная роль теории закономерных соответствий Я.И. Рецкера?

4. Кто из современников Я.И. Рецкера высказывал схожие с ним взгляды?

5. В чем состоит суть теории закономерных соответствий?

6. Какое принципиальное различие существует между первой категорией соответствий и двумя последующими?

7. На какие два подвида Я.И. Рецкер подразделяет эквиваленты?

8. К какой категории соответствий Я.И. Рецкер относит термины и имена собственные?

9. Какая из групп закономерных соответствий в большей степени зависит от широкого контекста? Почему?

10. Проанализируйте критические замечания в адрес данной теории, высказанные И.С. Алексеевой, В.Н. Комиссаровым, А.Д. Швейцером.

11. Представьте классификацию лексических соответствий В.С. Виноградова.

12. Что общего между классификациями Я.И. Рецкера и В.С. Виноградова?

13. Что включает в себя понятие лингвистического контекста?

14. Дайте определение экстралингвистическому контексту.

15. Раскройте сущность понятия «окказионального соответствия».

Литература:

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

2. Виноградов В.С. Перевод: общие и лексические вопросы: Учебное пособие. – 3-е изд. – М.: КДУ, 2006. – 240 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш.шк., 1990. – 253 с.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. – М.: «Р. Валент», 2004. – 240 с.
5. С.В. Тюленев. Теория перевода: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004, - 336 с.

Материалы и задания для самостоятельной работы:

1. Определите виды лексических соответствий (по классификации В.С. Виноградова).

Умерова М.В. Переводческие соответствия: типология, виды, использование в текстах переводов

В статье рассматриваются особенности классификации и использования переводческих соответствий в текстах переводов в комбинации английский – русский – английский языки. В современной теории перевода существуют общепринятые классификации переводческих соответствий, которые были разработаны в конце прошлого века и представляют собой классический подход к проблеме. Таких классификаций было достаточно много, известные советские и российские переводоведы, представители разных научных школ, обосновывали каждый свою точку зрения. В данной работе представлен подход научной школы известного переводчика и теоретика перевода профессора Комиссарова В.Н., который представляется одним из наиболее обоснованных и применимых в практике перевода. В статье рассматриваются понятия переводческого соответствия, типология видов переводческих соответствий, таких как одноуровневые и межуровневые, регулярные и окказиональные, единичные и множественные, «нулевые» (безэквивалентные) соответствия. Описана классификация соответствий по принадлежности исходной единицы и ее соответствия к определенному языковому уровню: лексические, грамматические, фразеологические соответствия.

Стремление к максимальной смысловой и структурной близости перевода к оригиналу приводит к тому, что переводчик получает не просто эквивалентные тексты, но и соотнесенные эквивалентные высказывания, а также составляющие их единицы исходного и переводящего языка (ИЯ и ПЯ). Сопоставительный анализ переводов и их оригиналов показывает, что в процессе перевода значения определенных единиц ИЯ регулярно передаются с помощью одних и тех же единиц ПЯ.

Таким образом, использование определенной единицы ПЯ для перевода данной конкретной единицы ИЯ не случайно. Языковые единицы обладают относительно устойчивым значением, и это их свойство предопределяет возможность того, что они могут регулярно заменять друг друга при переводе.

Единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ, называется переводческим соответствием.

Слово «регулярно» означает, что такая единица используется в качестве соответствия при переводе самых разных текстов разными переводчиками.

Частные теории перевода изучают системы переводческих соответствий в разных языках по отношению к единицам данного языка или системы соответствий в данном языке по отношению к другим языкам. Так как речь идет о соотношении между единицами языков, для каждой пары языков существует свой набор соответствий.

Важно отметить, что переводческие соответствия нельзя обнаружить, пытаясь сопоставлять единицы, занимающие аналогичное место в системах двух языков, участвующих в переводе. Их необходимо извлекать из коммуникативно равноценных высказываний, объединяемых при переводе.

В теории перевода существуют различные типологии и классификации переводческих соответствий, в основе которых лежат разные критерии выделения видов и типов соответствий.

В зависимости от уровня языковой структуры, на котором устанавливаются соответствия между единицами ИЯ и ПЯ, переводческие соответствия могут быть одноуровневыми или межуровневыми.

Как правило, переводческие соответствия устанавливаются между единицами одного и того же уровня языковой структуры. Так к одноуровневым можно отнести следующие виды соответствий:

- на уровне фонемы	speaker – спикер
- на уровне морфемы	table-s – стол-ы
- на уровне слова	oxygen – кислород
- на уровне словосочетания	to take part – принимать участие
- на уровне предложения	Will you leave a message? – Что ему передать?

Переводческие соответствия могут устанавливаться между единицами разного уровня языковой структуры, и в этом случае мы имеем дело с межуровневыми соответствиями, Например:

But he 'will meet her. – Но он обязательно (непреренно) встретится с ней.
(фонетико-лексическое соответствие)

Усиление, выраженное в оригинале логическим ударением (фонетический уровень) на обычно безударном смысловом глаголе, передается в переводе лексическими средствами (лексический уровень) – словами «обязательно» или «непреренно».

Приведем еще несколько примеров:

Give me some bread. – Дай мне хлеба.
(лексико-грамматическое соответствие)

The delegation had been received by the prime-minister. – До этого делегация была принята премьер-министром.
(грамматико-лексическое соответствие)

Значение завершенности действия до определенного момента в прошлом выражено в оригинале грамматическими, а в переводе – лексическими средствами.

Регулярные переводческие соответствия классифицируются по характеру отношения к переводимой единице ИЯ. По этому признаку соответствия делятся на единичные (постоянные), множественные (вариантные) и «нулевые» (или безэквивалентные).

Единичное соответствие – наиболее устойчивый постоянный способ перевода данной единицы ИЯ, используемый во всех случаях ее появления в оригинале и поэтому независимый от контекста. Такие соответствия, главным образом, существуют у терминов, имен собственных, различных названий, у некоторых обиходных слов и словосочетаний. Например:

the House of Commons – Палата общин, dog-collar – ошейник, oxygen – кислород, hydrogen – водород, Roosevelt – Рузвельт

Большинство единиц ИЯ имеют множественные соответствия – несколько единиц ПЯ, регулярно используемых для передачи их значения, выбор между которыми определяется условиями контекста. Например, данные слова могут иметь множество соответствий в русском языке, но выбор конкретного варианта соответствия будет зависеть от контекста:

attitude – отношение, политика, позиция

- chamber – 1) комната, горница, апартаменты, покои
2) зал, палата, конференц-зал
3) контора, камера, кабинет

Переводчик делает выбор между такими соответствиями на основе контекста – лингвистического или ситуативного, узкого или широкого. Под лингвистическим контекстом понимается языковое окружение, в котором употребляется та или иная единица языка в тексте. Различают узкий контекст в рамках предложения и широкий контекст – часть текста или весь текст в целом.

Так, например, слово «flying» может быть переведено как «летающий, летный, летящий, летательный, летучий», в зависимости от того, с каким существительным оно сочетается.

Ситуативный (экстралингвистический) контекст включает обстановку, время и место, к которому относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает Рецептору перевода (и самому переводчику) правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Например, если речь идет об Англии, «trade union» будет переведено как «трэд-юнион», о США – «профсоюз». Слово «abolitionist» следует переводить как «аболиционист» (сторонник отмены рабства), если речь идет о прошлых веках, и как «сторонник отмены смертной казни», если речь о сегодняшних событиях.

В ряде случаев из-за условий контекста использование регулярного соответствия невозможно. Тогда переводчик подбирает вариант перевода, наиболее точно передающий значение единицы ИЯ в данном контексте. Такой нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста, называется окказиональным соответствием или контекстуальной заменой. Например, глагол «to deal» имеет в русском языке несколько регулярных соответствий: «обходиться, обращаться, поступать, вести себя».

History has dealt with Hitler, history will deal with all would-be Hitlers.

(А. Джонстон. «Во имя мира».) – История покончила с Гитлером, история покончит со всеми будущими гитлерами.

Автор имеет в виду, что история не просто обошлась с Гитлером, а обошлась с ним сурово и по заслугам, поэтому переводчик выбирает вариант «покончила».

Часто окказиональные соответствия используются в стилистических целях для передачи художественного эффекта оригинала, например:

The mountain tops were hidden in a grey waste of sky. – Вершины гор тонули в сером небе.

Глаголу «to hide» не присуще значение «тонуть», но данное окказиональное соответствие точно передает образ беспредельности небосвода.

Сопоставительный анализ переводов обнаруживает и такие единицы ИЯ, для которых в ПЯ вообще нет регулярных соответствий. Но это не значит, что значения таких «безэквивалентных» единиц не могут быть переданы в переводе. Переводческая практика выработала ряд способов создания окказиональных соответствий для различных безэквивалентных единиц. Так для перевода безэквивалентной лексики используются:

1) Соответствия-заимствования, воспроизводящие на ПЯ форму иноязычного слова. Например: know-how – ноу-хау, chip – чип и т.п.

2) Соответствия-кальки, воспроизводящие морфемный состав слова или составные части словосочетания. Например: backbencher – заднекамеечник, brain drain – утечка мозгов.

3) Соответствия-аналоги, в которых используются единицы ПЯ, не вполне соответствующие по значению исходным единицам, но способные заменить их в конкретном контексте. Например: drugstore – аптека. Но такой вариант перевода возможен не во всех

случаях. Если по контексту герой покупает в drugstore газеты или хозяйственные товары, такой вариант перевода не подойдет.

4) Соответствия – лексические замены, которые создаются с помощью трансформации. Например: He died of exposure. – Он умер от простуды. \ Он замерз в снегах. \ Он погиб от теплового (солнечного) удара..., и т.п. В зависимости от контекста переводчик конкретизирует ситуацию.

5) При невозможности создать окказиональное соответствие указанными способами используется перевод-описание, раскрывающий значение лексической единицы при помощи развернутого словосочетания. Например: landslide – победа на выборах подавляющим большинством голосов, coroner – следователь, проводящий дознание в случае насильственной смерти с целью установления ее причины (поиском преступника занимается другой специалист), такой разделение полномочий характерно именно для британской судебной системы.

Таким образом значения безэквивалентной лексики в конкретных контекстах передаются не менее успешно, чем значения слов, имеющих соответствия.

Следует также сказать о способах передачи значения безэквивалентных грамматических единиц. Здесь можно отметить три основных случая:

1) Нулевой перевод – отказ от передачи значения грамматической единицы вследствие его избыточности. (Например, передача артиклей, видо-временной формы Past Perfect – грамматическое значение дублируется в переводе лексически)

2) Приближенный перевод – использование грамматической единицы ПЯ, частично соответствующей безэквивалентной единице ИЯ в данном контексте.

Например: Business disposed of, Mr. Swiveller was reminded of its being high dinner-time. – Когда с этим делом было покончено, мистеру Свивеллеру напомнили, что подошло время обеда.

(передача абсолютной причастной конструкции, отсутствующей в русской грамматике с помощью придаточного предложения)

3) Трансформационный перевод – передача значения безэквивалентной грамматической единицы с помощью грамматической трансформации. (Например, членения или объединения предложений):

The total value of China's exports increased by 12 per cent in the first six months of 2004 compared with the corresponding period of 2003, with foodstuffs and manufactured goods occupying an important place in the exports of the country.

– Общая стоимость экспорта Китая увеличилась на 12% в первые полгода 2004 по сравнению с соответствующим периодом 2003 года. При этом продовольственные товары и промышленные изделия занимали значительную долю в экспорте страны. (Абсолютная предложная причастная конструкция – явление отсутствующее в русской грамматике, передается отдельным самостоятельным предложением.)

В целом же грамматические соответствия могут быть как одноуровневыми, так и межуровневыми. Например:

He was a guest of honour at a reception given by the Queen for delegates to the world youth forum, which opened last Wednesday. – Он был почетным гостем на приеме, устроенном / который был устроен, королевой в честь делегатов молодежного форума, открывшегося / который открылся в прошлую среду.

Регулярные соответствия также классифицируются по принадлежности исходной единицы и ее соответствия к определенному языковому уровню:

- лексические соответствия
- фразеологические соответствия
- грамматические соответствия

О регулярных лексических соответствиях и о зависимости их использования от контекста, а также о грамматических соответствиях было подробно сказано выше. Поэтому остановимся на фразеологических соответствиях. Следует напомнить, что фразеологическими единицами или фразеологизмами обычно называют образные устойчивые словосочетания, к числу которых относятся идиомы, пословицы, поговорки и другие словосочетания, обладающие переносным значением.

Фразеологизмам принадлежит особая роль в вербальной коммуникации, они не просто передают определенную информацию, но и оказывают воздействие на чувства и воображение рецептора. Многие авторы намеренно включают в свою речь фразеологизмы, чтобы создать желаемый эффект. Очевидно, что и в переводе необходимо сохранить этот эффект, поэтому передача фразеологизмов является одной из важнейших переводческих проблем. Важно, чтобы переводчик хорошо знал основные типы фразеологизмов и умел распознавать их среди свободных сочетаний слов. Так, в переводе романа Гринвуда «Отряд выступает» присутствует грубая переводческая ошибка, т.к. переводчик не сумел распознать фразеологизм. В переводе читаем, что герой «вышел из своего коричневого кабинета», что вызывает удивление, т.к. до этого он находился во дворе. Переводчик не распознал английского фразеологизма «to be in a brown study», который означает «глубоко задуматься», и неверно передал значение выражения «to come out of the brown study», которое следовало бы перевести как «очнуться от глубокого раздумья».

В переводческой среде стал классикой анекдотичный случай, когда Н.С. Хрущев пообещал показать империалистам «Кузькину мать» на заседании 15-й Ассамблеи ООН 12 октября 1960 года и с легкой руки переводчика Хрущева английские газеты писали о загадочной, никому неизвестной, грозной русской маме («the mother of Kuzma»). Смысл фразы был непонятен, и угроза приобрела просто зловещий характер. Как позже писал В. Суходрев – личный переводчик Хрущева – синхронист просто растерялся от неожиданности на том знаменитом заседании ООН, когда советский лидер стал угрожать странам Запада и не придумал ничего лучшего, как дословно перевести русскую разговорную идиому «показать кузькину мать», означающую угрозу. Сам Хрущев говорил, что он имел в виду, что мы покажем Америке то, чего она никогда не видела. В. Суходрев позже предложил вариант перевода «Кузькиной матери» как «We shall show you what is what»!

Еще один пример перевода знаменитого высказывания В.С. Черномырдина «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда». Известный российский переводчик П. Палажченко предложил вариант «We wanted the best, you know the rest». Эти, ставшие классикой перевода, примеры говорят о том, что перевод устойчивых сочетаний может часто выступать в роли окказионального соответствия и являться продуктом индивидуального творчества переводчика.

Устойчивые сочетания делятся на образные и необразные.

Необразные сочетания обладают только предметно-логическим значением: например, to pay attention, to take steps. Образные устойчивые сочетания (фразеологические единицы) – идиомы, пословицы, поговорки, которые обладают переносным значением, т.е. имеют как предметно-логический, так и коннотативный компонент значения. Например, to be in the brown study – в задумчивости.

Семантика фразеологических единиц представляет собой сложный информативный комплекс, имеющий предметно-логические и коннотативные компоненты, наиболее важными из них с точки зрения выбора соответствия в ПЯ, являются следующие:

- 1) переносное или образное значение
- 2) прямой или предметный компонент значения, составляющий основу образа
- 3) эмоциональный компонент значения
- 4) стилистический компонент значения

5) национально-этнический компонент значения

Переносное значение фразеологизма является основным и должно обязательно воспроизводиться в переводе. Оно присуще фразеологизму в целом и не сводится к сумме значений, составляющих его слов. Например, *to wash dirty linen in public* – выносить сор из избы (не следует делать свою личную жизнь достоянием общности)

Прямое значение служит основой для создания образа, который соотносится с какой-либо сферой жизни. Например, *to make hay while the sun shines* имеет сельскохозяйственное происхождение, а русское соответствие «куй железо пока горячо», связано с производством.

Фразеологизм выражает определенное эмоциональное отношение к описываемой ситуации: положительное или отрицательное. Например, *to kill two birds with one stone* – убить двух зайцев одним ударом – желаемый успех; *to find a mare's nest* – попасть пальцем в небо – неудача; *to play with fire* – опасно и т.п.

Фразеологические единицы могут принадлежать к разным стилям речи: поэтическому, возвышенному, сниженному, разговорному и т.д. Например, *to pass the Rubicon* – перейти Рубикон (высокий стиль), *to hit the hay* – завалиться спать (сниженный стиль). Изменение эмоционально-стилистической характеристики фразеологизма при переводе, как правило, делает перевод неадекватным.

Среди фразеологизмов есть единицы, чья национальная принадлежность указана особенно четко, т.к. в их состав входят слова, обозначающие предметы и явления национальной культуры. Например, *he will not set the Thames on fire, to bring coal to Newcastle*, ездить в Тулу со своим самоваром, Юрьев день и т.п.

В теории перевода выделяются три типа фразеологических соответствий:

1) фразеологические эквиваленты – при переводе сохраняется весь комплекс значений единицы ИЯ.

The game is not worth the candles. – Игра не стоит свеч.

The sword of Damocles. – Дамоклов меч.

2) фразеологические аналоги – используются, когда не удается найти фразеологический эквивалент, имеет то же переносное значение, что и исходная единица, но образ иной.

to get up on the wrong side of the bed – встать не с той ноги

A bird in the hand is worth two in the bush. – Лучше синицу в руки, чем журавля в небе.

3) фразеологические кальки – иноязычная образная единица пословно передается на ПЯ, важно, чтобы образ в исходной единице был достаточно «прозрачен».

to put the cart before the horse – ставить телегу впереди лошади

Necessity is the mother of invention. – Необходимость – мать изобретательности.

Таким образом, мы рассмотрели основные принципы классификации переводческих соответствий и убедились в том, как важно иметь полноценное описание системы таких соответствий для конкретной пары языков, чтобы максимально облегчить и ускорить работу переводчика. Знание соответствий помогает переводчику быстро подобрать нужный вариант перевода в условиях, когда время, отведенное на перевод ограничено. Что особенно актуально при синхронном и устном последовательном переводе.

Литература:

1. Ермолович Д.И. Имена и названия в переводе. // Мосты: Журнал переводчиков, №1. – М.: «Р.Валент», 2004 – С. 31-35.

2. Ермолович Д.И. Теория перевода и ономастика. // Перевод и стилистические ресурсы языка. – М.: МГЛУ, 2004. (Вестник МГЛУ; вып. 488. Серия «Лингвистика»). – С. 67–90.

3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М., «ЭТС», 2001.

Контрольные вопросы и задания:

1. Какое определение переводческому соответствию дается в данной статье?
2. Зависит ли набор соответствий от конкретной языковой пары или они носят универсальный характер?
3. На какие типы подразделяются соответствия в зависимости от уровня языковой структуры?
4. Каким образом классифицируются соответствия по характеру отношения к переводимой единице ИЯ? С какой категорией переводческих соответствий в классификации В.С. Виноградова их можно соотнести?
5. Приведите примеры окказиональных соответствий.
6. Какие способы существуют для передачи нерегулярных лексических и грамматических соответствий?
7. Фразеологические единицы входят в группу регулярных или нерегулярных соответствий? Обоснуйте.
8. Перечислите семантические компоненты фразеологических единиц.
9. Какие типы передачи фразеологических соответствий предлагает теория перевода?

Семинарское занятие 8 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

Вопросы для обсуждения:

1. Какая отрасль лингвистики занимается изучением процесса перевода? Расскажите, когда данная область лингвистического знания стала самостоятельной. Назовите основных представителей науки, теоретически и практически осмысляющих проблемы, связанные с процессом перевода.
2. Каким образом на практике соотносятся процесс перевода и собственно преподавание перевода?
3. Назовите стадии процесса перевода. Поясните, как вы понимаете каждую из них.
4. Выскажите свое мнение по поводу точки зрения Д.Селескович относительно стадийности процесса перевода.
5. Исследованием какого вида перевода занимался Х.Крингс? Какие этапы процесса перевода выделяет ученый и как аргументирует свою на-учную позицию?
6. Какие еще точки зрения относительно этапов процесса перевода существуют в лингвистике, философии языка, логике? Выскажите свое мнение по поводу альтернативно существующих моделей.

7. Дайте определение понятию "перевод". Почему вы из множества, предлагаемых современным переводоведением дефиниций, выбрали именно это определение? обоснуйте свою точку зрения. Какие еще определения перевода вам известны? Кем и когда они были предложены?

8. Кем был предложен термин "единица перевода"? Как лично вы понимаете, что такое единица перевода?

9. Существуют ли универсальные взгляды на единицу перевода? Согласны ли вы с устоявшейся в теории перевода традицией вычленения единицы перевода? Что вы можете предложить в этой области?

10. Охарактеризуйте основные научные взгляды, существующие в лингвистике по вопросу выявления единицы перевода.

11. Какой из способов выявления единицы перевода наиболее актуален? Докажите свою точку зрения, проиллюстрировав ее конкретными примерами.

12. Сколько обычно ученые-переводоведы называют уровней языка, на которых вычленяется единица перевода?

13. Как вы понимаете научный феномен: перевод на уровне фонем и графем? Приведите примеры.

14. Что из себя представляет перевод на уровне морфем? Приведите примеры на разных языках.

15. В чем, на ваш взгляд, состоит основная сложность перевода на уровне слова?

16. Как вы можете объяснить следующее положение "словосочетание может представлять собой семантическое единство как на уровне языка, так и на уровне речи"? Как это положение соотносится с проблемой вычленения единицы перевода?

17. Каким образом перевод осуществляется на уровне предложений? В каких случаях это необходимо? Подтвердите свой ответ примерами.

18. Охарактеризуйте основные точки зрения по поводу перевода на уровне текста. Какие примеры вы можете привести?

19. Каким образом соотносятся понятия "билингвизм" и "интерференция"?

20. Охарактеризуйте обычную ситуацию билингвизма. Почему, по мнению лингвистов, определение перевода как явления билингвизма представляет собой немалый интерес?

21. Согласны ли вы с точкой зрения Гарбовского, относительно статического и динамического билингвизма? Почему?

22. Как вы полагаете: интерференцию при переводе желательно определить только как феномен языка, или исключительно как явление культурного взаимодействия? Подтвердите свою точку зрения примерами.

23. Как вы считаете, при переводе, происходит столкновение культуры одного народа с культурой другого как объективного способа жизнедеятельности людей? Докажите свою точку зрения.

24. Можете ли вы согласиться с такой позицией, что не сама действительность, а ее отраженная модель воспроизводится при переводе? Аргументируйте свой ответ.

25. Что такое асимметрия в переводе и как это явление связано с переводческой интерференцией?

Литература:

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М., 2001. – 224 с.
2. Чуковский К.И. Искусство перевода // Перевод средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. – С.309 -327.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение www.uz-translations.su
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2007. – 544 с.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты).– М.: Высш.шк., 1990.– 253 с.
5. <http://www.answers.com/main/ntquery?s={1}>

Материалы и задания для самостоятельной работы:

1. Прочитайте отрывки из электронной версии статьи *«Единица перевода и проблема качества перевода»*// info@lingvotech.com. Соотнесите рассуждения, представленные в статье, с вопросами данного семинара.

Чтобы полностью воссоздать все особенности оригинала, переводчик должен передать не только мысль в отдельных общих чертах, но и нюансы мысли. Как с теоретической точки зрения, так и в практическом плане данную проблему, по нашему мнению, можно свести к проблеме адекватного перевода микроконтекстов в виде отдельных слов и словосочетаний, кото-рые, входя в состав предложения, тем самым образуют единое смысловое целое. Точность перевода как отдельных частей текста, так и всего текста в целом, собственно говоря, и определяет качество перевода.

В процессе перевода переводчик-профессионал интуитивно делит текст на отдельные «отрезки мысли». Правильность или неправильность такого деления непосредственно может сказаться на качестве перевода. Допустим, что некоторые из них выбираются переводчиком неправильно. К чему это приведет? Это приведет к неправильному толкованию роли отдельных лексических единиц в тексте и, следовательно, к ряду ошибок.

Процесс перевода текста разветвляется постепенно, а если предложение длинное, то переводчик непременно разбивает его на ряд частей и работает над каждой частью отдельно. Работая над полноценной передачей на другой язык отдельных «единиц мысли», переводчик уделяет большое внимание решению проблем перевода на уровне слова. Вот почему выделение единиц перевода -- это не только теоретический, но и практический вопрос.

Решение вопроса о единице перевода является той областью, где и поныне ломаются копья представителей различных школ и направлений переводческой мысли. Остановимся на этом подробнее.

Некоторые теоретики перевода, точки зрения которых даже трудно ассоциировать с какой-либо школой, полагают, что единицей перевода является слово. Особенно ревностно эта точка зрения в свое время отстаивалась теоретиками перевода Библии и другой религиозной литературы, которые были искренне убеждены в том, что любой отход от «слова

божьего» -- это кощунство. Акцент на выборе слова как единицы перевода ставился и в более позднее время (Интересный исторический обзор по проблеме единицы перевода можно найти в работе F. R. Amo s. *Early Theories of Translation*. N. Y., 1920. Из советских монографий, затрагивающих этот вопрос, следует отметить труд П. И. Копанева "Вопросы истории и теории художественного перевода".).

Однако впоследствии как теоретики, так и сами переводчики-профессионалы пришли к выводу, что перевод слово в слово мешает глубокому и полному раскрытию мыслей авторов художественных произведений.

Если слово не может быть единицей перевода, то, по-видимому, надо искать какое-то другое решение. Одно из таких решений предложил Джон Драйден. Его позиция сводилась фактически к игнорированию роли отдельных слов. Этот метод перевода известен в истории перевода как учение Драйдена о парафразе. В «Британской Энциклопедии» 1911 года издания имеется большая обзорная статья по переводу, в которой, в частности, весьма подробно рассматривается и метод Драйдена. Для того чтобы выполнить перевод идеально, Драйден рекомендовал: «Переводчик, который будет переводить, передавая в какой-то степени силу и дух оригинала, никогда не должен останавливаться на словах (разрядка наша. -- В. К..) своего автора. Он должен отдаваться работе полностью, в совершенстве понять гений и замысел автора, характер темы, особенности искусства или предмета, о которых идет речь; тогда он сможет выразить себя столь же верно и с той же жизненной силой, как если бы он сам создавал оригинал; с другой стороны, тот переводчик, который копирует слово за словом (разрядка наша. -- В.К.), утрачивает сам дух произведения в процессе утомительной передачи оригинала» (Цит. по: "Encyclopedia Britannica", 1911, ed. p. 183.-- Пер. авт.). Такова рекомендация Джона Драйдена.

Насколько же она осуществима? Может ли она служить в качестве ориентации для переводчика нашего времени? Независимо от того, разделяем ли мы эту точку зрения или сомневаемся в ней, следует признать, что долгое время эта рекомендация служила эталоном в работе переводчиков художественных произведений.

Идентичной позиции придерживались и другие теоретики перевода. Исследователь Уиламовиц требовал сперва как бы мысленно увидеть «кар-тину» оригинала. Уиламовиц отмечал, что переводчик «не должен переводить слова или предложения, а он должен «схватить» и воспроизвести мысли и чувства» (Цит. по: J. P. P o s t g a t e. *Translation and Translators. Theory and Practice*. Ldn., 1922, p. 7.). Именно в попытке наиболее точного и адекватного воспроизведения смыслового содержания оригинала и заключаются, по мысли Уиламовица, творческие возможности переводчика. Таким образом, мы видим, в каком трудном положении оказывается переводящий. История перевода показывает, что наиболее стимулирующая критика шла именно от тех, кто в самой трудности положения как раз и усматривал возможность для оригинальных поисков и решений различных проблемных ситуаций (задач). Об этом же свидетельствует и современная теория научения, в соответствии с которой в процессе выполнения тех или иных операций человек все более совершенствуется в их выполнении, оттачивая тем самым свое мастерство.

Следует ли из вышесказанного, что в качестве единицы перевода обязательно выступает предложение?

Дж. Миллер пишет, что «подлинная суть психолингвистической проблемы не выявляется до тех пор, пока мы не начинаем рассматривать предложения, ибо только тогда важность (речевой) продуктивности становится совершенно очевидной» (Q. M i l l e r. *The Psychology of Communication*. N. Y., 1967, p. 72.). Нам кажется, что такой подход (опора на предложение) является плодотворным. Несомненно, в процессе перевода переводчик располагает большими возможностями в области семантических поисков и решений на уровне предложения. Такой ход рассуждения показывает, что переводчику приходится

работать не только над передачей смысла всей фразы, но и над передачей отдельных единиц мысли.

Однако не все исследователи придерживаются такой позиции. Например, Л. Форстер отмечает, что в эпоху Возрождения предпочтительным в переводе был такой принцип «...Каждую фразу рассматривают в ее контексте, взвешивая ее достоинства, а затем переводят ее эквивалентной фразой без учета перевода отдельных слов» (L. F o r s t e r. Aspects of Translation. Studies in Communica- tion. Vol. 2. Ldn- 1958, p. 12.) Это, как мы видим, уже совершенно другая точка зрения.

Семинарское занятие 9

ОПЕРАЦИОННЫЙ СОСТАВ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Вопросы для обсуждения:

1. Каково сохранение в переводе семного состава смыслов текста оригинала? Совпадают ли точки зрения по этому вопросу у отечественных и западных переводоведов? Согласны ли вы с предложенными гипотезами? Подтвердите свой ответ примерами.

2. Что такое адаптация в переводе?

3. В каких случаях переводчик чаще всего прибегает к адаптации? Приведите примеры.

4. В трудах какого ученого адаптация получила теоретическое обоснование?

5. Назовите положительные и отрицательные моменты, связанные с применением адаптации как переводческого приема.

6. Охарактеризуйте эквиваленцию, доказав, что ее можно рассматривать как переводческую трансформацию, располагающуюся в пределах эквивалентности.

7. Назовите имена ученых, которые одни из первых начали применять термин "эквиваленция".

8. На каких уровнях может быть рассмотрена эквиваленция?

9. Охарактеризуйте каждый из уровней эквиваленции и дайте свои примеры.

10. Приведите примеры стилистической нейтрализации и объясните, как вы понимаете этот термин.

11. Дайте определение модуляции.

12. Назовите логико-семантические основания трансформации смысла.

13. Какое положение, касающееся семантических преобразований, было выдвинуто В.Г. Гаком?

14. Назовите типы логических отношений и соответствующие им семантические преобразования.

15. Расскажите о теории Я.И. Рецкера, соотносящей формально-логические категории и приемы лексической трансформации в переводе.
16. Что такое переводческая парафраза? приведите примеры парфразы в переводе.
17. Какое логическое отношение лежит в основе таких трансформационных операций, как генерализация и конкретизация?
18. Что такое генерализация? Снабдите свой ответ примерами.
19. Согласны ли вы с утверждением, что генерализация предполагает сокращение элементов содержания, и, следовательно, некоторую потерю при переводе? поясните свой ответ.
20. Почему некоторые современные ученые в области перевода считают генерализацию гиперонимическим преобразованием? Назовите этих ученых.
21. Что такое конкретизация? Приведите примеры конкретизации.
22. Если генерализацию называют гиперонимом, то как, по аналогии, можно именовать конкретизацию?
23. Что такое повторная номинация? Расскажите о роли В.Г. Гака в определении этого понятия.
24. Какие понятия можно квалифицировать как понятия с неопределенным объемом и переменным содержанием? Приведите примеры, подтверждающие ваш ответ.
25. Поясните, что означает термин "отношения переименования"?
26. Почему для теории перевода наибольший интерес представляет зона пересечения объемов двух понятий?
27. Назовите ученого, который ввел понятие дифференциации в область переводческого приема.
28. Каким образом Гарбовский трактует понятие "дифференциация"? Чью точку зрения разделяете вы? Почему?
29. С какими представлениями связана дифференциация понятий?
30. Назовите основное отличие метафорической дифференциации от собственно дифференциации.
31. Какие преобразования получили название "операции слабой дифференциации"?
32. Приведите примеры слабой дифференциации.
33. Почему, на ваш взгляд, антонимический перевод является распространенным типом трансформационных операций?
34. Какое место занимали и занимают деформации при переводе? приведите примеры.
35. В чем отличия деформации от переводческих ошибок? Ответ подтвердите примерами.

Литература:

1. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: Академия, 2008.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
3. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2007. – 544 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш.шк., 1990. – 253 с.
5. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: Академия, 2008.
6. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток Запад, 2006. – 448с.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
8. <http://www.answers.com/main/ntquery?s={1}>

Материалы и задания для самостоятельной работы:

1. Прочитайте отрывок из электронной версии книги **В.Н. Комиссарова** «Современное переводоведение»/<http://www.blackmask.com/cgi-bin/newlinks/search.cgi?d=1&query={1}> и ответьте на вопрос: Как связан состав переводческих действий с проблемой выбора слова как единицы перевода?

Особую важность для понимания сущности перевода имеет вторая особенность языкового знака - его произвольность. Между звучанием и значением языковой единицы нет в большинстве случаев какой-либо естественной или логической связи. В природе, внешнем облике или поведении «друга человека» нет никаких оснований, чтобы обязательно именовать его «собака», а не «кошка» или «верблюд» или, например, «a dog, le chien или der Hund». Произвольность языкового знака делает связь между его звучанием и значением особо прочной, так как ни одна из сторон знака не существует без наличия другой: звук без значения не является знаком, а значение обязательно репрезентируется какой-то материальной формой. В то же время произвольность знака означает, что данное значение не обязательно должно быть связано только с данной формой и, напротив, определенная форма может выражать и другое значение. Отсюда следует возможность передавать одно и то же (или почти одно и то же) содержание с помощью разных форм (средств выражения), в том числе и средств другого языка, что и происходит при переводе. Произвольность знака предопределяет и его асимметрию: одна форма может иметь несколько связанных между собой значений (полисемия) или выражать совершенно разные значения (омонимия). Понятно, что полная произвольность свойственна лишь первичным знакам: у производных слов полностью или частично мотивированы и форма, и значение («белый -- белизна», «писать -- писатель», «камень -- каменоломня» и пр.).

Третьим фундаментальным свойством языкового знака является «значимость», под которой понимается зависимость значения знака от значений других знаков, как бы отбирающих у него часть обозначаемого. Так, значение слова «собака» определяется не только тем, что оно называет определенный класс домашних животных, но и значением слова «пес». Аналогичным образом, значение слова «лошадь» ограничивает значение слова «конь» и наоборот. Поэтому другом человека оказывается не пес, а собака, а победитель гордо въезжает в покоренный город на белом коне, а не на лошади. Именно различная значимость приводит к несовпадению близких по значению слов (как и синтаксических структур) в

разных языках. Она в значительной степени создает своеобразные «языковые картины мира» и тем самым серьезные проблемы для переводчика.

Как и всякая знаковая система, язык представляет собой не простой набор изолированных единиц. Это - целостное образование, все элементы которого взаимосвязаны. Единицы языка связаны между собой либо благодаря одинаковому положению в системе (парадигматические связи), либо благодаря совместному употреблению в речи (синтагматические связи). Совокупность связей между единицами языка составляет его структуру.

Единицы языка, входящие в его структуру, образуют несколько подсистем, связанных друг с другом межуровневыми отношениями. Основными уровнями языка считаются фонемный, морфемный, лексический (словесный) и синтаксический (уровень предложения). Единицы одного уровня могут сочетаться друг с другом и образовывать единицы более высокого уровня. Так, сочетания фонем образуют морфемы, морфемы - слова, слова - предложения. В процессе перевода между единицами двух языков могут устанавливаться как одноуровневые, так и разноуровневые отношения.

Семинарское занятие 10 **ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ** **ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Вопросы для обсуждения:

1. Как проблема переводимости и непереводимости связана с идеей о денотативной модели перевода? что такое денотативная модель? когда и кем она была предложена? Кто из современных ученых теоретиков перевода придерживается данной теории?
2. Каковы основные достоинства денотативной модели перевода?
3. Какие аргументы, подчеркивающие недостатки денотативной модели, выдвигают ее оппоненты?
4. Расскажите о генеративной (порождающей) грамматике Н. Хомского. Какая связь между теоретической грамматикой ученого и трансформационной теорией перевода?
5. Поясните особенности ядерных структур, используя примеры.
6. Какой процесс становится главным в совершаемых переводчиком преобразований языковых единиц ИЯ в языковые единицы ПЯ?
7. В работах каких западных переводоведов развивалась трансформационная теория перевода?
8. Как соотносятся понятия "перевод" и "интерпретация" в трудах И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга?
9. Согласны ли вы с утверждением о том, что использование трансформационной модели плодотворно для преподавания перевода? аргументируйте свой ответ.

10. Назовите основные преимущества трансформационной модели.
11. Перечислите недостатки трансформационной модели.
12. С какими аспектами анализа языковой картины мира связана семантическая теория перевода?
13. Назовите автора семантической модели перевода. Что вы можете сказать о личности этого лингвиста?
14. На какие виды подразделяются глубинные структуры в семантической модели перевода?
15. Сколько примерно лексических и синтаксических правил перефразирования вычлняется, согласно семантической модели перевода?
16. Охарактеризуйте точку зрения Швейцера, касающуюся плюсов и минусов семантической модели.
17. В чем, по вашему мнению, суть коммуникативной модели?
18. На каком постулате основана информативная модель перевода? согласны ли вы с ним?
19. Охарактеризуйте трехфазную модель перевода, предложенную О. Каде.
20. Что, по мнению приверженцев трехфазной модели перевода, является необходимым условием успешной коммуникации? можете ли вы согласиться с этой точкой зрения? аргументируйте свой ответ.
21. Назовите ученых, разработавших интерпретативную модель перевода.
22. Сколько этапов процесса перевода включает в себя интерпретативная модель перевода? Дайте краткую характеристику каждого из них.
23. Почему интерпретация является главным понятием в интерпретативной модели перевода?
24. Какие недостатки интерпретативной модели выделяет В.Н. Комиссаров? Согласны ли вы сего точкой зрения? Почему?
25. Познакомившись с основными моделями перевода, выскажите свое мнение по поводу теорий. Какая из них представляется вам наиболее адекватной, универсальной? Почему? Аргументируйте свой ответ.

Литература:

1. Тюленев С.В. Теория перевода: Учебное пособие / С.В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004. – 336с.
2. Фесенко Т.А. Концептуальные основы перевода: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – 124с.

Программное обеспечение и Интернет- ресурсы:

1. <http://linguists.narod.ru/map.html>
2. <http://translations.web-3.ru/>
3. <http://uztranslations.net.ru>
4. <http://www.gdeperevod.ru>

5. <http://www.trworkshop.net>
6. <http://alba-translating.ru>
7. <http://www.lingvoda.ru>

Материалы и задания для самостоятельной работы:

Прочитайте интернет-материалы о моделях процесса перевода и ответьте на вопрос: Какие модели перевода применяются, на ваш взгляд, наиболее часто и продуктивно? Проиллюстрируйте ваш ответ конкретными примерами из практики.

Модели процесса перевода// <http://alba-translating.ru>

В последние годы появилось немало описаний перевода как процесса. Все они имеют гипотетический характер, потому что постичь то, что происходит в сознании человека в момент преобразования содержания, выраженного на одном языке, в то же содержание на другом языке, невозможно даже при применении нейролингвистических технологий. Таким образом, модели процесса перевода, предлагаемые лингвистами, строятся на основе умозрительных посылок и заключений, самонаблюдений переводчиков и адресатов, получающих текст перевода. Некоторые нейролингвистические эксперименты, связанные с выявлением зон хранения словесной информации человеческим мозгом, показали, что иногда теоретические постулаты оказываются ложными или даже спекулятивными, но это вовсе не означает, что нужно отказаться от попыток моделирования перевода, а лишь свидетельствует о необходимости ещё более строгого ответственного и доказательного подхода к созданию подобных схем и описаний. Общеизвестными в настоящее время являются следующие гипотетические модели процесса перевода: ситуативная, семантическая, трансформационная, семантико-семиотическая, коммуникативно-функциональная, информативная и модель эквивалентных соответствий.

Рассмотрим подробнее самые распространённые из них.

Ситуативная (денотативная модель) строится на признании того факта, что неизменной, или инвариантной основой языковых единиц языка оригинала и языка перевода является соотносительность этих единиц с предметами и явлениями самой действительности, т.е. с денотатами или референтами. В целом, денотаты едины для всего человечества. Любой текст, отражающий определённую предметную ситуацию, суждения и в конечном итоге реальную действительность, формируется путем соотносительности с самыми разнообразными денотатами. Исходя из этого, перевод понимается как процесс замены материальных знаков (слов) одного языка знаками (словами) другого языка, соотносимыми с теми же денотатами. Иначе говоря, переводчик воспринимает ситуацию и суждения в одной материальной форме, а воспроизводит их в другой, денотаты же при этом остаются неизменными. Но может случиться так, что какого-то денотата вообще нет в обществе, в котором используется язык перевода, и тогда переводчик прибегает к различным компенсаторным приемам, чтобы сохранить смысл переводимого текста и адекватно описать воспроизводимую ситуацию.

Денотативная интерпретация процесса перевода весьма распространена, хотя у неё есть немало противников, и её объяснительные возможности ограничены.

Семантическая модель процесса перевода строится с учетом компонентного анализа содержательных единиц языка и наличия регулярных межъязыковых соответствий. Предполагается, что в процессе перевода в оригинальном тексте вычлняются все элементарные содержательные единицы и их компоненты, а в языке перевода подбираются

равнозначные или сходные по содержанию единиц. Таким образом, перевод сводится к анализу содержательных компонентов исходного текста и синтезу смысла в языке перевода. Обычное содержание любой речевой единицы рассматривается как единство, состоящее из набора элементарных смысловых, стилистических, эмотивных характеристик, которому подбирается соответствие в языке перевода. При такой трактовке процесс перевода осуществляется не столько на уровне слов и предложений, сколько на уровне содержательных компонентов. Чем выше совпадение компонентов смысла в языке оригинала и перевода, тем адекватнее перевод.

Семантическая модель связана с постулатом о наличии в языках глубинных содержательных категорий и структур, общих для всех языков. Процесс перевода и начинается с сопоставления этих глубинных смыслов.

Трансформационная модель возникла под влиянием идей трансформационной грамматики, утратившей в ниши дни свою былую популярность. При построении этой модели процесс перевода трактуется как преобразование (трансформация) текста исходного языка в текст на языке перевода. Главными трансформациями, проводимыми переводчиком, признаются трансформации так называемых ядерных структур, которые согласно утверждению сторонников данной модели, совпадают в различных языках и характеризуются общностью логико-синтаксических связей. Иными словами, текст языка оригинала понимается как совокупность исходных структур, которым должны быть найдены соответствия в языке перевода. В сознании переводчика текст на фазе анализа минимизируется в набор ядерных структур, затем на следующей фазе этот набор замещается эквивалентными структурами языка перевода, которые затем преобразуются в текст перевода, соответствующий оригиналу.

Коммуникативная модель представляет процесс перевода как акт двуязычной коммуникации. В нем есть сообщение, его отправитель (адресант), получатель (адресат или реципиент), код (язык) и канал связи (устная или письменная речь). В упрощенном виде адресант передает информацию, адресат (зд. переводчик) ее получает, перекодирует для другого адресата (зд. слушателя или читателя). Таким образом, переводчик в процессе коммуникации выполняет двойную функцию: получателя и отправителя информации.

В коммуникативной модели учитываются как синтаксические, семантические, так и прагматические отношения. Семантика, ситуация и функция составляют инвариантную основу исходного и переведенного высказывания.

Информативная модель основана на постулате, утверждающем, что любой устный или письменный текст и его основная единица – слово являются носителями самой разнообразной информации sic! Далее рассуждения из теории информации/

Модель эквивалентных соответствий связана с теорией языковых соответствий, которая не претендует на моделирование процесса перевода. В ее задачу входит установление закономерных соответствий между единицами оригинала и перевода.

Семинарское занятие 11 НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Вопросы для обсуждения:

1. На основе чего производится оценка качества перевода?

2. Что называется «нормой перевода»?
3. Чем определяется качество перевода?
4. В каком виде формируются нормативные требования? Каковы их основные виды?
5. Что означает понятие «нормы эквивалентности перевода»?
6. Как можно определить жанрово-стилистическую норму перевода?
7. Как можно определить норму переводческой речи,
8. Прагматическая норма перевода. Является ли она «нормой» в полном смысле этого слова?
9. Дайте определение конвенциональной норме перевода. Как она реализуется?
10. Какова роль нормативных требований в оценке качества перевода,
11. Какие термины используются для общей характеристики результатов переводческого процесса? Раскройте сущность адекватного, эквивалентного, точного, буквального и свободного перевода.
12. Какое понятие используется при оценке качества перевода?
13. Как вы определите понятие «единица несоответствия»?
14. Какие задачи решает переводчик в процессе перевода и почему нужно учитывать их сложность?
15. Какие условные критерии выделяются для оценки качества перевода?

Литература:

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб для ин-тов и фак иностр яз. С. 277-296.
2. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. Учебник для переводческих факультетов и факультетов иностранных языков. – М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. – С. 218-227.
3. Казакова Т. А. Теория перевода (лингвистические аспекты). Гл.Х.

Семинарское занятие 12 КЛАССИФИКАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК

Вопросы для обсуждения:

1. Дайте определение понятию «переводческая ошибка». Существует ли в научной и учебной литературе формальное определение переводческой ошибки?
2. Каковы причины возникновения переводческих ошибок?
3. Какая классификация, основанная на работах Л.К. Латышева, используется во многих ВУЗах?

4. Какие трудности могут возникнуть при передаче географических имен в переводе?
5. В чем выражаются недостатки в трансляции исходного содержания и форм его выражения?
6. Каковы причины ошибок в адаптации содержания и форм его выражения?
7. Какие ошибки являются следствием неадекватной модернизации исходного содержания и форм его выражения?
8. Каковы причины ошибок в адаптации содержания и форм его выражения?
9. Когда появляются ошибки понятийной логичности?

Литература:

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С.514-537.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990.
3. Латышев Л.К. Технология перевода. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
4. <http://tc.utmn.ru/node/76>
5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Учеб. пособие. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – С.179-271.

Материалы и задания для самостоятельной работы:

1) Изучите Лекцию 6 *Латышева Л.К. «Технологии перевода»* и Главу 5 в учебнике *А.В. Федорова «Основы общей теории перевода»*.

ЛЕКЦИЯ 6 (см. Латышев Л.К. «Технология перевода» М.: НВИ-Тезаурус, 2000. 280 с.)

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ

6.1. Межъязыковая и внутриязыковая интерференция

В переводческой практике обычно наблюдается два основных типа переводческих ошибок: 1) ошибки, возникающие под влиянием родного языка, 2) ошибки, причины которых коренятся в структуре самого иностранного языка.

В обоих случаях имеет место явление, которое называется интерференцией. В первом случае можно говорить о межъязыковой интерференции, во втором случае мы имеем дело с внутриязыковой интерференцией.

Ошибки возникающие под влиянием родного языка, имеют в своей основе перенос способа выражения данного содержания из родного языка в иностранный язык. Объективной основой такого переноса является очень часто несовпадение соотносительных единиц (т.е. единиц, выражающих сходное значение, отражающие одинаковые реальные объекты) в родном и иностранном языке.

Можно выделить две противоположные ситуации такого рода переводческих ошибок:

1. Единица перевода в родном языке унифицированная. Например, как форма сослагательного наклонения в русском языке «частица бы + глагол в прошедшем времени».

Соотносимая единица в немецком языке является дифференцированной. Konjunktiv имеет много временных форм, каждая из которых используется в конкретном контексте. Например, Präteritum Konjunktiv используется для выражения только настоящего и будущего времени.

Он был, бы, имел бы, пришел бы.

Er wäre, hätte, kämme (würde kommen).

Er wäre gewesen, hätte gehabt, wäre gekommen.

2. Единица перевода в родном языке дифференцирована, в немецком языке унифицирована. Например,

В русском языке придаточное предложение с союзом чтобы двузначно. Это либо придаточное цели, либо придаточное дополнительное, что зависит от грамматического окружения: «Я даю тебе книгу, чтобы ты ее прочел». И «Я хочу, чтобы ты прочел эту книгу.»

В немецком языке эти два вида придаточных оформляются с помощью разных союзов: damit в первом случае, dass во втором.

Отметим еще один момент, усложняющий правильное употребление придаточных с damit и dass. В русском языке после союза «чтобы» употребляется форма на «-л», которая является в данном случае сослагательным наклонением («бы» сливается с «что» = «чтобы»), поэтому эта формы иногда воспринимается как прошедшее время и соответственно передается глаголом в Präteritum. Это обстоятельство доставляет немало трудностей иностранцам, изучающим русский язык. Фактически налицо двойная интерференция.

Аналогичные переводческие ошибки возникают, в связи с употреблением артикля, переводом притяжательных и возвратных местоимений.

В русском языке существительное не дифференцируется по значения определенности/неопределенности. Например: книга – книги; das Buch - ein Buch; die Bücher – Bücher.

В немецком языке такая дифференциация обязательна в подавляющем большинстве случаев.

Русские притяжательные местоимения в немецком языке передаются разными формами в зависимости от лица и числа. В русском языке они унифицированы. Например: свой, себе, себя – mein, dein, sein; mich, mir, dir, sich.

Часто ошибки возникают при употреблении имен прилагательных, например, сравнительная степень. В немецком языке сравнительная степень прилагательных образуется только при помощи суффикса –er + Umlaut у некоторых прилагательных. В русском языке этой одной форме соответствует две формы: флективная и описательная: светлее, более светлый – heller. «Более светлый» - такая форма употребляется как единственно возможная в атрибутивной функции. Отсюда и в немецком языке идет неправильное употребление форм сравнительной степени. Так, в качестве определения используют несуществующую в немецком описательную форму с mehr.

- Wir haben ein mehr helles Zimmer. (вместо: helleres)

- Ich hörte eine mehr interessante Neuigkeit. (вместо: interessantere)

В русском языке форма именной части сказуемого *предикатива (зависит от времени, наклонения и глагольной связки). Возможны две формы – именительный ли творительный падеж. В немецком языке возможен только Nominativ. Ошибки возникают в том случае, когда изучающий стремится употребить предикативное существительное с als. Например: Он - наш друг. – Он остался нашим другом. - Er ist, bleibt unser Freund.

Рассмотренные выше примеры переводческих ошибок, связанных с интерференцией, возможно успешно избегать, если анализировать переводимое высказывание с точки зрения коммуникативной нагрузки, т.е. выделив в каждой единице перевода коммуникативное задание.

6.2. «Ложные друзья переводчика»

«Ложные друзья переводчика» - наиболее известный класс лексических «провокаторов», о которых немало написано. К ним относится немалая часть так называемых интернационализмов — лексических единиц ИЯ, сходных по звучанию и / или написанию с лексическими единицами ПЯ.

«Ложные друзья переводчика» — те интернационализмы в ИЯ, которые полностью или частично расходятся по значению со своими звукобуквенными аналогами ПЯ. Неопытные переводчики нередко попадают в ловушки фонетического сходства, под которым скрываются существенные семантические различия.

«Ложные друзья переводчика» подразделяются на четыре основных типа. К первому типу таковых относятся слова ИЯ, созвучные словам ПЯ, но полностью расходящиеся с ними своим значением:

der Termin — не термин, а 1. срок; 2. судебное заседание; 3. договоренность о встрече

das Feuilleton — не фельетон, а литературный раздел в газете или журнале (в Австрии — газетная статья, фельетон)

der Dramaturg — не драматург (писатель создающий пьесы), а заведующий литературной частью театра

Ко второму типу «ложных друзей переводчика» относятся такие многозначные слова ИЯ, у которых часть значений совпадает со значением внешне сходного слова ПЯ, а часть значений расходится. «Ложные друзья» этого типа встречаются чаще, чем относящиеся к первому типу:

der Referent — не только 1. референт (должностное лицо), но и 2. докладчик;

der Ingenieur — не только 1. инженер (Diplomingenieur), но и 2. техник (специалист со средним образованием);

komisch — не только 1. комичный (смешной, забавный, потешный), но и 2. разг. странный (ein komisches Gefühl).

К третьему типу «ложных друзей переводчика» относятся лексические единицы исходного языка, у которых есть сходное по звучанию или написанию слово в ПЯ, являющееся одним из своих значений эквивалентом слова ПЯ, однако у того же самого слова ПЯ есть еще одно или несколько значений, не имеющих ничего общего со своим звуковым (буквенным) аналогом в ИЯ. Например:

der Radiator — радиатор (нагревательный прибор), но не радиатор автомашины (по-немецки der Kühler);

die Navigation — навигация (кораблевождение), но не навигация в значении «судоходство», «мореплавание» (Schiffahrt) и также не навигация в значении «судоходный сезон» (Schiffahrtsaison);

die Amortisation — 1. амортизация в значении «постепенное снижение ценности в результате изнашивания» (эк. термин) и 2. амортизация в значении «постепенное снижение долгов» (эк. термин), но не амортизация в значении «смягчение толчков» (техн. Термин - Stoßdämpfung).

К четвертому типу «ложных друзей переводчика» относятся названия мер, весов и других величин измерения, созвучные в ИЯ и ПЯ, но не совпадающие по количеству:

das Pfund — 500 г, в то время как русский фунт — 409,5 г;

der Zentner — в Германии — 50 кг (100 немецких фунтов); в Австрии и Швейцарии Zentner равняется 100 кг.

Соотношение значений созвучных слов двух разных языков может быть точно таким же, как и соотношение других взаимозаменяемых слов ИЯ и ПЯ: т. е. частично совпадать и частично расходиться. В качестве примера можно привести заимствованное из английского слово Hooligan. В русском языке хулиганом называют человека, своими действиями демонстрирующего явное неуважение к обществу и личности, грубо нарушающего

общественный порядок, бесчинствующего в общественном месте или семье. В Германии же словом Hooligans называют главным образом бесчинствующих футбольных болельщиков, приходящих на футбол затем, чтобы устроить побоище с болельщиками другой команды:

Beim Weltmeisterschaft-Qualifikationsspiel zwischen Italien und England in Rom zerlegten Hooligans von der Insel in der Innenstadt Kneipen und Geschäfte. Anschließend lieferten sie sich im Stadion eine

Schlacht mit der Polizei. („Spiegel“, 3.11.1997)

Ошибки на почве «ложных друзей переводчика» очень живучи. В одном из немецких телефильмов с закадровым русским текстом персонаж, молодой здоровый лоботряс, развалившись в постели с девицей, жалуется ей (в русском переводе): «Мой старик никак не успокоится — хочет, чтобы я стал академиком». В другом фильме один немецкий офицер говорит другому (опять же в русском переводе): «Да это же наша официантка. Она сегодня ут-ром подавала нам в казино макароны». Переводчиков не смутила ситуативная нелепость их переводов. Кто может требовать от молодого балбеса, чтобы он стал академиком? Кто подает в казино макароны? Перед лицом такой нелепости надо было бы усомниться в правильности перевода и обратиться к словарям: Akademiker — это человек с высшим образованием, Kasino — офицерская столовая. Однако гипноз подлинника в иных случаях бывает слишком силен, и часто ему «подыгрывает» самоуверенность языковых посредников, которую порой не в состоянии поколебать даже очевидная нелепость их перевода.

6.3. «Ловушки внутренней формы»

«Ловушки внутренней формы». Внутренняя форма лексической единицы — это ее внутреннее устройство, структура, образуемая корнем слова (в случае сложного слова — корнями), суффиксами и префиксами или сочетанием нескольких слов, если речь идет о лексической единице в форме устойчивого словосочетания. Внутренняя форма, если она не стерлась, в результате исторических преобразований, происходящих в языке, способна указать нам, какую из многочисленных характеристик предмета данный язык «избрал» в качестве его «метки», его отличительного признака. Так, русское слово портной образовано от слова порты (штаны, одежда), немецкое слово Schneider — от schneiden (резать), а болгарское шивач — от болгарского глагола шия (шить).

Как показывают данные примеры, лексические единицы, обозначающие в разных языках один и тот же денотат, могут иметь совершенно различную внутреннюю форму. Ловушки для переводчика со стороны внутренней формы возникают в случаях, когда лексема ИЯ и лексема ПЯ, имея аналогичные внутренние формы, обладают разным денотативным значением. Так, например, немецкий футбольный термин Freistoß вопреки родству внутренних форм не соответствует русскому футбольному термину свободный удар, а означает любой назначаемый судьей удар, пробиваемый без помех со стороны противника, чему в русской терминологии соответствует и свободный и штрафной удар. Если у немца возникает необходимость более дифференцированного обозначения, он употребляет словосочетания direkter Freistoß (штрафной удар) и indirekter Freistoß (свободный удар). Логика этих терминов такова: direkt означает, что этим ударом можно непосредственно забивать мяч в ворота, indirekt — что этого делать нельзя и гол, забитый (непосредственно) после такого удара, не за-считывается. Что касается немецких футбольных репортажей, то там штрафной удар чаще всего обозначается просто словом Freistoß.

Из сказанного видно, что внутренняя форма сама по себе обладает определенной логикой. И эта логика порой заводит в западню даже лингвиста. Встречаются и просто нелогичные сами по себе внутренние фор-мы, т. е. такие внутренние формы, собственный смысл которых не соответствует тому, что они обозначают.

Так, сегодня рядовой носитель русского языка (не языковед) вряд ли распознает, что слово стол образовано от глагола стлать (стелить), слово сердце — от слова середина, слово

рубль — от рубить, слово мешок — от слова мех (из которого когда-то шили мешки). Во всех этих словах внутренняя форма уже не ощущается. Наличие собственного («дремлющего») смысла у внутренней формы многих слов проявляется при их обыгрывании. К примеру, про бедного портного говорили: «Портной, а без порток».

Так жертвой нелогичной внутренней формы стал в период Великой Отечественной войны один фронтовой переводчик. В трофейном немецком документе он встретил термин *Vergaser*, обозначающий некоторое техническое устройство, недавно доставленное на склад. Поскольку *Vergaser* буквально означает «преобразователь (чего-то) в газ», переводчик доложил, что на данный участок фронта доставлено оружие для газовой атаки. Разумеется, это сообщение вызвало крайнюю обеспокоенность командования, и лишь некоторое время спустя более опытный переводчик обнаружил весьма банальную ошибку: *Vergaser* — это всего-навсего карбюратор — важнейшая составляющая работающих на бензине двигателей внутреннего сгорания, которые по-русски так и именуются карбюраторными двигателями, а по-немецки *Vergasermotoren*. Нелогичность немецкой внутренней формы в данном случае проистекает из того, что *Vergaser* (карбюратор) вырабатывает вовсе не газ, а только нечто отдаленно сходное с ним — смесь воздуха с мельчайшими каплями легкого жидкого топлива. Правильное название для такого рода смеси воздуха и жидкости — «взвесь».

Из истории военного перевода известен еще один случай, когда неадекватная иноязычная внутренняя форма лексической единицы сыграла злую шутку с переводчиком. Немецкое словосочетание *spanische Reiter* обозначает один из видов инженерных заграждений — ежик из колючей проволоки. Однако переведено оно было дословно и поэтому ошибочно: испанская кавалерия. (Хотя дело было на советско-германском фронте во время Второй мировой войны, когда кавалерия почти не применялась.)

Иногда затемняющая значение слова внутренняя форма избирается специально для того, чтобы «облагородить» то или иное не очень популярное явление либо не очень приятное название. Так, например, в бывшей ГДР дома для престарелых с определенного момента стали именоваться *Feierabendheim* (вместо прежнего *Altersheim*). «Логика» этого нового наименования была такова: *Feierabend* (время после рабочего дня) → *Feierabend des Lebens* (послетрудовой период жизни) → *Feierabendheim* (дом, где живут люди, честно отработавшие свое). Однако эта «красивая» логика переименования была совсем не очевидна для тех, кто, не зная новых «социалистических» реалий ГДР, встречал в тексте это слово в первый раз. Руководствуясь более простой логикой, неопытные переводчики переводили это сложное слово словосочетанием однодневный дом отдыха или вечерний дом отдыха (профилакторий).

Все эти примеры подтверждают уже сказанное — логика внутренней формы слова, ее собственный «смысл» могут вступать в противоречие с его денотативным значением.

Если бы мы в переводе следовали только логике внутренней формы, то немецкое *Brustkorb* надо было переводить не словосочетанием грудная клетка, а словосочетанием грудная корзина, слово стрелки (часов) — не словом *Zeiger*, а словом *Pfeilchen*. Но мы не делаем этого и ориентируемся не на внутреннюю форму, а на денотат. Последнее не связано с особыми трудностями. Но когда в тексте фигурируют понятия из специальных областей, суть которых переводчику недостаточно понятна или же более или менее понятна, но переводчик не знает терминологических соответствий ПЯ, ему приходится «цепляться» за внутреннюю форму терминов как единственную данность. Именно поэтому наиболее часто переводчики попадают в «ловушки внутренней формы», имея дело со специальными текстами, содержащими специальную терминологию.

Было бы неверным считать, что «ловушки внутренней формы» подкарауливают переводчика только при переводе текстов, оснащенных специальной терминологией. Такое случается и при переводе совершенно обычных (например, газетных) текстов.

В 1970-е и 1980-е годы в газетах очень часто встречались понятия разрядка и разоружение. Их немецкие соответствия Entspannung und Abrüstung. Однако студенты — будущие переводчики при переводе этой пары слов на немецкий постоянно сбивались на Entspannung und Entrüstung (Entrüstung - возмущение). Причем эта ошибка была отнюдь не случайна. С помощью приставки ent- в немецком регулярно выражается семантическая идея отделения, освобождения от чего-то, сравните: entminen (разминировать), entfärben (обесцвечивать), entfernen (удалять), entrechten (лишить прав), entwürdigen (обесчестить) и т.д. С этой же приставкой есть и глагол, означающий «разоружать» — глагол entwaffnen, но он используется в ситуациях, когда речь идет о конкретном отнятии у кого-то оружия (einen Verbrecher, ein Bataillon entwaffnen), а когда речь идет о военно-политической акции, употребляются слова с другим корнем и другой приставкой — (sich) abrüsten, Abrüstung. Студенты забывали об этом, однако нельзя не признать, что сбиваясь с Abrüstung на Entrüstung, они следовали определенной словообразовательной логике. К сожалению, логика этого сорта (логика абстрактно-возможного, логика языковой системы) отнюдь не всегда реализуется в языке. Как уже говорилось ранее, не все, что возможно в плане языковой системы, проходит «сито» языковой нормы.

6.4. «Забывтые значения» многозначных слов

«Забывтые значения» многозначных слов. В своей замечательной книге, посвященной искусству художественного перевода, К.И. Чуковский вспоминает следующий поучительный случай. «Превосходный переводчик Валентин Сметанич, переводя с немецкого французский роман Шарля-Луи Филиппа, изобразил в переводе, как юная внучка, посылая из Парижа деньги своему старому дедушке, живущему в деревенской глуши, дает ему такой невероятный совет: «Сходи на эти деньги к девочкам, чтобы не утруждать бабушку».

Эта фраза предопределила дальнейшее отношение переводчика к героине. Он решил, что жизнь в Париже развратила ее, и всем ее дальнейшим поступкам придал оттенок цинизма. Каково же было удивление переводчика, когда через несколько лет он познакомился с подлинником и увидел, что внучка, посылая дедушке деньги, отнюдь не предлагала ему истратить эти деньги на распутство, а просто советовала взять служанку, чтобы бабушке было легче справляться с домашней работой.

Даже не видя исходного немецкого текста, можно с достаточной уверенностью предположить, что фактором, подтолкнувшим переводчика к ошибке, является одно из забытых переводчиком значений слова Mädchen, обычно стоящее в словарях на последнем месте, иногда с пометкой «устаревшее».

Аналогичные «малоизвестные» значения есть и у других многозначных слов. Так опрос показал, что сравнительно немногие русские, владеющие немецким языком, знают, что немецкое прилагательное feudal помимо значения «феодальный» означает еще и «аристократический», а также «изысканный», «шикарный», «великолепный». Соответственно, (в зависимости от контекста) мы переведем:

Das Kapital übte eine zersetzende Wirkung auf die feudale Produktionsweise. - Капитал оказывал разрушительное воздействие на феодальный способ производства.

Er fiel durch sein feudales Gebaren auf. - Он бросался в глаза своими аристократическими замашками.

Sie wohnt jetzt in einer feudalen Villa. - Теперь она живет на шикарном вилле.

Поскольку слово feudal созвучно русскому феодальный, мы вправе говорить о совмещении здесь фактора «ложные друзья переводчика» и фактора «забытые значения».

6.5. Лексические иносказания

«Лексические иносказания». Иносказание - не прямой способ выражения содержания. «Лексическое иносказание» — иносказание в форме слова или устойчивого словосочетания. В немецком языке есть множество слов и устойчивых словосочетаний, традиционно

употребляемых в не-собственных значениях. Переводчики, не знающие об этом, нередко становятся жертвами данного обстоятельства. Анализируя изданный в 1959 году русский перевод романа Г. Фаллады „Wolf unter Wölfen“, Г. В.Павлов приводит ряд весьма показательных ошибок такого рода. Например:

Fräulein hört zu von morgens bis abends Geschichten von Regimentsdamen, längst verstorben und vergessen. Geschichten von blauen Briefen und Beförderungen. - Фрейлейн с утра до вечера слушает рассказы о полковых дамах, давно умерших и позабытых, рассказы о синих конвертах и производствах в чин.

Sie dürfen mir nichts tun! Ich bin geisteskrank! Ich habe den Paragraphen 51! Schlagen Sie mich nicht, bitte nicht, Sie machen sich strafbar! Ich habe den Jagdschein. - Вы ничего не смееете со мной сделать! Я душевнобольной! Я по графе пятьдесят первой. Не бейте меня, не надо, вас привлекут к ответу! У меня есть свидетельство на право охоты.

В обоих случаях в переводе допущены грубые ошибки, ибо сло-восочетание *der blaue Brief* имеет в немецком языке устойчивое иносказательное значение: уведомление об увольнении с работы, службы, а слово *Jagdschein* помимо своего прямого значения означает также: свидетельство о психическом заболевании. Приведем примеры традиционных лексических иносказаний:

blinder Passagier - безбилетник, «заяц»;

grüne Minna - машина для перевозки арестованных, «черный ворон», воронок
Sargnagel (шутл.) - сигарета

Heimkino (шутл.) - телевизор
Tapetenwechsel - смена обстановки

Niete - пустое место, нуль (о человеке)

Flasche - болван, пустое место (о человеке)
Blüte - прыщ

Taucherbrille - синяк

alte Schachtel (пренебреж.) - старая женщина, старая перечница

Gottes Acker - кладбище

Особым видом иносказаний являются имена собственные, традиционно употребляемые в переносных значениях. Чаще всего это явление наблюдается в разговорной речи. В качестве примеров приведем пару соответствующих словарных статей из «Немецко-русского словаря разговорной лексики» В.Д.Девкина (М., 1994):

Otto - -s, -s 1. экземпляр, вещь (о чём-л., отличающемся большими размерами, вызывающем удивление, восхищение и т. п.). *Das ist vielleicht ein Otto, dieser Karpfen!* // *Die Kürbisse in seinem Garten sind ungeheuere Ottos!* // *Seine Freundin hat einen strammen Otto, mächtigen Otto* (большая грудь). 2. *den Otto haben* - иметь понос. 3. *Otto Normalverbraucher* - обыкновенный, простой смертный. *Für Otto Normalverbraucher sind die Theaterkarten zu teuer.* // *Otto Normalverbraucher steht gewöhnlich um 6 Uhr auf.*

Meier - *Mensch Meier!* шутл. фам. восклицание широкого применения. Вот это да!, черт возьми!, послушай!, а, бродяга! и т.п. *Die Fußballspieler klopften ihrem Torwart begeistert auf die Schulter: „Mensch Meier, den Ball hast du aber hervorragend abgefangen!“* // *Mensch Meier! Nun sehen wir dich wieder!* // *Mensch Meier, ist das ein Wetterchen!*

Нередко встречаются иносказания, в основе которых — замена названия объекта указанием его местоположения. Так, например, словосочетание *die Richter in Karlsruhe* означает *Bundesverfassungsgericht* - Конституционный суд ФРГ, расположенный в городе Карлсруэ.

В политических детективах и публицистических статьях название небольшого города под Мюнхеном *Pullach* выступает как синоним названия ведомства, официально именуемого *Bundesnachrichtendienst* - разведслужба ФРГ со штаб-квартирой в Пуллахе.

В те времена, когда столица ФРГ находилась в Бонне, в качестве синонима названия Министерства обороны ФРГ – *Bundesverteidigungsministerium* - использовалось название района, где оно располагалось - *die Hardthöhe*.

Бывшая Австро-Венгерская империя и раньше, и теперь часто именуется *Donau-Monarchie*, а Вена — *Donau-Metropole*.

Второе имя Мюнхена — *die Stadt an der Isar*.

Достаточно типичны иносказания, в которых используются названия животных. Например: *Ochse* (вол) - дурак, болван, олух, простофиля; *Gans* (гусь) - дура, глупая женщина; *Biene* (пчела) – девушка; *Wurm, Würmchen* (червяк, червячок) - малыш, карапуз, клопик; *weiße Maus* (белая мышь) - дорожный полицейский; *Wetterfrosch* (шутл.) – метеоролог.

Имеются устойчивые лексические иносказания других типов. Например: *der schwarze Kontinent* (Африка), *der gelbe Kontinent* (Азия), *der grüne Kontinent* (Австралия), *der Schlussmann* (Торwart -вратарь) и др.

6.6. Несозвучные географические наименования

Несозвучные географические наименования. Обычно передача географических имен в переводе не представляет трудности, так как они воспроизводятся достаточно механически — путем транслитерации: иногда побуквенно (*Berlin* — Берлин, *London* — Лондон), иногда с небольшими фонетическими изменениями (*Moskwa* — Москва). Однако привычка к механическому воспроизведению географических названий в некоторых случаях может сыграть с переводчиком злую шутку, поскольку встречаются географические объекты, имеющие в разных языках несозвучные или мало созвучные названия. Например: *die Ostsee* - Балтийское море; *der Peipussee* - Чудское озеро; *Memel* - (ист.) Клайпеда; *Düna* - Зап. Двина (латыш. *Daugava*); *Auschwitz* - Освенцим; *Genf* - Женева; *Dünkirchen* – Дюнкерк; *Laibach* - (ист.) Любляна; *Venedig* – Венеция; *Mailand* – Милан; *Montenegro* – Черногория.

Нетрудно заметить, что географические объекты с несозвучными в ИЯ и ПЯ названиями, как правило, находятся в регионах, где происходили наиболее интенсивные контакты и столкновения этносов. Некоторые географические объекты при этом переходили из рук в руки или служили одновременно нескольким этносам. Немудрено, что в такой ситуации каждый этнос давал им свое имя или «перелицовывал» уже существовавшее наименование на свой национальный лад — порой так, что от первоначального названия мало что оставалось.

6.7. Искажения, неточности, неясности

Недостатки в трансляции исходного содержания выражаются в искажениях, неточностях, неясностях.

Искажение – это такое субъективно обусловленное отклонение содержания перевода от содержания оригинала, в результате которого потенциал текста перевода не соответствует потенциалу воздействия исходного текста; а именно – текст перевода вводит в заблуждение своего получателя относительно предмета сообщения, вызывает неадекватные представления и эмоции.

Неточности – дезинформация адресата перевода относительно предмета высказывания. Однако степень дезинформации менее существенная, чем в случае искажений:

Lisa wirft mir einen abgründigen Blick über ihre Schulter zu (Remarque E. M. *Der schwarze Obelisk*.)- Лиза чрез плечо бросает мне inferнальный взгляд.

Немецкое прилагательное *abgründig* следовало перевести как загадочный, поскольку *inferнальный* означает адский, дьявольский. Ошибка касается малозначительной детали повествования и существенного влияния на восприятие образа персонажа не оказывает.

Неясность отличается от искажения и неточности тем, что оказывает на адресата не столько дезинформирующее, сколько дезориентирующее воздействие. Например, один из

персонажей, притворяясь, что не хочет распространяться о своих мнимых любовных утехах, говорит:

Ein Kavalier ist diskret. (Remarque E. M. Der schwarze Obelisk.) – Рыцарь должен быть скромным.

Но было бы намного точнее перевести: Кавалер не должен быть болтливым. Кавалер должен держать язык за зубами.

Ошибки, допускаемые в результате неадекватной модификация исходного содержания и форм его выражения, часто бывают следствием буквализма в переводе или вольностей переводчика.

Was der Mensch von klein auf sich sieht, darauf reagiert er nicht in solcher Art: er wundert sich nicht über das Fallen der Körper, über Wind und Regen, nicht über den Mond und nicht darüber, dass dieser nicht runterfällt, nicht über die Verschiedenheit des Belebten und des Nichtbelebten. (Herneck F. Albert Einstein.) – Человек так не реагирует на то, что он видит с малых лет. Ему не кажется удивительным падение тел, ветер и дождь, он не удивляется на луну и на то, что она не падает, не удивляется на различие между живым и неживым.

К узуальным ошибкам относятся различного рода функционально-стилистические и нормативно-стилистические неадекватности:

Als Einstein und Habicht in Solovines Zimmer kamen, wo die Sitzung dieses Mal stattfinden sollte, und das Akademiemitglied nicht vorfanden, verzerten sie zunächst alles, was der Freund für sie aufgetischt hatte. (Herneck F. Albert Einstein.) – Однажды, когда Эйнштейн и Габихт пришли в комнату Соловина, где на этот раз должно было состояться заседание «академии», и не обнаружили там «члена академии», они прежде всего слопали все, что их друг оставил для них на столе.

Нейтральный глагол *verzerten* переводчик перевел как слопали, что является узуальной ошибкой – употребление несвойственной жанру научно-популярного текста лексической единицы с фамильярной нормативно-стилистической окраской.

Классифицировать типичные переводческие ошибки можно на основе следующих критериев: неадекватная трансляция исходного содержания; неадекватная модификация содержания и форм его выражения; межъязыковая и/или внутриязыковая интерференция; системные, нормативные и узуальные ошибки.

Во избежание вышеописанных типичных переводческих ошибок переводчик прежде всего должен тщательно работать с исходным текстом и регулярно проверять себя, используя различные словари, справочные материалы, энциклопедии и пр.

Литература:

1. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Междунар. Отношения, 1980.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
3. Любимов Н.М. Перевод – искусство. – М.: Сов. Россия, 1982.
4. Попович А. Проблемы художественного перевода. Пер. со словац. М.: «Высшая школа», 1980.
5. Семко и др. Проблемы общей теории перевода. Таллинн: «Валгус», 1988.
6. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: «Наследие», 2000.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
8. Формановская Н.И., Соколова Х.Р. Речевой этикет. Русско-немецкие соответствия. М.: Высшая школа, 1992.
9. Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы. Л.: Сов. Писатель, 1983.

10. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. М.: Междунар. Отношения, 1976.

Контрольные вопросы и задания:

1. Чем отличаются межъязыковая и внутриязыковая интерференция?
2. Какие классы лексических единиц могут спровоцировать переводческую ошибку?
3. На какие группы подразделяются «ложные друзья переводчика»?
4. Могут ли «ловушки внутренней формы», «забытые значения» многозначных слов и лексические иносказания быть причиной буквального перевода?
5. Что служит причиной появления неточностей, искажений и неясностей в переводе?
6. Систематизируйте несоответствия в английской и русской грамматической системах. Какие ошибки могут быть допущены при переводе из-за несоответствия в грамматической системе двух языков?
7. Изучите классификацию фразеологических высказываний, используя фразеологический словарь. Какие ошибки могут быть допущены при переводе фразеологических оборотов?

2) Изучите статью *М.А.Куниловской «Понятие и виды переводческих ошибок»* и предложите схему классификации // www.tc.utmn.ru/node/76

Понятие и виды переводческих ошибок

Перевод – явление многоаспектное, он бывает разных видов (устный и письменный) и может подразумевать работу с текстами разных стилей и жанров. В связи с этим существуют классификации ошибок в устном и письменном переводе. Можно говорить о понятии и типологии ошибок в художественном или техническом тексте, можно строить классификацию лексических, либо грамматических ошибок в переводе (т.е. ошибок, связанных с переводом, например, фразеологизмов или каламбуров или видового значения глагола – т.е. по типу исходной единицы). Классификации ошибок могут быть ориентированы на оценку перевода, а могут предполагать анализ не столько результата перевода, сколько процесса перевода и отражать возможные причины появления ошибок.

В рамках настоящего доклада, мы попытаемся осветить существующие в науке представления о том, что называется ошибкой в переводе и представить наиболее значимые и практичные, на наш взгляд, классификации ошибок, применимые ко всем жанрово-стилистическим разновидностям текстов в любом виде перевода.

В научной и учебной литературе нам не удалось найти ни одного формального определения переводческой ошибки. Однако анализ существующих классификаций и рассуждений на этот счет позволяет выстроить следующую цепочку умозаключений, приводящих к освоению этого понятия.

Ошибка обычно определяется как неправильность, непреднамеренное отклонение от нормативного, стандартного, правильного, отступление от правил, нарушение требований. Следовательно, для того чтобы понять, что такое переводческая ошибка (ошибка в переводе) необходимо ответить на вопрос о том, что такое правильное в переводе, решение каких задач должен обеспечивать безошибочный перевод. Перевод в самом общем виде определяют как передачу содержания текста на одном языке средствами другого языка. Это определение сфокусировано на одном из основных требований к переводу – передавать содержание оригинала. Нарушение этого требования, бесспорно, воспринимается как ошибка. Поясним здесь, что под содержанием текста в переводческом смысле принято понимать совокупность

элементов семантики и структуры текста, фиксируемых получателем и участвующих в формировании смысла текста, который в свою очередь не сводится только к значениям, реализованным в тексте, но представляет собой глобальное целостное понимание текста, основанное в т.ч. на фоновых знаниях, представлениях о положении дел в реальном мире, знаниях предметной области о которой идет речь, знании ситуации общения. Большинство авторов, таким образом, понимают ошибку как необоснованное отступление от нормативного требования эквивалентности (т.е. содержательного соответствия перевода оригиналу – Швейцер), как меру несоответствия перевода оригиналу (Миньяр-Белоручев), меру дезинформирующего воздействия на читателя (Комиссаров).

«Содержательные», смысловые ошибки, о которых шла речь выше, делятся на два принципиальных вида – буквализмы и вольности. Определение этих давно устоявшихся в теории перевода понятий можно найти в любом терминологическом словаре, вся история переводческой мысли может рассматриваться как попытка найти способ балансирования между этими двумя крайностями в переводе.

Буквализм – ошибка переводчика, заключающаяся в передаче формальных или семантических компонентов слова, слова, словосочетания или фразы в ущерб смыслу или информации о структуре (Миньяр-Белоручев, 1999), передача коммуникативно нерелевантных элементов оригинала, что приводит к нарушению нормы и узуса ПЯ, либо оказывается искаженным действительное содержание оригинала (Комиссаров, 2002).

It is a good horse that never stumbles.

Это хорошая лошадь, которая никогда не спотыкается.

Вольность – передача ключевой информации без учета формальных и семантических компонентов исходного текста.

In the West cut diamonds outnumber cars

На Западе бриллиантов больше чем сотовых телефонов.

(Здесь и далее примеры из студенческих переводов статьи «Diamonds are forever», повествующей о том, как монопольное положение компании De Beers на рынке бриллиантов и ее удачная маркетинговая стратегия поддерживают высокий спрос и высокие цены на бриллианты в мире).

Выделение вольностей и буквализмов - наиболее традиционный и вместе с тем, узкий подход к пониманию переводческой ошибки. С одной стороны, он свидетельствует о нарушении только лишь одной из норм перевода – нормы эквивалентности, а с другой – практически непригоден для оценки качества перевода, не дает представления о степени дезинформирующего воздействия перевода.

В методических целях, для оценки качества перевода используется более широкое понятие переводческой ошибки. Оно основано не только на учете нарушений в передаче содержания ИТ, но и на учете ошибок, связанных с «адаптацией этого содержания к новым лингвоэтническим условиям». Другими словами, второй тип ошибок – это т.н. ошибки выражения, представляющие собой как вынужденные (спровоцированные оригиналом), так и невынужденные нарушения нормы и узуса ПЯ.

Во многих ВУЗах, занимающихся подготовкой переводчиков, используется следующая классификация ошибок, основанная на работах Л.К. Латышева:

Ошибки в трансляции исходного содержания - функционально не мотивированные отклонения от содержания оригинала, различающиеся по степени дезинформирующего воздействия

Искажения - субъективно обусловленное отклонение содержания перевода от оригинала, в результате которого возмущенный потенциал ПТ не соответствует возмущенному потенциалу ИТ (вводит в заблуждение получателя относительно предмета сообщения, вызывает неадекватные представления).

Invented by one of the richest companies in the world, Diamonds are Forever is a slogan which does not bear close examination.

Открыто одной из самых богатых компаний мира, "бриллианты навсегда" – девиз, который не нуждается в изучении.

Неточности – отклонения от содержания оригинала, характеризующиеся меньшей степенью дезинформирующего воздействия; немотивированное опущение или добавление информации, не искажающее полностью содержание оригинала, но требующее уточнения.

They are almost untradeable as a commodity. Their resale value is significantly lower than their original cost, and nowadays they can easily be substituted in all their industrial uses.

Они почти не используются как товар. Стоимость их перепродажи значительно ниже, чем их начальная стоимость и в наше время они могут быть легко заменены во всех промышленных областях.

Неясности - функционально-содержательный изъян перевода, затемняющий смысл высказывания, достаточно четко выраженный в исходном тексте, часто возникают из-за неудобоваримости синтаксических конструкций. Может быть связан с неудачным выбором слова или структуры фразы, либо обусловлен неадекватным использованием или неиспользованием переводческого приема.

In fact, without the tradition and romance which have always given diamonds their sentimental value, they would be almost worthless.

Т.е. без традиций и романтики, которые дали бриллиантам их основанную на чувствах стоимость, они могли бы почти ничего не стоить.

Ошибки в адаптации содержания и форм его выражения к новым лингвоэтническим условиям восприятия, их причина - неумение компенсировать расхождения ЛКК носителей ИЯ и ПЯ, т.н. языковые ошибки, ошибки в оформлении текста на ПЯ. Классифицируются по видам единиц языка и речи.

Лексическая ошибка — ошибка, связанная с неправильным использованием основного или контекстуального значения слова, а также нарушение норм сочетаемости слов в ПЯ.

World supply of diamonds has consistently outstripped demand, so logically diamonds should be cheap.

Мировые предложения бриллиантов значительно превышают спрос, в соответствии с этим бриллианты должны быть дешевы.

Грамматическая ошибка — нарушение грамматических (в т.ч. синтаксических) норм языка перевода, не приводящее к искажению смысла оригинала.

If the Prime-Minister's speech made few new points on Britain's economic plight, it was a skilful exercise in rhetoric

Если речь премьер-министра не содержала ничего нового о бедственном положении британской экономики, она все же была примером искусной риторики (Комиссаров).

Стилистическая ошибка – использование слова, конструкции или стилистического средства, не соответствующих по своим функционально-языковым свойствам той жанрово-стилистической разновидности текстов, к которой принадлежит перевод.

Diamonds are neither valuable nor rare.

Бриллианты не ценны и не раритетны.

Орфографическая ошибка — ошибка в правописании слов ПЯ.

Пунктуационная ошибка — несоблюдение правил пунктуации ПЯ.

Удачные переводческие решения повышают оценку перевода.

Причиной как переводческих, так и языковых ошибок могут стать буквализмы (чаще) и вольности.

Такая система (при условии оценки «стоимости» каждого вида ошибок относительно искажения) позволяет установить сколько и каких ошибок допускается в переводе текстов

определенного объема. На 2 тыс. знаков (1 машинописная страница) отлично – содержание и стиль переданы полностью, нормы ПЯ в основном соблюдены: допускаются незначительные языковые ошибки, общим «весом» 1,5 полной ошибки). Удовлетворительно: до 4-х полных ошибок, в т.ч. 2 смысловые.

Недостатком данной классификации нам видится отсутствие учета качества текста перевода именно как текста, его текстовой целостности, логичности, непротиворечивости. Не секрет, что зачастую переводы содержат ошибки, которые обнаруживаются и без обращения к оригиналу, но которые и не относятся к языковым ошибкам. Это логические ошибки. Часть ошибок этого типа могут быть соотнесены со смысловыми ошибками в предыдущей классификации, однако их выделение осуществляется иным способом. Классификация логических ошибок, предложенная Д.М. Бузаджи, МГЛУ, в переводе ценна для редакторов, работодателей, которые не имеют возможности оценить соответствие перевода оригиналу, а также для самих переводчиков, которые получают представление о механизме возникновения подобных ошибок и способах их профилактики.

Данная классификация основана на понимании того, что «осмысленный текст прошит логическими связями двух типов: с одной стороны, между частями текста как речевого произведения, а с другой, между элементами описываемой в тексте ситуации» (Бузаджи, 2007). Первый тип логичности называется понятийной логичностью, а второй – предметной логичностью. Б.Н. Головин так определяет эти типы: «Предметная логичность состоит в соответствии смысловых связей и отношений единиц языка в речи связям и отношениям предметов и явлений в реальной действительности. Логичность понятийная есть отражение структуры логичной мысли и логичного ее развития в семантических связях элементов языка в речи» (Цит. по Бузаджи, 2007).

1. Ошибки, нарушающие предметную логичность. Общей причиной нарушений предметной логичности является нежелание или неумение переводчика сопоставить смысл своего текста с описываемой в оригинале действительностью.

1.1. Общие логические нарушения - погрешности против фоновых знаний читателя о мире вообще;

At two hundred and forty-seven feet, its wing span is fifty-two feet longer than that of a seven forty-seven jumbo jet.

На высоте 75 м размах крыльев этого самолета на 16 м больше, чем у «Боинга 747» / При (величине в) 75 м размах крыльев этого самолета на 16 м метров больше, чем у «Боинга 747».

1.2. Специальные логические нарушения - погрешности против логики той предметной области, которая описывается в данном тексте;

The current is always switched at zero phase angle to prevent RFI. PULSER cannot control 3-phase loads, as one phase is regulated.

Во избежание радиопомех ток подается по нулевой фазе / Ток всегда переключается в нулевой фазе, что предотвращает появление электромагнитных помех.

1.3. Частные логические нарушения - нарушения логики в рамках того или иного отрезка текста.

Девушка описывает, как она, истекая кровью, приехала в больницу:

The people, the folks who let me go ahead of them in the emergency room. What the police insisted.

I mean, they gave me this hospital sheet with “Property of La Paloma Memorial Hospital” printed along the edge in indelible blue (Ch. Palahniuk. “Invisible Monsters”).

Люди, толпившиеся перед кабинетом оказания неотложной помощи, расступились, как по команде, и пропустили меня вперед. Полицейские вручили мне лист, на котором у

самого края сверху несмываемыми чернилами было написано: «Мемориальная больница Ла-Палома» (Ч. Паланик. «Невидимки». Пер. Ю. Волковой).

Когда переводчик сталкивается с тем, что то или иное место в оригинале ему не до конца понятно, он либо переводит дословно и на все претензии невозмутимо отвечает, что «там так написано», либо генерализирует или вовсе пропускает непонятную фразу, вместо того, чтобы попытаться восстановить смысл на основании логики контекста, описываемой ситуации и дать читателю полноценный перевод. Однако «восстановление смысла» – это не гадание на кофейной гуще, и все свои предположения, насколько бы верными они ни казались, переводчик должен перепроверять как лингвистическим, так и логическим анализом. В противном случае элементы ситуации оказываются связанными, но совсем не тем способом, как это было в оригинале и, чаще всего, более широкий контекст вступает в противоречие с «логично» выстроенным отрезком текста.

Ошибки второго вида – нарушения понятийной логичности – появляются тогда, когда автор перевода не задумывается, насколько выбранные им языковые средства подходят для решения данной переводческой задачи или насколько перевод логически непротиворечив в языковом плане.

Одно из самых типичных нарушений понятийной логичности в переводе – это искажение структуры актуального членения под влиянием порядка слов в исходном тексте.

(Статья «Vitamins and Good Sense», автор которой призывает не доверять выводам одного из исследований, показывая что оно было проведено непоследовательно).

Researchers from Copenhagen University Hospital set out to determine whether the antioxidant supplements lengthen one's life. That's difficult to answer, since most people taking vitamins are healthy. So the researchers identified antioxidant clinical trials large and small, as long as they reported at least one death. Any death counted, whether from heart disease or cancer, kidney failure or hip fractures, murders or suicides. Out of 747 antioxidant trials reviewed, 68 met the bill.

Исследователи копенгагенского университета намереваются выяснить, продлевает ли антиоксидант человеческую жизнь. Трудно ответить на этот вопрос, т.к. большинство людей принимающих витамины здоровы. Исследователи разделяют клинические испытания антиоксиданта как мелкие и крупномасштабные, т.к. пока зарегистрирована только одна смерть. Принимается во внимание любая смерть, либо это заболевание сердца или рак, болезнь почек или перелом ноги, убийство или суицид. Из 747 рассмотренных антиоксидантных проб, 68 прошли.

Многие нарушения понятийной логичности выражаются в неправильном или неудачном словоупотреблении. Переводчик не учитывает ближайшего окружения слова, в результате чего между вполне приемлемыми по форме и содержанию высказываниями или их частями подчас возникает конфликт.

Dillinger escaped by threatening his jailor with a pistol made of soap and shoe polish. His jailor was a woman. (K. Vonnegut. "Jailbird")

Диллинджер сбежал, угрожая охране пистолетом, который вылепил из мыла, покрасив гуталином. Охрану несла женщина. (К. Воннегут. «Рецидивист». Пер. А. Зверева. Изд-во «Вариант»)

Ошибка в том, что слово охрана употреблено в соседних предложениях в двух разных смыслах. Изменение содержания понятий в процессе доказательства – известная логическая ошибка. В нашем случае она приводит к тому, что в голове читателя проносится образ женщины, которая несет на себе охранников.

Типичные ошибки понятийной логичности связаны с неумением учитывать расхождения в синтаксических структурах двух языков:

- 1) Когда она вошла в класс, учительница увидела, что дети пишут.

2) He started back and fell against the railings, trembling as he looked up.

Взглянув наверх, он отпрянул и, весь дрожа, прислонился к ограде / Он отпрянул и прислонился к ограде, дрожа всем телом, после того, как взглянул наверх.

3) Ты единственная женщина, какую я когда-либо любил / До тебя я никогда никого не любил.

Во избежание подобных ошибок переводчику необходимо исходить из презумпции логической адекватности оригинального текста и его автора. Другими словами, при переводе важно помнить, что:

автор описывает определенный мир, выстроенный по не меняющимся на протяжении повествования законам (этот мир может как совпадать с реальной действительностью, так и быть вымышленным) и автор в достаточной мере владеет языком оригинала и принципами логического мышления, чтобы текст выражал его мысли с той мерой ясности и непротиворечивости, которую он сочтет нужной.

Таким образом, к собственно переводческим ошибкам, переводческим ошибкам в узком смысле, относятся ошибки, приводящие к несоответствию содержания перевода оригиналу. В широком смысле в понятие переводческая ошибка, помимо этого включаются ошибки, снижающие качество перевода как самостоятельного текста и нарушающие другие нормативные требования к переводу, не связанные с эквивалентностью. Это ошибки, представляющие собой нарушения нормы и узуса ПЯ, а также логические недостатки ПТ.

Традиционными видами переводческой ошибки являются буквализмы и вольности, их выделение ориентировано на определение причины неправильности перевода. Чаще всего используется классификация ошибок на смысловые (ошибки трансляции содержания ИТ, ошибки понимания и языковые. Смысловые ошибки делятся на искажения, неточности и неясности, а языковые – на ошибки лексического, грамматического, стилистического, орфографического и пунктуационного характера. Кроме того, текст перевода может быть охарактеризован в логическом плане, как содержащий или не содержащий логические ошибки предметного или понятийного типа.

Семинарское занятие 13 ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И КОМПЕТЕНЦИИ

Вопросы для обсуждения:

1. Какая совокупность критериев существует для оценки качества профессиональной деятельности переводчиков?
2. Дайте определение понятиям «переводческая компетентность» и «компетенция» (А.Б.Шевнина, Е.Р.Поршнева)
3. Какую иерархию имеют компетенции?
4. Что является объединяющим моментом практически всех понятий компетенции?
5. На каких компетенциях базируется коммуникативная компетенция?
6. Какие компоненты включает в себя социокультурная компетенция?
7. Владение какой компетенцией является одним из условий профессионализма переводчика?

8. Какие компоненты профессиональной переводческой компетенции выделяют В.Н.Комиссаров, Bell, Nord, Stanfield, Kiraly, Hurtado, Presas?

9. Какие составляющие профессиональной компетенции представлены в модели ПАКТ?

10. Какие уровни качества профессионального перевода выделяет Gouadec?

11. Каковы основные моменты, которые следует учитывать при разработке системы заданий и упражнений в целях формирования необходимых переводчику профессионально значимых компетенций?

Литература:

1. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). М., 1989. – 238 с.

2. Комиссаров В.Н. Общие принципы организации обучения переводу // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе: сб. научн. тр. МГЛУ. М., 1996. Вып. 423. С. 23 – 33.

3. Штанов А.В. Лингвострановедческая составляющая переводческой компетенции // Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения. Сборник статей. В 2 ч.: первый межвуз. семинар по лингвострановедению. Ч.1 – М.: МГИМО-Университет, 2004. – С.128 – 141.

4. Аксенова Е.Е. Обучение письменному переводу филологических текстов с английского языка на русский: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02. – М.: 2006. – 284 с.

5. Кондрашова Н.В. Обучение переводу студентов старших курсов факультета изобразительного искусства педагогического вуза: На материале немецкого языка: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02. – СПб, 2002. – 239 с.

6. Инютин Н.Г. Формирование информационно-технологической компетенции будущего «переводчика в сфере профессиональной коммуникации»: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08. – Н/Новгород, 2006. – 320 с.

7. Слепович В.С. Курс перевода (английский – русский). – Минск, 2006. – С. 4.

8. Виноградов В.С. Перевод: общие и лексические вопросы. – М: Университет, 2006. – С. 23.

Материалы и задания для самостоятельной работы:

1. Изучите и законспектируйте статьи:

1) Подольской И. А., Литвинова А. В. «О проблеме формирования переводческой компетенции у студентов нефилологического профиля обучения» www.nor-dipo.ru/node/271

2) Ремезовой Л. В. «К вопросу о профессиональной компетентности лингвиста-переводчика» www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/15/image/15-125.pdf

3) Бутусовой А. С. «Профессиональные компетенции устного переводчика» www.gramota.net/materials/1/2012/12-1/6.html (Источник: Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. №12(67): в 2-х ч. Ч.1. С.28-31)

4) Максютинной О. В. «Педагогическая оценка переводческой компетенции»

URL:<http://cyberlinka.ru/article/n/pedagogicheskaya-otsenka-perevodcheskoy-kompetensii> (Вестник Томского государственного педагогического университета, 2009, №10.)

2. Определите, есть ли различия в подходах авторов к вопросу о переводческих стратегиях и компетенциях.
3. Дайте свою оценку каждой из предложенных классификаций.

Подольская И. А., Литвинов А.В.
**О проблеме формирования переводческой компетенции у студентов
нефилологического профиля обучения**

Подготовка студентов различных профилей и направлений обучения по иностранному языку всегда пользовалась вниманием специалистов-методистов. В ходе реформы высшего образования и разработки государственных образовательных стандартов, изучения европейского опыта обучения языкам была разработана компетентностная модель билингвальной личности. Одной из компетенций, которые определены в качестве целей обучения иностранному языку в высшей школе, названа переводческая компетенция. Общей современной тенденцией обновления методических основ преподавания иностранного языка в современном вузе является введение многоаспектного и многопрофильного социокультурного (лингвострановедческого, социалингвистического, коммуникативно-прагматического, межкультурного) преподавания иностранного языка для специальных целей. Социокультурный компонент в содержании обучения иностранным языкам, а также задачи формирования межкультурной коммуникативной компетенции предполагают несколько иное понимание роли профессиональной иноязычной компетенции выпускника. Если раньше считалось достаточным умение читать и понимать специальную литературу, то сегодня от специалиста требуются умения постоянного поиска новой информации на иностранном языке, ее переработки, обмена информацией, содержащей специальные знания. Современная компетентностная модель профессионального пользователя иностранного языка включает не только знание иноязычной культуры страны изучаемого языка, но и умение сопоставлять ее политические, экономические, этические и языковые особенности.

Проблема обучения переводу студентов нефилологического профиля была поставлена в современных методических исследованиях не так давно. Можно отметить исследования Халеевой И.И. [1], Комиссарова В.Н. [2], Штанова А.В. [3], Аксеновой Е.Е. [4], Кондрашовой Н.Н. [5], Инютина Н.Г. [6]. В указанных работах затрагиваются различные аспекты изучения места обучения переводу студентов нефилологических специальностей. Так, в исследовании И.И. Халеевой говорится о важности переводческой компетенции и необходимости ее формирования на различных этапах обучения иностранному языку; в исследовании В.Н. Комиссарова определяется содержание и структура переводческой компетенции, в работах А.В. Штанова и Е.Е. Аксеновой рассматривается социалингвистическая и социокультурная составляющие в системе знаний и умений переводчика, а в диссертационных исследованиях Н.Н. Кондрашовой и Н.Г. Инютина исследуются различные вопросы формирования переводческой компетенции.

В.С. Слепович в работе «Курс перевода», пытаясь полно охарактеризовать умения переводчика, говорит, что для успешного выполнения поставленных перед ним задач переводчик должен обладать определенными знаниями и навыками: «1) иметь определенный запас слов иностранного языка (в том числе специальной терминологии в определенной области знаний); 2) знать грамматику иностранного языка, иначе слова останутся лишь «кирпичами», из которых не удастся ничего «построить»; 3) владеть техникой перевода и уметь эффективно пользоваться словарем (прежде чем открывать словарь, необходимо знать по формальным признакам, к какой части речи относится незнакомое слово; знать все особенности построения словаря); 4) иметь представление об области знания, к которой относится переводимый текст (а в идеале – хорошо ориентироваться в ней)» [7]. Однако, как

видим, автору удастся только очертить круг специальных вопросов, которые стоят перед специалистом лишь на этапе восприятия иноязычного текста. Проблема точного определения содержания и структуры переводческой компетенции как в отношении к профессионалу, так и в отношении к специалистам других областей знания, использующих иностранный язык в профессиональной коммуникации, так и остается нерешенной до настоящего времени.

Совершенно очевидно, что уровень владения иностранным языком, достижение которого является целью обучения не только в вузе, но и в полной общеобразовательной школе, предполагает овладение умениями перевода. Современные исследования представляют переводческую компетенцию как совокупность коммуникативной, языковой (лингвистической) и технической (технологической) компетенций. Последнюю из названных можно назвать собственно переводческой (в узком смысле этого термина). Структуру компетенции переводчика можно представить как комплекс умений и навыков, направленный на информативный анализ текста на одном языке и передачу извлеченной информации путем создания текста на другом языке. Содержание собственно переводческой компетенции многократно подвергалось анализу в различного рода исследованиях. Было выявлено, что в ее содержании, представленном как комплекс умений, обнаруживается множество составляющих, которые одновременно входят в другие формируемые на данном этапе компетенции. Учет этих межкомпетентных связей и параллелей может существенно оптимизировать работу преподавателя по обучению переводу студентов нефилологического профиля.

При изучении иностранного языка на гуманитарных факультетах нефилологических специальностей перед студентами и преподавателями ставятся вполне конкретные задачи овладения умениями и навыками речевого общения в пределах традиционных сфер коммуникативной деятельности, а также умениями поиска и чтения литературы по специальности, навыками речевого общения в рамках профессиональной деятельности, умениями реферирования и аннотирования литературы по специальности как на родном, так и на иностранном языке, умения выстраивать иноязычную коммуникацию в рамках профессионального дискурса, быть полноправным его участником. Поэтому важность формирования у студентов необходимой для будущей профессиональной деятельности переводческой компетенции, связанной с использованием иностранного языка, является очевидной. Постановка данной проблемы требует проведения специальных методических исследований, связанных не только с содержанием переводческой компетенции в отношении к непрофессиональным пользователям иностранного языка, но также и с исследованием потребностей будущих специалистов в определенных умениях, с межкомпетентными связями, которые, как правило, и лежат в основе формируемых переводческих умений и навыков.

Традиционное содержание практического курса перевода связывается с исследованием и изучением определенных теоретических сведений (о роли перевода в межкультурной коммуникации; о переводимости, эквивалентности и адекватности в переводе; о переводческих соответствиях и переводческих трансформациях, о видах перевода и т.д.) и приобретением собственно технологических умений, направленных, прежде всего, на овладение синонимическими средствами языка. Приводимый перечень знаний неразрывно связан с определенным комплексом умений, составляющих переводческую компетенцию.

Важнейшей составляющей переводческой компетенции и одновременно необходимым условием ее формирования является коммуникативная компетенция определенного уровня владения иностранным языком, позволяющего воспринимать и передавать когнитивную, эмоциональную и эстетическую информацию на родном и иностранном языке, а также и лингвистическая компетенция, связанная с умениями анализировать и интерпретировать единицы языка и речи. Переводческая компетенция также

довольно тесно связана с социолингвистической, социокультурной, дискурсивной и межкультурной компетенциями, которые в совокупности позволяют выстраивать стратегии и тактики перевода на каждом его этапе. Необходимо отметить, что, хотя переводческая компетенция существенным образом отличается от коммуникативной и представляет собой набор специфических умений и навыков, следует обратить внимание на ее определенную связь с коммуникативной компетенцией, и охарактеризовать данную связь как двустороннюю. Безусловно, уровень коммуникативной компетенции носит определяющий характер по отношению к компетенции переводческой, но и содержание последней существенным образом дополняет коммуникативную компетенцию, повышая ее уровень. Еще одной составляющей переводческой компетенции является умение определять тип, жанр, тематические и функционально-стилистические параметры текста. Названные умения лежат в основе дискурсивной компетенции, формирование которой применительно к письменному дискурсу относится к высшим уровням владения языком и проявляется также в способности адекватно передавать коммуникативно-функциональное содержание исходного материала равноценными средствами переводящего языка.

Таким образом, умения, лежащие в основе переводческой компетенции, составляют центральное звено и других формируемых в процессе преподавания иностранного языка в вузе компетенций, прежде всего коммуникативной и дискурсивной, что, несомненно, облегчает решение задач обучения переводу. Перечисленные умения могут быть использованы как определенный фундамент для постановки и решения конкретных задач, связанных с формированием переводческих умений студента-гуманитария.

Более конкретные умения, описывающие так называемую технику перевода, довольно разнообразны, их можно разделить на три группы в зависимости от этапа и вида переводческой деятельности:

умения, определяющие стратегию восприятия текста перевода;

умения, определяющие стратегию формирования образа текста перевода и стратегию воссоздания этого образа на языке перевода;

умения, связанные со способностями адекватного построения текста на языке перевода.

Перечисленные три группы умений также не являются изолированными, а непосредственно связаны с определенными группами умений и компетенций. Так, умения, определяющие стратегию восприятия текста перевода, неразрывно связаны с целым комплексом лингвистических, коммуникативных, социокультурных, социолингвистических и межкультурных знаний и умений. Процесс понимания иноязычного текста практически не описан ни в лингвистике, ни в психолингвистике, ни в методике обучения языкам. Это во многом объясняется тем, что до настоящего времени отсутствуют признанные модели восприятия текста на родном языке, хотя попытки построить такие модели постоянно рождаются не только в названных выше научных областях, но также и в литературоведении, современной теории дискурса. Отметим, что, описывая по-разному механизм восприятия текста, в основе которого лежит отождествление «внутреннего слова» (Л.С. Выготский), определение типа и значения глубинной конструкции (Н. Хомский), установления типа текста в целом, исследователи приходят к невозможности адекватного восприятия текста, объединяя воспринятые пропозиции в термине «образ текста», под которым следует понимать общий компонент содержания, доступный для восприятия носителям данного языка. «Для переводчика как рецептора очень важно достичь такого уровня знаний и эстетической восприимчивости, который позволял бы воспринимать весь объем объективно содержащегося в тексте смыслового и эмоционального содержания», – пишет В.С. Виноградов [8], отмечая особенности переводческого восприятия текста.

Разумеется, что сложности процесса восприятия и интерпретации текста во многом определяются его жанровыми особенностями, вследствие которых происходит наполнение его смысловой структуры за счет формирования подтекста, отсылок к другим текстам. Студенты, изучающие иностранный язык в высшем учебном заведении, должны уметь понимать и переводить тексты определенных жанровых форм, которые не отличаются высокой степенью интертекстуальности. Речь может идти о специальных научных и научно-популярных текстах, текстах СМИ и учебной литературе. Для понимания данных текстов, помимо необходимой речевой и языковой компетенций, достаточно довольно специфического комплекса навыков и умений, связанных с дискурсивными способностями в полной мере охватывать содержание текста, выделять главную мысль и коммуникативное намерение автора, сегментировать исходный текст с целью извлечения из каждого сегмента доминирующей информации для создания опорных смысловых пунктов перевода, а также специальных переводческих умений, связанных с профессиональным использованием словарей, справочников, банков данных, владением навыками работы на компьютере с текстовыми редакторами, электронными словарями, энциклопедиями и т.д.

При характеристике второй группы умений, определяющих стратегию формирования образа текста перевода и стратегию воссоздания этого образа на языке перевода, необходим более сложный комплекс знаний, умений и навыков, которые можно признать собственно переводческими. Среди них также нужно отметить и общие умения, входящие в состав других компетенций. К языковой компетенции студентов относятся умения производить сопоставительный анализ исходного и переводного текста, применять свои знания в области лингвистики к анализу конкретного материала, уметь оперативно разбираться в сложных элементах текста. Обучаемые должны научиться определять полное или частичное совпадение значений лексических единиц и, соответственно, полное или частичное расхождение этих значений, фиксировать отношения лексической безэквивалентности; определять сходство и различие в формальных средствах выражения темы и ремы в родном и иностранном языке; уметь интерпретировать значение порядка слов, ненормативной позиции главных членов предложения; определять способы компрессии и декомпрессии содержания высказывания; оценивать значимость тема-рематических цепочек в организации межфразовых единств; отождествлять различные типы предикации и производить их межъязыковое и внутриязыковое сопоставление. Знания специалиста в области лингвистики в определенной степени необходимы и переводчику, так как именно на их основе возможно детальное исследование лексико-грамматических, лексико-семантических, синтаксических аспектов перевода, овладение умениями межъязыковых сопоставлений. Умения второй группы в общем и целом относятся к этапу пофразового перевода, к этапу поиска и подбора эквивалентных средств языка и речи для передачи собственно информативных пропозиций, а также и оценочной эмотивной информации. К собственно переводческой компетенции студентов на данном этапе относятся умения владеть техникой перевода, то есть осуществлять на практике такие приемы переводческой работы, как членение и объединение предложений, использование грамматических замен, владение техникой транскрибирования и транслитерирования, калькирования морфологически сложных слов, перифразов и речевых клише. Студент должен обладать самостоятельностью для того, чтобы принимать решение об опущении определенных смыслов, добавлении имплицитных смыслов, о перестановке речевых единиц. Для подбора лексических соответствий обучаемому необходимо познакомиться с такими приемами передачи значений, как генерализация, конкретизация, модуляция, экспликация и компенсация смыслов.

Овладение комплексом технологических умений создает условия, необходимые для адекватной передачи содержания на языке перевода, но не является определяющим фактором в решении поставленной задачи, так как воспринятую информацию необходимо представить

не только как определенное содержание, соответствующее картине мира носителей языка перевода, но и оформить в соответствии с нормами того или иного дискурса, с жанрово-стилевыми ограничениями, которые представлены в языке перевода. Эти требования выражены в перечне умений третьей группы: умения, связанные со способностями адекватного построения текста на языке перевода. Следует сразу же оговориться, что данная группа умений должна обязательно рассматриваться в соответствии с уровнем владения обучаемых иностранным языком. Так, при достижении порогового уровня владения речь может идти о реферировании и переводе специальных текстов с иностранного языка на родной. В этом случае основная группа умений, на формирование которых должны быть направлены усилия преподавателя, может быть представлена как владение культурой родной (русской) речи в ее основных функционально-стилевых разновидностях. Отметим, что, несмотря на усиление внимания и введение в вузовские курсы специальных дисциплин, направленных на совершенствование подобных умений (курсы «Русский язык и культура речи», «Риторика»), грамотное выражение содержания на русском языке остается до настоящего времени весьма сложной проблемой, так как учащиеся испытывают огромные трудности, связанные не только с влиянием (интерференцией) текста на иностранном языке, которое, конечно, неоспоримо, но и с элементарным неумением выражать готовое содержание в соответствии с прагматическими нормами русскоязычного дискурса.

При формировании более высоких уровней владения иностранным языком, таких как послепороговый (*upper intermediate*) или совершенный (*advanced*), должны ставиться более сложные задачи перевода текстов родного (русского) языка на иностранный язык, их реферирования и аннотирования. Здесь перед обучаемыми встают более сложные задачи овладения дискурсивными нормами иностранного языка в сочетании с безусловным соблюдением норм литературного языка.

Не трудно заметить, что указанные нами умения относятся не только к технологической переводческой компетенции, но и к таким компетенциям, образующим содержание обучения переводу, как межкультурная, дискурсивная и социолингвистическая. При этом взаимодействие компетенций различно в различных группах умений. Так, на этапе восприятия и оценки содержания текста перевода наиболее важным представляется взаимодействие таких компетенций, как языковая, коммуникативная, дискурсивная. Значение собственно переводческой компетенции здесь невелико, так как процессы восприятия являются довольно универсальными. Переводческое восприятие, как было отмечено выше, отличается лишь высокой степенью рефлексии к самому процессу восприятия, а также оценкой лингвокультурной составляющей текста, если допустить одинаковый уровень владения иностранным языком специалиста и неспециалиста. На втором (технологическом) уровне происходит первичный перевод на уровне каждой отдельной пропозиции. Здесь существенным образом повышается значимость языковой (лингвистической) компетенции, на базе которой происходит формирование основ собственно переводческой компетенции. Однако данный уровень, является уровнем трансляции «смыслов», а не их «интерпретации» в форме фрагмента определенного дискурса, поэтому все остальные компетенции востребованы здесь в меньшей степени, чем на третьем уровне.

Третьему уровню переводческой деятельности, на котором осуществляется выстраивание текста перевода, одновременно должен отвечать требованию адекватности исходному тексту и требованиям норм и правил построения текста в языке перевода. В соответствии с этим на данном этапе максимально востребованы социолингвистическая, социокультурная, межкультурная и дискурсивная компетенции, содержание которых применительно к иностранному языку соответствует требованиям наиболее продвинутых уровней владения иностранным языком (*upper intermediate – advanced – professional*; В 2 – С 2). На основании этого необходимо установить определенную связь между уровнем владения

иностранном языке и степенью сформированности переводческой компетенции, то есть набором умений в области перевода. Если определенные умения, связанные с пословным и пофразовым переводом могут формироваться начиная с базового уровня владения иностранным языком, при условии усвоения специализированных лингвистических знаний и умений анализа и сопоставления единиц перевода, то задачи по переводу текстов определенных жанровых форм должны быть обязательно связаны с формируемым на данном этапе уровнем владения иностранным языком. Так, например, на послепороговом уровне – В 2, когда перед студентом стоит конкретная задача овладения определенными жанрами делового стиля, публицистического стиля, предполагающего оценочные высказывания монологического типа, жанром специализированного диалога (делового общения), нельзя требовать от студента адекватного перевода монологических текстов больших размеров и реферирования научной литературы на иностранном языке. Отметим, что именно такие задачи ставятся перед магистрантами и аспирантами, готовящимися к экзамену по иностранному языку. Нам могут возразить, что уровень учащихся данного этапа обучения должен быть выше, однако достижение поставленной цели возможно лишь тогда, когда каждый этап непрерывного обучения иностранному языку (школа – бакалавриат – магистратура – аспирантура) будет достигать поставленных целей, пока же этого, к сожалению, не наблюдается. Сказанное следует воспринимать не как призыв отказаться от работы, связанной с анализом и переводом специальной литературы, а как призыв не подменять понятия «анализ содержания текста по специальности» и «перевод текста по специальности», являющиеся различными и по содержанию и по объему понятиями.

Таким образом, структура и содержание переводческой компетенции во многом совпадают со структурой и содержанием таких компетенций, как лингвистическая, коммуникативная, социолингвистическая, социокультурная, дискурсивная, межкультурная, что создает предпосылки и условия для овладения умениями профессионального переводчика даже при занятиях иностранным языком с неспециалистами, в частности со студентами гуманитарных факультетов. Обучение студентов переводческой деятельности должно проводиться с учетом формируемого уровня владения иностранным языком. Это означает, что профессиональные умения переводчика связаны с определением стратегии построения текста перевода, выбором нужной жанровой формы, ее синтаксическим и семантическим наполнением, передачей всех заложенных в тексте смыслов и должны осуществляться на основе строгого соответствия с содержанием формируемых на данном этапе дискурсивной, социокультурной и межкультурной компетенций.

Л.В. Ремезова
К вопросу о профессиональной компетентности
лингвиста-переводчика

Современная российская система высшего образования характеризуется сменой приоритетов в постановке задач и переходом от традиционного знаниевого подхода к новому, компетентностному. В отличие от традиционного подхода, целью которого было усвоение определенного набора знаний, умений и навыков, компетентностный более практикоориентирован и нацелен на результат обучения. В учебную программу закладываются определенные планируемые цели (характеристики) – то, что студент будет знать и уметь «на выходе» – по окончании обучения.

Представления о профессиональных и личностных характеристиках специалиста позволяют задать требования к системе обучения (процессу реализации образовательной

программы, условиям обучения, обеспечивающим качественный результат), на их базе составить картину образования для конкретной специальности в целом.

Таким образом, еще до начала обучения необходимо выстроить так называемый профессиональный портрет выпускника, который будет состоять из набора компетентностей и компетенций, характерных для каждой конкретной специальности. В данной работе мы придерживаемся мнения И.А. Зимней, что «компетенции – это некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования: знания, представления, программы +УцяХыя(алгоритмы) действий, систем ценностей и отношений, которые затем выявляются в компетентностях человека» [1]. Поэтому не следует противопоставлять компетентности знаниям, умениям и навыкам, поскольку само понятие компетентности «включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую» [2. С. 13].

В него входят «результаты обучения (знания и умения), система ценностных ориентаций, привычки и др.» [Там же].

Целью исследования в данной статье являются профессиональный портрет лингвиста-переводчика и компетентности и компетенции, его составляющие. Согласно И.А. Зимней, можно выделить следующие компе-

тентности в портрете специалиста:

– ключевые – это те обобщенно представленные основные компетентности, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность человека в социуме;

– профессиональные и учебные компетентности формируются для проявления в этих видах деятельности человека;

– социальные (в узком смысле слова) компетентности, характеризующие взаимодействие человека с обществом, социумом, другими людьми [3. С. 11].

Ключевые и социальные компетентности являются достаточно общими и присущи выпускникам всех специальностей. Поэтому более подробно мы рассмотрим профессиональные компетентности лингвиста-переводчика. От уровня развития профессиональной компетентности в значительной степени зависит успех профильной деятельности переводчика. Следовательно, организация подготовки современного лингвиста-переводчика должна быть направлена на формирование этого вида компетентности, выступающей основой его профессионального развития и постоянного совершенствования.

В процессе формирования профессиональной компетентности переводчика происходит создание «своеобразной языковой личности» [4.С. 323], которая отличается от обычной наличием определенных компонентов. Эти компоненты суть: языковая компетенция, коммуникативная компетенция, текстообразующая компетенция, техническая компетенция, особые личностные характеристики и морально-этический компонент [4].

Языковая компетенция предполагает знание самого языка, его устройства и функционирования, языковых норм, в том числе орфографических и пунктуационных, а также способность использовать эти знания, чтобы понимать чужие мысли и выражать собственные в устной и письменной форме. Языковую компетенцию некоторые исследователи (например, А.И. Щукин [5]) называют также социолингвистической. Этим они подчеркивают умение переводчика выбрать необходимые лингвистическую форму и способ выражения мысли в зависимости от условий коммуникации (сферы, обстановки общения, коммуникативных целей и намерения коммуникантов).

Переводчик должен обладать языковой компетенцией сразу в двух языках – родном и иностранном. Для успешного осуществления вербальной коммуникации коммуникант должен владеть языковыми средствами, нормами и правилами языка, на котором он разговаривает. Переводчику, участвующему в билингвальной коммуникации, для понимания текста оригинала и создания текста перевода необходимо знание всех аспектов двух языков.

Поэтому уровень владения языковой компетенцией как в родном, так и в иностранном языках должен быть высоким. Кроме того, как пишет В.Н. Комиссаров, в отличие от носителей языка «характер и границы языковой компетенции переводчика в значительной степени навязываются извне» [4. С. 330]. Это означает, что обычный коммуникант пользуется тем набором языковых средств, которыми он владеет и которые он считает нужным употреблять в определенной ситуации общения.

Для переводчика же выбор языковых средств, цели и сфера коммуникации задаются самим текстом перевода, поэтому специалист должен обладать достаточно высоким уровнем языковой компетенции в обоих языках, чтобы преодолевать трудности при переводе. В связи с этим переводчик должен постоянно оттачивать свое мастерство, расширять и пополнять словарный запас, стремиться к узнаванию нового о языке.

Еще одной особенностью языковой компетенции переводчика является способность быстро перестраиваться с одного языка на другой, реагировать на смену стиля речи, типа лексики, переходить от речевосприятия к речевоспроизводству.

Очень важное место в профессиональной компетентности переводчика отводится коммуникативной компетенции. А.Н. Щукин определяет ее как способность средствами языка «осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках той или иной деятельности» [5. С. 140].

В научном мире нет единства мнений относительно составных частей в структуре коммуникативной компетенции, также считается, что она базируется на ряде других компетенций:

- языковой (ее как отдельную компетенцию в профессиональном портрете переводчика мы описали выше);
- речевой (означает знание способов формирования и формулирования мыслей с помощью языка, помогающих реализовать коммуникативное намерение);
- социокультурной (выделена в качестве самостоятельной компетенции в портрете специалиста и описана ниже);
- социальной (которая проявляется в желании и умении вступать в общение);
- стратегической (включает вербальные и невербальные стратегии, помогающие восполнить пробелы в знаниях переводчика при возникновении проблем рецептивного или продуктивного характера);
- дискурсивной (определим ее как способность соединять предложения в связное сообщение, дискурс, используя для этого различные синтаксические и лексические средства).

Кроме того, по мнению В.Н. Комиссарова, коммуникативную компетенцию переводчика составляет «способность человека к инференции – формированию правильных выводов из речевых высказываний о их полном содержании или “смысле” на основе фоновых знаний» [4. С. 326].

То есть переводчик должен обращать внимание на то, правильно ли рецепторы перевода его воспринимают ввиду владения разным объемом фоновых знаний. В случае необходимости переводчик может сообщить дополнительную фоновую информацию с целью облегчить понимание текста перевода.

В качестве одного из составляющих коммуникативной компетенции называют социокультурный компонент (иное название «фоновые знания»). Процесс изучения иноязычной культуры многогранен и состоит не только в овладении определенными знаниями, но и в формировании особых умений и навыков. Поэтому мы полагаем, что данный компонент стоит выделить как самостоятельную компетенцию в портрете лингвиста-переводчика – социокультурную. Социокультурная компетенция подразумевает знание «национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка:

их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры, а также способов пользования этими знаниями в процессе общения» [5. С. 140].

Социокультурная компетенция включает в себя следующие компоненты [6. С. 31]:

- лингвострановедческий (лексические единицы с национальнокультурной семантикой и умение их применять в ситуациях межкультурного общения);
- социолингвистический (языковые особенности социальных слоев, представителей разных поколений, полов, общественных групп, диалектов);
- социально-психологический (владение социо- и культурно обусловленными сценариями, национально-специфическими моделями поведения с использованием коммуникативной техники, принятой в данной культуре);
- культурологический (социокультурный, историко-культурный, этнокультурный фон).

Владение этим видом компетенции является обязательным требованием к лингвисту-переводчику, поскольку переводчик должен уметь истолковывать различные культурные системы и безбоязненно вступать в контакт с представителями иных культур, истолковывать специфические социальные вариации внутри одной иностранной культурной системы, справляться с конфликтными ситуациями при межкультурном взаимодействии.

Одним из условий профессионализма переводчика является владение текстообразующей компетенцией. По мнению В.Н. Комиссарова, это «умение создавать тексты различного типа в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией общения, обеспечивать надлежащую структуру текста, использовать языковые единицы текста по правилам построения речевых единиц в языке, оценивать место и соотношение отдельных частей текста и воспринимать текст как связанное речевое целое» [4. С. 327–328].

Наличие у переводчика текстообразующей компетенции предполагает развитую способность выбирать переводческую стратегию в отношении текста, определять тип исходного текста, тип реципиента перевода и цель переводческого акта, грамотно интерпретировать смысл сообщения, учитывая намерение отправителя, приблизить лексико-грамматическую структуру текста перевода к тексту оригинала, оценить место и соотношение отдельных частей текста, обеспечить когерентность, целостность текста и воспринимать текст как «единицу коммуникации» [4. С. 328].

Специальные (профессиональные) знания, умения и навыки, необходимые для эффективного выполнения своей деятельности, составляют техническую компетенцию переводчика. Отличаются они от других тем, что затрагивают область специальных знаний и умений, а не свойства личности и способности. Специалисту в области перевода следует иметь представление о сущности и задачах переводческой деятельности, основных положениях теории перевода, переводческой стратегией и приемами перевода. В.Н. Комиссаров считает, что «стратегия переводчика охватывает три группы общих принципов осуществления процесса перевода: некоторые исходные постулаты, выбор общего направления действий, которым переводчик будет руководствоваться при принятии конкретных решений, и выбор характера и последовательности действий в процессе перевода» [4. С. 333].

В основе общей стратегии лежит желание переводчика как можно точнее понять и донести до реципиента смысл исходного текста. Ему всегда стоит критически относиться к своим действиям. Даже если текст перевода представляется непонятным или лишенным смысла, следует прежде всего усомниться в недостаточности собственных знаний или опыта и стараться устранить пробелы. Для нахождения наилучшего варианта перевода переводчик прилагает максимум усилий, учитывает цели перевода, сроки выполнения, а также иные условия работы, например возможность использовать технические средства (диктофон, компьютер).

Стратегический подход подразумевает соблюдение некоторых правил: предшествование пониманию переводу; деление текста на последовательные отрезки (обычно равные одному-двум высказываниям); предварительное знакомство с предметом исходного текста (поиск дополнительной информации в энциклопедиях, словарях, статьях); прочтение оригинального текста целиком с целью ознакомления; составление списка незнакомых слов или специфических терминов; составление чернового варианта перевода и редактирование конечного варианта перевода.

Профессиональная компетентность переводчика включает не только отдельные виды компетенций, но и специальные умения. В.Н. Комиссаров относит к ним следующие [4. С. 335]:

1. Умение выполнять параллельные действия на двух языках, переключаться с одного языка на другой. Часто это умение формируется самостоятельно с развитием двуязычия, хотя некоторым специалистам приходится прилагать усилия для его развития – изучать приемы перевода, переводческие соответствия, осуществлять двуязычные действия в процессе перевода. Все это помогает довести данное умение до профессионального уровня.

2. Умение понимать текст по-переводчески. Иными словами, переводчик воспринимает текст отлично от простого носителя языка – более полно, обращая внимание на малейшие смысловые детали. Поэтому он должен обладать значительными языковыми и культурными знаниями и уметь находить наиболее точные соответствия в обоих языках. Например, при переводе многозначных слов или времен английского глагола, когда прямые соответствия в русском языке отсутствуют, необходимо искать дополнительные сведения в тексте оригинала.

3. Умение переходить в высказываниях на каждом из языков от поверхностной структуры к глубинной и обратно при выполнении параллельных действий на двух языках в процессе перевода. То есть в процессе перевода специалист должен отыскать скрытый смысл высказывания, найти его глубинную структуру при невозможности использовать аналогичную поверхностную структуру в языке перевода, а затем подыскать необходимую поверхностную структуру для выражения глубинной.

4. Умение «отходить, не удаляясь». Переводчик стремится оставаться как можно ближе к исходному смыслу, даже когда ему требуется отойти от оригинала, если применить прямое соответствие невозможно.

5. Умение выбирать и правильно использовать технические приемы перевода и преодолевать трудности, связанные с лексическими, фразеологическими, грамматическими и стилистическими особенностями исходного языка. Формированию такого умения способствует изучение этих приемов и трудностей перевода в рамках соответствующей частной теории перевода.

6. Основные переводческие умения сводятся воедино в умение анализировать текст оригинала, выявлять стандартные и нестандартные переводческие проблемы и выбирать способы их решения, наиболее соответствующие каждому конкретному акту перевода. Сюда же включается умение редактировать переводы (свои и чужие), находить и исправлять стилистические и семантические ошибки и погрешности, оценивать и доказательно критиковать предлагаемые варианты.

В профессиональную компетентность переводчика также включаются некоторые личностные характеристики, обеспечивающие успешное выполнение профессиональных функций. В процессе перевода переводчик должен уметь сосредотачиваться, мобилизовывать весь свой потенциал, ресурсы памяти, быстро переключать внимание, переходить от одного языка к другому, от одной культуры к другой.

В связи с тем что переводимые тексты имеют разнообразную тематику, относятся к различным областям знаний, специалисту следует быть высокообразованным, эрудированным, начитанным, с широким кругозором, обладать обширными знаниями. Более

того, профессиональный переводчик стремится к постоянному пополнению своих знаний, обогащению не только словарного запаса, но и поиску новой лингвистической информации, умело использует энциклопедии, справочники, Интернет и другие источники.

При формировании профессиональной компетентности переводчика происходит развитие особого типа личности, соответствующей морально-этическим особенностям этой профессии. Прежде всего, переводческая деятельность строится на доверии заказчика / рецептора исполнителю. Часто, не зная содержания исходного текста, заказчик полностью полагается на профессионализм и честность переводчика и объективность и соответствие результата оригиналу. Специалист несет полную ответственность за качество своей работы, он должен осознавать и помнить о рисках, которые могут сопровождать недобросовестно выполненное задание.

Поведению переводчика должны быть присущи тактичность, сдержанность, умение хранить тайну, поскольку, участвуя в особо важных переговорах или работая с засекреченными документами, личной перепиской и т.д., он может получить доступ к информации, которую нельзя разглашать.

Все вышеперечисленные компоненты профессиональной компетентности переводчика в той или иной степени присутствуют в профессиональном портрете специалиста в области перевода. Однако следует помнить, что набор профессиональных и личных качеств переводчика, необходимых для успешной работы в своем профиле, варьируется в зависимости от того, какими видами перевода он занимается.

Стоит отметить, что переводчику практически любого профиля обязательно требуются высокая работоспособность и хорошая физическая форма, а наличие у переводчика черт характера и нервно-психических качеств, соответствующих выбранному профилю переводческой деятельности, делает эту деятельность более успешной и вызывающей меньшее количество негативных эмоций и психологических перегрузок.

В то же время во всех видах и жанрах перевода, независимо от личных качеств, профпригодность переводчика определяется, прежде всего, наличием у него сформированной профессиональной компетентности, приобретаемой в процессе обучения переводу и затем закрепляемой в ходе практической переводческой деятельности. Уровень владения профессиональной компетентностью напрямую зависит от степени развитости умений и компетенций, ее составляющих. Некоторые умения могут стать автоматическими или полуавтоматическими и осуществляться переводчиком интуитивно, некоторые же требуют постоянной практики и закрепления.

Профессиональная компетентность является тем определяющим фактором, который отличает выпускника переводческой специальности от прочих. В связи с этим будет обоснованным выделение этой компетентности в качестве наиболее важного компонента профессионального портрета лингвиста-переводчика, поскольку именно высокий уровень профессиональной компетентности обеспечивает надлежащее качество выполняемой работы и, соответственно, степень успешности переводчика в профессиональной деятельности.

Базовые составляющие профессиональной компетентности (иначе базовые компетенции) должны закладываться на начальном этапе обучения, чтобы студенты имели представление о специфике своей будущей профессии и требованиях, предъявляемых к лингвистам-переводчикам на рынке труда. В процессе овладения специальностью «лингвист-переводчик» обучаемые должны развивать базовые компетенции, а также приобретать новые умения и способности, чтобы к окончанию обучения достичь такого уровня профессиональной компетентности, который позволит им стать успешными и конкурентоспособными специалистами в своей области.

Литература:

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос». 2006. 5 мая. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>
2. Стратегия модернизации содержания общего образования: Материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М. : Национальный фонд подготовки кадров, 2001.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС, 2002. 424 с.
5. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика : учеб. Пособие для преподавателей и студентов. М., 2004. 416 с.
6. Воробьев Г.А. Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2003. № 2. С. 30–35.

И.А. Авхачева

Профессиональная компетентность и базовые переводческие компетенции

Рассматривается соотношение понятий «компетентность» и «компетенция» с точки зрения оценки качества деятельности переводчика. Обсуждаются отдельные аспекты организации работы по обучению переводу и принципы, на которых базируется система упражнений по формированию переводческих компетенций. Перевод, компетенции, упражнения, формирование навыков и умений.

Для оценки качества профессиональной деятельности в любой сфере существует определенная совокупность критериев, которым эта деятельность должна удовлетворять. Применительно к оценке уровня квалификации отдельных категорий специалистов, в число которых входят и представители переводческой профессии, профессиональная компетентность подразумевает высокий уровень владения определенными (частными) компетенциями [9, с. 8].

Оба термина, получившие широкое распространение как в программных образовательных документах, так и в исследованиях лингводидактического направления (методика, переводоведение, психолингвистика и др.), часто употребляются не дифференцированно, как синонимы, что представляется не вполне оправданным. Вероятно, данное обстоятельство объясняется тем, что и тот, и другой термин восходит к одному английскому слову *competence* (или *competency*), и в англо-русских словарях оба фигурируют в рамках одной словарной статьи как два самостоятельных значения этих слов - двойников. Примечательно, что в значении компетенция данная лексическая единица выступает как юридический термин, синонимичный слову правомочность. Так, в словаре В.К. Мюллера [3] оба значения объединены под одним номером и даются через запятую с пометой (юр.). Помимо указанных значений этих слов в словарях приводятся и другие, а именно: а) способность, умение и б) недостаток, хорошее материальное положение.

Поскольку в настоящей статье термины компетенции и компетентность используются в разных значениях, представляется необходимым сделать уточнения относительно обозначаемых ими понятий.

Аргументы в пользу дифференцированного употребления обоих терминов находим в работах Е.Р. Поршневой [5] и А.Б. Шевнина [7], хотя полного совпадения в трактовке стоящих за ними понятий у этих авторов нет.

Так, по определению А.Б. Шевнина, переводческая компетентность есть не что иное как «общая совокупность знаний, действий-умений и операций-навыков, необходимых переводчику для успешного осуществления его профессиональной деятельности», тогда как компетенциями он называет «функциональные реализации» компетентности, обусловленные целями и задачами перевода, которые могут меняться в зависимости от конкретной ситуации.

При этом отмечается, что компетенции имеют уровневую иерархию, то есть «компетенции нижележащего уровня могут быть успешно реализованы не иначе, как с учетом компетенции «вышележащего уровня» [7, с. 61]. К последним А.Б. Шевнин относит языковую компетенцию, подразумевающую знание лексики, грамматики и стилистики как иностранного, так и родного языка; профессиональную компетенцию, что предполагает усвоение переводчиком теоретически обобщенного опыта, накопленного переводчиками-практиками и учеными-переводоведами; наконец, фоновую компетенцию, которую он связывает с уровнем образования и культуры переводчика, а так-же наличием у него тезаурусных знаний в различных ситуациях коммуникации.

Что же касается компетенций «нижележащего» уровня и особенностей их взаимодействия с «вышележащими», автор не приводит каких-либо пояснений по этому поводу. Однако, принимая во внимание то определение компетентности, которое дает А.Б. Шевнин, можно предположить, что речь идет о конкретных, доведенных до автоматизма действиях-умениях (например, использование стандартных речений в качестве обращения или приветствия, а также для выражения пожеланий, соболезнования, благодарности, поддержки, признания заслуг и т.п.) и столь же автоматизированных операциях-навыках (мгновенный стилистически оправданный выбор языковой единицы из имеющегося синонимического ряда). При этом адекватность языкового оформления предметного содержания может обеспечиваться не только за счет использования соответствующих лексико-грамматических средств, но и благодаря реализации в речи переводчика определенных просодических характеристик (интонация, ритм, логическое ударение), если речь идет об устном переводе.

В качестве аргумента приведем следующую цитату из совместной работы Л.К. Латышева и В.И. Провоторова: «Менее точный устный перевод, но выполненный без задержки, с уверенной хорошей интонацией, в известном смысле, функционально адекватнее, чем более точный перевод, но произнесенный неуверенным голосом с паузами и колебаниями в выборе эквивалентов» [2, с. 125–126]. По мнению этих авторов, которое полностью совпадает с точкой зрения Р. Вонг [10], умелое использование ритмико-интонационных возможностей языка при переводе позволяет не только выделить наиболее значимые и информативные части сообщений, но и компенсировать неудачную синтаксическую схему, избранную для реализации переводной версии, восполнив тем самым допущенные синтаксические «вольности» [2, с. 110].

В ситуациях письменного перевода в аналогичной функции может выступать порядок слов, который также несет дополнительную информационную нагрузку, по-иному расставляя акценты и привнося тем самым необходимые коннотации в транслируемое сообщение, результатом чего становится определенное воздействие текста-перевода на реципиента. Мысль о том, что именно языковая форма часто выступает как главный смыслообразующий элемент, и это обстоятельство нельзя не учитывать, когда речь заходит о качестве перевода, присутствует в работе Н.М. Нестеровой [4, с. 97] и ряда других авторов.

Изложенное позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, способность переводчика к лексико-синтаксической вариативности речи следует рассматривать как

универсальную профессионально значимую компетенцию, не зависящую от вида перевода, а ее формирование должно стать доминирующим принципом всей системы переводческих упражнений. Во-вторых, при формировании умений и навыков, необходимых для всех видов устного перевода, точкой приложения педагогических усилий должны стать не только лексико-грамматические средства языка и их стилистически адекватное употребление, но и просодические средства, которые часто оказываются на периферии обучения переводу.

Особенность позиции Е.Р. Поршневой по вопросу о переводческой компетентности и переводческих компетенциях состоит в том, что она рассматривает компетентность как некий оценочно-констатирующий срез деятельности переводчика, своеобразный индикатор переводческого мастерства, позволяющий судить о том, насколько у субъекта данного вида деятельности сформированы профессионально значимые компетенции, позволяющие ему успешно осуществлять переводческие функции [5, с. 74]. В число таких профессионально значимых компетенций Е.Р.Поршнева включает лингвистическую, коммуникативную, семантическую, интерпретативную, текстовую и межкультурную компетенции [5, с. 91–95]. Номенклатура предлагаемых ею переводческих компетенций имеет в своей основе обобщение мнений многих отечественных и зарубежных авторов, которые обращались к данной проблеме. Как показал анализ, в позициях отдельных авторов наблюдаются заметные различия, касающиеся как перечня необходимых переводчику компетенций, так и трактовки их сущностных характеристик. Однако объединяющим моментом практически всех определений понятия компетенция является наличие у переводчика способности/готовности к тому, чтобы: а) строить высказывание в соответствии с языковыми нормами (лингвистическая компетенция); б) соотносить языковые средства с задачами и условиями общения (коммуникативная компетенция); в) извлекать, запоминать и порождать смысловое содержание сообщения (семантическая компетенция); г) выявлять контекстуальные значения языковых средств и их трансформации (интерпретативная компетенция); д) различать тип, стиль и жанр текста, а также конструировать и воспроизводить текст соответственно заданной типологии (текстовая компетенция); е) декодировать и адекватно интерпретировать речевое и неречевое поведение представителей разных культур, принимая во внимание социокультурный контекст конкретной коммуникативной ситуации (межкультурная компетенция).

Несмотря на, казалось бы, очевидное несовпадение двух приведенных выше перечней переводческих компетенций, явных противоречий между ними не наблюдается. Например, тот факт, что наряду со знанием лексики и грамматики к сфере языковой компетенции А.Б. Шевнин относит и знание стилистики, можно трактовать как владение коммуникативной компетенцией по классификации Е.Р. Поршневой. Дело в том, что стилевые и/или стилистические особенности языкового оформления высказывания/текста детерминированы такими экстралингвистическими факторами, как предметное содержание, цели, ситуация общения, включающая в себя социальные роли ее участников, то есть условиями общения в широком смысле этого слова.

Немаловажен и тот факт, что одна из более поздних работ А.Б. Шевнина посвящена именно вопросу о жанрово-стилевой компетенции переводчика [8]. В ней автор говорит о том, что переводчик, приступая к переводу, «должен определиться по двум основополагающим параметрам – в каком речевом жанре выполнен текст и в каком функциональном стиле он функционирует», ибо эти два параметра определяют специфику текста, его оценочно-смысловые оттенки и формально-структурную организацию, причем именно информационная структура сообщения определяет его языковой стиль. Далее он отмечает, что «преимущественное использование определенных форм существования языка и определенных его функциональных типов» детерминировано сферой общения, а также

характерными для данной сферы видами деятельности и тематикой коммуникации [8, с. 124–125].

Нетрудно заметить, что такая трактовка жанрово-стилевой компетенции, по сути, перекликается с определением текстовой компетенции в классификации Е.Р. Поршневой.

Есть еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. Сравнивая перечень переводческих компетенций, выделяемых разными авторами, в том числе и теми, на работы которых ссылается в своем анализе Е.Р. Поршнева, нетрудно убедиться в том, что при всей кажущейся «автономности» этих компетенций они, как правило, существуют и проявляются в виде единого комплекса. Действительно, сложно представить, что переводчик преуспеет в адекватном оформлении этого содержания средствами языка перевода, не умея извлекать суть из исходного сообщения, грамотно обрабатывать полученную информацию, логично выстраивать и четко структурировать мыслимое содержание своей переводной версии. Поэтому, несмотря на то, что в дальнейшем изложении, обратившись к примерам конкретных упражнений и заданий, мы будем анализировать каждое с позиций формирования какой-то одной переводческой компетенции, практически любое из них рассчитано на решение целого комплекса задач, связанных с формированием у будущего специалиста профессионально необходимых умений и навыков.

Вопрос лишь в том, в какой степени отдельное задание или упражнение может способствовать развитию той или иной переводческой компетенции. Иными словами, формирование какой профессионально значимой способности у студентов будет иметь доминирующий характер при выполнении того или иного упражнения, и какие задачи в этом плане будут решаться параллельно.

Теоретически, сформировав у обучаемых профессионально значимые компетенции надлежащего уровня, можно было бы рассчитывать на обеспечение того качества их переводческой деятельности, которое мыслится как цель, достижимая при условии реализации всех тех требований к профессиональной подготовке специалиста, которые сформулированы в государственном стандарте и конкретизированы в учебных программах по устному и письменному переводу. Однако, как показывает практический опыт, в том числе опыт достаточно зрелых переводчиков-профессионалов, никто не застрахован от ошибок и профессиональных неудач, и, как справедливо замечает А.Б. Шевнин, ссылаясь на теорию надежности, безошибочной деятельности не бывает, поскольку правильное и ошибочное не существуют друг без друга, а посему непризнание ошибок является лженаучным [8, с. 60–61].

Из сказанного следует, что для методики обучения переводу, понимаемой как системное формирование необходимых переводческих компетенций, актуальной является задача выявления типологии наиболее распространенных ошибок на основе обобщения предыдущего опыта и сравнительного анализа имеющихся образцов перевода как удачных, так и явно дефектных. Тогда, располагая систематизированной информацией о типичных ошибках, встречающихся в переводческой практике, причинах и механизмах их возникновения, преподаватель может прогнозировать те трудности, которые, по его мнению, могут стать камнем преткновения в процессе выполнения перевода, и, соответственно, выстроить систему работы таким образом, чтобы по возможности эти ошибки предотвратить или хотя бы минимизировать.

Отправной точкой профессиональной подготовки переводчиков в плане обучения технологиям перевода, по мнению ряда авторитетных специалистов, должно стать привитие умений, «связанных с проблематикой нормы, узуса и смысловой структуры текста в переводе», поскольку отсутствие умения подбирать адекватные средства выражения для воспроизведения содержания может привести «к закреплению привычки к семантически точному, но к буквалистскому или просто небрежному в языковом отношении переводу» [2, с.

30]. Далее этими авторами делается еще одно очень существенное замечание: «Текст оказывает воздействие на своих адресатов не только содержанием, но и подбором средств языкового выражения» [2, с. 30].

Несложно заметить, что в данном случае подчеркивается приоритетное значение того комплекса необходимых переводчику знаний, умений и навыков, которые сопряжены, в первую очередь, с лингвистической и, шире, коммуникативной компетенцией. Однако, говоря о значимости адекватного языкового оформления содержания при переводе, эти авторы не уточняют, что в качестве языка перевода может выступать как родной язык обучаемых, так и иностранный. И если трудности языкового оформления при переводе на иностранный язык считаются само собой разумеющимся фактом (за исключением тех случаев, когда в роли переводчика выступает билингв), то многие склонны считать, что при переводе с иностранного языка едва ли не единственной проблемой для переводчика остается понимание содержания транслируемого сообщения или текста, и эта проблема (с точки зрения восприятия) также коренится в недостаточно сформированных иноязычных автоматизмах.

Между тем преподаватели практики перевода чаще всего в числе прочих претензий, предъявляемых к студентам-третьекурсникам, которые вплотную приступают к овладению профессиональными умениями, отмечают их недостаточное знание базовой практической грамматики и ограниченность словарного запаса не только изучаемого, но и родного языка. Вследствие этого студенты оказываются неспособными извлекать и логично передавать смысловое содержание текста по-русски. Поэтому будущим переводчикам необходимо избавиться от заблуждения о «совершенном владении» родным языком.

Более того, по мнению большинства профессиональных переводчиков, необходимо начинать подготовку специалистов, готовящих себя к этой профессии, «с активного преподавания русского языка в форме речевого тренинга и продолжать его до конца обучения» [5, с. 96–97]. Добавим, что именно с активизации и совершенствования навыков владения родным языком начинается подготовка переводчиков практически во всех европейских школах перевода (см. указанную работу Е.Р. Поршневой). Как представляется, работа в данном направлении (и обязательно с учетом профессиональной направленности обучения интересующей нас категории студентов) должна быть инициирована преподавателями таких дисциплин, как «Практический курс русского языка» и «Практическая стилистика».

Помимо упражнений по консолидации навыков орфографии, пунктуации, предложного, падежного управления и правильного словоупотребления в рамках этих дисциплин должна вестись систематическая работа по формированию умений в извлечении, обработке и интерпретации содержания из текстов и устных сообщений по самой разнообразной тематике и самой разнообразной функционально-стилистической принадлежности. Передача присвоенной информации в письменном виде и устном (с записью высказываний отдельных студентов на диктофон), сопровождаемая сравнительным анализом этих речевых произведений с точки зрения сохранения существенной информации или отдельных деталей и использованных для этого языковых средств – вот в самом общем виде та схема работы, которая поможет заложить основы профессионально значимых компетенций (лингвистической, интерпретативной, семантической).

В качестве учебного материала могут (и должны!) фигурировать не только тексты из учебников и пособий, но и материалы прессы, научнопопулярные публикации, отрывки из учебной литературы по другим дисциплинам, инструкции, а также записи телевизионных передач, например, новостные программы, интервью, репортажи. Помимо формирования культуры мышления и культуры речи на родном языке обращение к различным источникам информации, тематическое разнообразие информации и активная ее переработка, несомненно,

будут способствовать развитию так называемой фоновой компетенции, поскольку она напрямую связана с общим кругозором и эрудицией.

Не стоит забывать и о таком дидактически значимом феномене, как положительный перенос. Как известно, существуют навыки-универсалии, которые, будучи сформированными на родном языке, имеют тенденцию к переносу при изучении языка иностранного. Данный факт был исследован, и механизм переноса описан С.К. Фоломкиной в ее фундаментальной работе, посвященной обучению чтению на иностранном языке [6]. Поэтому есть все основания полагать, что те составляющие переводческих компетенций, которые носят внеязыковой характер и соотносятся с некоторой суммой теоретических знаний и мыслительных операций, смогут послужить базой для дальнейшего формирования профессионально значимых компетенций и их закрепления в процессе обучения собственно переводу. Чтобы конкретизировать приведенные выше положения и придать им наглядность, рассмотрим дидактический потенциал отдельного, особым образом выстроенного цикла заданий и упражнений.

Традиционно любой практический курс предваряется сообщением некоторой суммы теоретических сведений. Мы же предлагаем пойти иным путем и начинать первые занятия по практике устного перевода с практического задания, используя учебные материалы, составленные на родном языке.

Студентам раздаются карточки с отдельными предложениями на родном языке, и ставится задача перефразировать информацию, в них содержащуюся, используя самые различные варианты языкового оформления мысли. При этом разрешается формулировать вместо одного исходного предложения два и более, но ставится условие: полностью сохранить информацию и соблюдать языковые нормы и нормы узуса, свойственные русскому языку.

Следующий этап работы заключается в анализе предложенных вариантов, который проводится самими студентами, для чего они обмениваются между собой карточками с заданиями. В заключение каждый студент выступает с кратким резюме, оценивая качество вариантов, предложенных его сокурсниками, как с точки зрения сохранения предметно-смыслового содержания исходного предложения, так и с точки зрения выбранных для этого способов языкового оформления заданной мысли. Данный микроцикл работы с учебными материалами завершается принятием коллективного решения о наиболее удачных вариантах перифраза.

Алгоритм второго этапа работы над языковым оформлением некоторого содержания идентичен первому. Разница лишь в том, что вместо исходного предложения на русском языке студентам дается предложение на иностранном языке, которое нужно перевести на родной, воспользовавшись для этого разными вариантами формулирования исходной мысли. Элемент усложнения задания заключается в том, что для переводчика извлечение мысли, «закодированной» средствами неродного языка, сопряжено с большими трудностями, чем проникновение в суть написанного (или произнесенного) на его родном языке. Поэтому при выполнении предыдущей серии заданий мыслительные усилия обучаемых были сосредоточены главным образом на уяснении и присвоении предметной информации, а восприятие информации о грамматических значениях морфологических форм (падежные окончания, характер подчинительной связи и т.д.) носило фоновый характер. В случае же перевода с иностранного языка внимание, восприятие и мыслительные действия распределяются между декодированием иноязычной формы и последующим осмыслением информации, извлеченной в результате операций по декодированию.

Наконец, на последнем этапе этой серии упражнений в качестве отправной точки учебных действий студентов выступает задание: перевести предложения с русского языка на иностранный, также используя при этом вариативный потенциал вербальных средств и

способов выражения, но уже тех, которыми располагает неродной для переводчика язык. Если предложение слишком длинное и отличается сложной смысловой структурой, можно, в качестве промежуточного решения, предложить разбить его на ряд более простых и коротких предложений, для которых легче найти эквивалентные замены и которые не требуют многоходовых трансформаций. Успешно решив эту задачу, можно попытаться объединить более простые предложения с прозрачной смысловой структурой в более сложные, осуществляя так называемое «смысловое комплексирование мысли» (термин И.А. Зимней). При этом необходимо подвести студентов к выводу о том, что такого рода редактирование призвано обеспечить соответствие переводной версии оригиналу не только в плане параллелизма их внутренних денотативных структур, но и в плане структур внешних, в частности, тех, которые придают переводу стилистическое своеобразие за счет использования идиоматичных, то есть свойственных носителям языка перевода средств и способов языкового выражения.

Организованный подобным образом микроцикл упражнений имеет целью формирование у студентов способности вычленять из написанного или произнесенного речевого отрезка его смысловую структуру во всем многообразии связей и отношений, существующих между составляющими предложение словами, и передавать это содержание другими адекватными языковыми средствами, сохраняя неизменными такие параметры, как полнота и точность заложенной в оригинале информации. Другими словами, речь идет о параллельном формировании у будущих переводчиков коммуникативной и семантической компетенций, если исходить из той классификации, которую предлагает Е.Р. Поршнева. Попутно осуществляется своеобразный тренинг навыков активного использования родного языка, что, как было сказано выше, также является актуальным для ремесла переводчика.

Если несколько модифицировать задание и попросить студентов, перефразируя предложения на родном языке (или осуществляя перевод), изменить регистр, как если бы они ориентировались на нормы различных функциональных стилей и/или условий общения, то акцент при выполнении задания будет перенесен на формирование так называемого «чувства стиля», наличие которого является обязательным условием текстовой компетенции и, в известной мере, компетенции коммуникативной. С другой стороны, таким образом формируются основы переводческой компетенции, которую А.Б. Шевнин определяет как жанрово-стилевую.

Описанный цикл заданий и упражнений может быть использован в целях формирования переводческих компетенций и при обучении устному переводу, и в практическом курсе письменного перевода. Однако в первом случае более целесообразным представляется предъявление учебных материалов на слух.

Следующим шагом должно стать повторение описанного выше алгоритма учебных действий на речевом материале, соотносимом с абзацем или сверхфразовым единством и далее на материале законченного речевого произведения.

Задания и упражнения, построенные на учебном материале данного формата, позволяют обеспечить целенаправленное формирование переводческих компетенций, определяемых как фоновая (А.Б. Шевнин) и интерпретативная (Е.Р. Поршнева). Дело в том, что простого знания переводческих соответствий без выработки автоматизмов их употребления сообразно контексту недостаточно. По справедливому замечанию авторов одной из работ, посвященных подготовке переводчиков в вузе, «внеконтекстное» заучивание речевых переводческих соответствий чревато опасностью их восприятия обучаемыми как универсальных межъязыковых соответствий, следствием чего является «некорректный перенос соответствий из одного контекста в другой» [2, с. 106].

Кроме того, функционально-стилистические и жанровые особенности речевых произведений выявляются только при восприятии их фрагментов, соотносимых, как

минимум, с абзацем текста или сверхфразовым единством. Поэтому вряд ли можно рассчитывать на формирование у студентов текстовой или жанрово-стилевой компетенции без системы заданий и упражнений, выстроенной на основе связного текста. Наконец, межкультурная компетенция, которая заключается в способности переводчика мобилизовать систему знаний и умений для декодирования и интерпретации смысла речевого и неречевого поведения представителей разных культур и использовать языковые варианты и дискурсивные стратегии, отличные от тех, которыми он пользуется при общении с представителями своей культуры, также предполагает сопоставительно-типологический анализ законченных речевых произведений. По мнению В.Г. Гака, систематическое сопоставление родного и иностранного языка в структурном и функциональном аспектах, а также в плане организации высказывания становится профессионально необходимым при обучении переводчиков [1].

Суммируя изложенное, обозначим основные моменты, которые должны быть учтены при разработке системы заданий и упражнений в целях формирования необходимых переводчику профессионально значимых компетенций:

– наряду с формированием и совершенствованием иноязычных речевых умений должна проводиться систематическая, специальным образом организованная работа по развитию и консолидации речевых умений на родном языке;

– отправным пунктом в формировании ряда переводческих компетенций (семантической, интерпретативной, текстовой) должны стать упражнения, построенные на материале родного языка с последующим использованием в практике преподавания аутентичных материалов на иностранном языке;

– важной составляющей лингвистической компетенции при обучении устному переводу является адекватное употребление переводчиком просодических средств языка;

– контекстуализация лексико-грамматических переводческих соответствий и развитие «чувства стиля» в широком смысле слова предполагают использование законченных речевых произведений в качестве материала для упражнений;

– предметно-тематическое, функционально-стилистическое и жанровое разнообразие учебных материалов выступает как обязательное условие формирования фоновой компетенции.

В заключение отметим, что успешная реализация перечисленных принципов возможна лишь при условии обеспечения междисциплинарных связей в учебном процессе, и в первую очередь это касается дисциплин языкового цикла.

Литература:

1. Гак В.Г. Сопоставительная прагматика // Филологические науки. – 1992. – № 3. – С. 17–21.

2. Латышев Л.К., Провоторов В.И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. – М.: НВИ-Тезаурус, 2001.

3. Англо-русский словарь / сост. В.К. Мюллер. – М.: Русский язык, 1989.

4. Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм / Перм. гос. техн. ун-т – Пермь, 2005.

5. Поршнева Е.Р. Базовая лингвистическая подготовка переводчика. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Добролюбова, 2002.

6. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: учеб.-метод. пособие. – М.: Высшая школа, 1987.

7. Шевнин А.Б Категория качества перевода и эрратология // Проблемы перевода и межкультурной коммуникации: науч.-метод. вестник – Вып.2. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2006. – С. 60–63.

8. Шевнин А.Б. Жанрово-стилевая компетенция переводчика // Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятий: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. – Пермь, 2008. – С. 124–133.

9. Linard M. Des machines et des Hommes: apprendre avec les nouvelles technologies, reedition augmentee d'une postface. – Paris: L'Harmattan, 1996.

10. Wong R. Pronunciation Myths and Facts // Forum. – 1993. – Vol. 31, № 4. – P. 45–46.

Анжелика С. Б.

Профессиональные компетенции устного переводчика

Современная парадигма высшего профессионального образования предусматривает высокие требования, предъявляемые к качеству образовательных программ и организации учебного процесса. Логическим выражением этих требований являются общекультурные и профессиональные компетенции обучающихся. Под компетенцией понимаются знания, умения и навыки, которыми должен обладать выпускник. Содержательная характеристика основных образовательных программ определяется запланированными и ожидаемыми компетенциями - результатом подготовки выпускников в соответствии с требованиями Госстандарта. ФГОС ВПО в базовой части определяет содержание ООП в соответствии с обозначенными компетенциями, однако в формировании вариативной части ООП каждому вузу представляется свобода выбора содержания.

Компетенции включают теоретические знания научной области, практический опыт применения знаний в конкретных профессиональных ситуациях, ценностные ориентиры личности.

Различают общекультурные и профессиональные компетенции. Предметом нашего исследования служат профессиональные компетенции устного переводчика. Под профессиональной переводческой компетенцией обычно понимается совокупность знаний, способностей, навыков, позволяющая переводчику профессионально решать свои задачи. Вопрос о видах компетентностей/компетенций, формируемых в процессе обучения, остается открытым. Так, в частности, в работах Л. К. Латышева и В. И. Провоторова [4] речь идет о базовых и специфических переводческих компетенциях. Базовые компетенции переводчика предполагают:

- теоретические знания (основных понятий переводоведения и специфики данных понятий в процессе перевода текстов по специальности) и умение их использовать в процессе выполнения перевода;

- профессиональные знания (о структуре профессиональной деятельности переводчика, о профессиональной среде, в которой протекает данная деятельность) и умение их использовать в процессе выполнения перевода;

- процедурные знания (последовательность и оптимальные способы решения профессиональных задач, которые стоят перед переводчиком текстов по специальности) и умение их использовать в процессе выполнения перевода.

К базовым компетенциям переводчика мы относим лингвистическую, прагматическую, социолингвистическую, социальную, дискурсивную и стратегическую компетенции. Лингвистическая компетенция переводчика включает:

- владение данной компетенцией в сопоставительном плане, т.е. знание соотношения языка оригинала и языка перевода, сходства и расхождения на уровнях их языковых систем, языковых норм, речевых (узуальных) норм;

- знание специфики иностранного и русского языка специальности;
- умение оперировать отобранным лексическим минимумом в соответствии с грамматической и синтаксической структурой языка специальности;
- знание способов терминологического образования в ИЯ (иностранное слово) и ПЯ (профессиональное слово);
- владение в сопоставительном плане общенаучной лексикой и узкоспециальной лексикой, представляющей соответствующую сферу профессиональной деятельности, на ИЯ и ПЯ;
- умение находить в русском языке эквиваленты терминам ИЯ или создавать новые термины, пользуясь соответствующей справочной литературой;
- умение самостоятельно пополнять свои языковые знания, особенно в сопоставительном плане.

Прагматическая компетенция переводчика означает:

- умение извлекать информацию об отправителе ИТ (исходный текст) из текста высказывания и ситуации перевода;
- знание лингвистических и структурных особенностей текста по специальности, позволяющих определить коммуникативные намерения (интенции) автора высказывания;
- умение соотносить объем знаний и представлений у отправителя ИТ и у получателя ПТ (переводной текст);
- знание целей и интересов получателя ПТ;
- умение учитывать психическое состояние, цели и интересы получателя ПТ при выборе стратегии и переводе текста по специальности;
- умение передать в ПТ коммуникативное намерение автора с учетом ситуации перевода и характеристик получателя;
- умение определить степень адаптации текста, чтобы интенция автора была адекватно понята предполагаемым получателем ПТ.

Социолингвистическая компетенция переводчика сводится к:

- знанию социолингвистических особенностей общения представителей профессиональной научнотехнической сферы в стране изучаемого языка;
- знанию специфики представления научной и технической информации в специальном иноязычном дискурсе;
- умению привлекать к сопоставительному анализу знание социолингвистических особенностей специального дискурса в России;
- умению сопоставлять и анализировать социолингвистическую специфику иноязычного и русского специального дискурса с целью последующей передачи ее на ПЯ;
- умению передавать в ПТ смысл высказывания и интенцию автора, не нарушая модели речевого поведения, принятого в научно-технической сфере общения в России;
- умению понимать и передавать лексику с национально-культурным компонентом - безэквивалентную и фоновую лексику, реалии - с учетом социокультурных знаний получателя ПТ.

Дискурсивная компетенция переводчика означает:

- знание основных жанров специального дискурса, типичных для деятельности переводчика, знание достигаемой в ходе их реализации коммуникативной цели, закономерностей и особенностей их построения как в иностранном, так и в русском языке;
- умение сопоставлять данные характеристики с характеристиками жанров русского специального дискурса для их адекватной передачи на ПЯ;
- умение выбирать соответствующий жанр специального дискурса при переводе на русский язык с учетом замысла автора и определенной коммуникативной ситуации;

- умение выстраивать логическую последовательность изложения мыслей отправителя высказывания в ПТ;

- соблюдение в процессе порождения текста на ПЯ норм речевого и неречевого поведения, принятых в России в научно-технической сфере общения.

Социокультурная компетенция переводчика заключается в:

- знании специфики функционирования социального института науки и техники в стране изучаемого

- знании специфики функционирования социального института науки и техники в стране изучаемого языка и в России и умения сопоставлять эти знания при анализе и переводе специального дискурса;

- знании правил, традиций и норм общения в определенной профессиональной сфере (специализированной культуры) в стране изучаемого языка и в России и умения сопоставлять эти знания при анализе и переводе специального дискурса;

- умения определять степень необходимой социокультурной адаптации специального дискурса при переводе.

Стратегическая компетенция переводчика предполагает:

- знание факторов (прагматических, лингвистических, социокультурных, дискурсивных, ситуативных), детерминирующих перевод, и степени их влияния на выбор стратегии перевода текстов по специальности;

- умение привлекать максимальное количество определяющих перевод факторов и отбирать те из них, которые следует учитывать при выработке стратегии перевода текстов по специальности в определенной коммуникативной ситуации;

- умение вырабатывать последовательность переводческих действий на основании определяющих факторов;

- умение обосновывать используемую стратегию перевода.

Технологическая компетенция переводчика предусматривает:

- знание приемов преодоления различий между системами, языковыми и речевыми нормами языка специальности в России и в стране изучаемого языка и адекватное их использование при переводе;

- знание приемов преодоления различий между прагматическим потенциалом отправителя ИТ и получателя ПТ как представителей определенной профессиональной сферы общения и умение их использовать при передаче смысла и интенции автора в ПТ;

- знание приемов преодоления различий между предметным потенциалом отправителя и получателя и умение их использовать в ПТ;

- знание приемов преодоления различий между жанровыми разновидностями иноязычного и русского специального дискурса и умение использовать их в ПТ в соответствии с нормами представления информации в русском специальном дискурсе;

- знание приемов преодоления различий между профессиональными картинками мира и социокультурными потенциалами отправителя ИТ и получателя ПТ и умение их использовать в ПТ;

- знание внешних ресурсов (средств), которые возможно использовать в процессе перевода текстов по специальности, и умение использовать их в профессиональной деятельности.

Социальная компетенция переводчика это:

- знание организаций, профсоюзов, объединяющих переводчиков научно-технических текстов;

- знание норм общения в профессиональной среде (на предприятии/фирме, с коллегами-переводчиками, представителями организационных служб и т.д.);

- знание организаций, фирм, предприятий, сайтов в Интернете, на которые следует обращаться при поиске работы переводчика текстов по специальности;
- умение предлагать свои услуги на рынке труда;
- способность правильно оценивать свои профессиональные умения и знания (профессиональную компетентность);
- умение заключать договор об оплате труда;
- умение получать от работодателя необходимую для перевода информацию;
- умение сотрудничать со специалистами, экспертами в соответствующей области знаний, с коллегами на фирме/предприятии;
- умение сотрудничать с коллегами-переводчиками.

Помимо базовых, профессиональная подготовка переводчика предусматривает формирование и развитие предметных компетенций. Предметная компетенция переводчика включает в себя:

- академические знания в области науки и техники и умение их использовать в процессе выполнения перевода текстов по специальности;
- знание истории зарождения и развития науки и техники в стране изучаемого языка и в России;
- умение сопоставлять эти знания при анализе и переводе текста по специальности;
- знание особенностей представления научных и технических понятий в стране изучаемого языка и в России;
- умение анализировать и сопоставлять эти особенности с целью их адекватной передачи в ПТ;
- знания об известных ученых в области науки и техники, об основных направлениях развития науки и техники в стране изучаемого языка и в России;
- умение сопоставлять эти знания при анализе и переводе текста по специальности;
- умение сопоставлять предметные знания отправителя и получателя и учитывать их при переводе
- умение сопоставлять предметные знания отправителя и получателя и учитывать их при переводе.

Что касается зарубежных исследователей, Ж. Делиль [Цит. по: 1] указывает, что большинство представителей переводческой школы Канады и Франции разделяют следующие виды компетенций профессионального переводчика, а именно: лингвистическая, переводческая, методологическая, тематическая, техническая. В. Н. Комиссаров [3] пишет о четырех компетенциях: языковой, коммуникативной, текстообразующей, технической, а также о личностных характеристиках как составляющей профессиональной компетенции переводчика.

Для осуществления устного последовательного перевода профессиональная компетенция переводчика (набор знаний, навыков и умений) должна включать такие компоненты [1]:

- языковая компетенция (знание языка источника и перевода);
- коммуникативная компетенция;
- переводческая компетенция (навыки перевода);
- техническая компетенция (умение работать с информацией);
- личностные характеристики (развитие памяти).

При этом первые три компонента свойственны всем видам перевода, а последние два - специфичны для устного последовательного перевода.

Языковая коммуникативная компетенция может быть определена как комплекс лингвистических, социолингвистических и прагматических компетенций,

взаимодействующий с элементами общей компетенции индивида и дающий возможность индивиду эффективно осуществлять задачи речевой деятельности.

Однако следует отметить, что разграничение языковой и коммуникативной компетенций в известной степени носит довольно условный характер, так как языковая компетенция - это не только знание системных закономерностей функционирования языковых единиц, но и владение языковым материалом на уровне речевого навыка, т.е. способность правильно построить высказывание, выражающее определенное содержание.

В связи с этим в рамках языковой (лингвистической) компетенции иногда выделяется собственно языковая и речевая. Следовательно, языковая компетенция составляет неотъемлемую часть коммуникативной, понимаемой как владение коммуникативно-речевыми умениями, необходимыми для общения на изучаемом языке в естественных ситуациях [2].

К технической (или технологической) составляющей относится совокупность основных навыков перевода, помогающих переводчику преодолеть типичные «технические» сложности, встречаемые в процессе перевода, и решать разноплановые задачи. Знания, навыки, способности, необходимые переводчику не во всех случаях, но при выполнении перевода определенной тематики, текстов определенных стилистических жанров, приемлемые для переводчика способы перевода можно охарактеризовать в качестве прагматического компонента переводческой компетенции.

Личностная компетенция переводчика мыслится как:

- проникновение в ценностные ориентации и менталитеты профессиональной группы переводчиков текстов по специальности;
- соблюдение профессиональной чести и достоинства переводчика текстов по специальности;
- ответственность за точность и адекватность переводимой информации, готовность к самосовершенствованию и самообучению;
- умение

Семинарское занятие 14 **ЭТИКА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Вопросы для обсуждения:

1. Согласны ли вы с утверждением, что переводчик это только транслятор, перевыражающий устный или письменный текст, созданный на одном языке, в текст на другом языке?

2. Существуют ли такие обстоятельства, в которых переводчик имеет право по своему желанию изменять текст при переводе, сокращая, или расширяя его?

3. Какие моральные принципы переводчика вам известны? Совпадают ли они у В.Н. Комисарова, В.В. Сдобникова, И.А. Алексеевой? какие еще моральные нормы вы можете предложить?

4. Как вы понимаете термин «профильный язык»?

5. Назовите основные компоненты переводческой этики. Охарактеризуйте вкратце каждый из них.

6. Можно ли утверждать, что всякий человек, имеющий переводческое образование, и профессионально владеющий иностранным языком, может состояться как успешный переводчик? Поясните свой ответ примерами.

7. Расскажите об основных правилах работы переводчика-синхрониста в кабине.

8. Каким образом, на ваш взгляд, должна выглядеть схема переводческих действий (включая время получения заказа, собственно исполнения и т.д.)? аргументируйте свой ответ.

9. Назовите и охарактеризуйте качества, обуславливающие профессиональную пригодность переводчика. Какие еще качества вы бы добавили? Почему?

10. В чем основная задача переводчика как посредника? Возможно ли воплотить ее в реальности? Аргументируйте свой ответ.

Литература:

1. Робинсон Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода. Уч. пособие. – М.: Кудиц. – ОБРАЗ, 2005. – 304с.

2. Фесенко Т.А. Концептуальные основы перевода: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – 124с.

3. Фесенко Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – 228с.
<http://thesaurus.reference.com/search?q={1}>

Интернет источники:

1. <http://www.allmusic.com/cg/amg.dll?opt1=1&P=amg&sql={1}>
2. <http://www.edazzle.net/amazon/amazonmoz.aspx?search={1}&mode=books&page=1&sort=+salesrank&locale=us>
3. <http://www.imdb.com/find?q={1}>
4. <http://www.yandex.ru/yandsearch?text={1}>

Материалы и задания для самостоятельной работы:

1. Прочитайте отрывки из статьи «О психологическом подходе к решению вопроса об оценке качества перевода» // Ученые записки МГПИИЯ имени М. Тореза», т. 60 М., 1971. и ответьте на вопрос: Изменился подход в оценке качества перевода на современном этапе развития переводоведения?

Оценка качества перевода - наиболее сложный вопрос в современной теории и практике. Помимо традиционной лингвистической концепции в настоящее время намечается и психологический подход к решению этой проблемы.

Наиболее полно психологическая концепция оценки качества перевода изложена в статье Дж. А. Миллера и Дж. Г. Биб-Сентера (См. G. M i l l e r and J. G. Beebe-Center. Some

Psychological Methods for Evaluating the Quality of Translation. In: "Mechanical Translation", III, 1956, pp. 73--80.). В самом начале статьи авторы сообщают, что совершенство перевода следует измерять той степенью, в какой текст перевода передает точный смысл оригинала. Другими словами, речь идет о степени эквивалентности текста оригинала тексту перевода.

С этой целью авторы предлагают создать специальную оценочную шкалу, которая могла бы служить для оценки переводов.

Предположительно такая шкала должна давать весь набор возможных оценок машинного перевода как «совершенно непригодный», «пригодный для ознакомления с существом вопроса», «полезный после постредактирования», «читабельный на данной стадии» и «годный для опубликования в печати». На данном этапе, однако, такая шкала еще не создана, и это -- задача будущего. В настоящее время предлагают проводить оценку перевода путем сравнения специалистом-билингвом качеств оригинала и перевода в плане объема передачи в переводе инвариантного элемента, то есть смысловой информации текста. В основе предложенной концепции -- принцип «впечатления». Другая идея -- сопоставление обоих текстов по степени их языковой избыточности -- пока малоприменяема из-за трудности выполнения таких операций, хотя оценка текстов по трудности их понимания уже и на данном этапе проводится весьма успешно (См. Абраам Моль. Теория информации и эстетическое восприятие. М., «Мир», 1966). И, наконец, Миллер и Биб-Сентер предлагают определять качество перевода путем постановки вопросов к оригиналу и к тексту перевода. Ответы на них должны вскрыть глубину понимания затрагиваемого в тексте вопроса. Такая методика, как известно, не представляет собой нового подхода и весьма основательно уже разработана советскими психологами, изучающими вопросы психологии чтения иноязычной литературы (См. З. И. К л ы ч н и к о в а. К вопросу о показателях понимания содержания иноязычного текста. «Психология в обучении иностранному языку», М., «Просвещение», 1967; е е ж е. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. М., «Просвещение», 1973). Таким образом, хотя в целом вышеупомянутые тезисы представляют определенный интерес для психолингвистики, поскольку авторы выдвигают новую концепцию оценки качества перевода, выдвинутые авторами положения все же вызывают сомнения. Прежде всего, по нашему мнению, требуется обоснование допустимости привлечения экспериментаторами билингов для оценки качества перевода. Согласно теории научения, оценивающий качество перевода информант невольно будет как бы бессознательно учитывать информацию, уже полученную им при чтении оригинала. По-видимому, необходимо разработать более строгую методику, чтобы оценка была более надежной.

Другой путь оценки перевода -- это сопоставление текстов с целью определения той коммуникативной нагрузки, которую они несут. Такая операция потребует учета тех трудностей, которые были преодолены переводчиком, поскольку именно плохо переведенные трудные части текста получают в переводе повышенную коммуникативную нагрузку. Такая идея выдвигается Ю. Найдой (См. E. Nida. Op. cit.), но, к сожалению, лишь в самом общем плане, и Ю. Найда ничего не говорит о том, каким образом на практике можно было бы измерять такую нагрузку.

Оригинальным подходом к решению данной проблемы является идея Роберта Е. Уолла (R. E. W a l l, Jr. Translation Quality and Its Measurement, In: "Linguistic and Engineering Studies in Automatic Translation of Scientific Russian into English", vol. I, Univ. of Washington Press, 1958.) о создании такой шкалы оценки перевода, с помощью ко-торой можно было бы измерять как «полноту перевода, так и его точность». Диапазон подобной шкалы должен состоять из величин от 0 до 1, причем величину, равную единице, должны получить те тексты, в которых в полной мере будут решены проблемы многозначности. Хотя Роберт Е. Уолл имеет в виду автоматический перевод, его идея пред-ставляет определенный интерес и

для оценки перевода, выполняемого человеком. Сидней М- Лэмб (S. M. L a m b. MT Research at the University of California, "Proceedings of the National Symposium on Machine Translation". Berkeley, 1960, pp. 140 -- 154.), с другой стороны, акцентирует внимание на проблеме точности перевода. Чтобы убедиться в точности, пишет Лэмб, необходимо, чтобы после прочтения перевода у билингва возникло чувство «уверенности» в точности, или необходимо создать такую техническую систему, которая бы позволяла получать переводы «как можно ближе к тексту оригинала». Автор признает, что в стилистическом плане автоматический перевод вряд ли когда-либо будет столь же совершенным, как и перевод, выполненный человеком.

Семинарское занятие 15 ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ. ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ

Литература:

1. Алексеев, А.А. Текстология славянской Библии / А.А. Алексеев. – СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. – 254 с.
2. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: Учебник / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
3. Мень А. Библиологический словарь [Электронный ресурс] / А. Мень. – Режим доступа: www.bible-centre.ru, свободный.
4. Нелюбин, Л.Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. – М.: Флинта: МПСИ, 2006. – 416 с.
5. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. – Т. V. – 752 с.
6. Рижский, М.И. Русская библия: История переводов библии в России / М.И. Рижский. – СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2007. – 256 с.
7. Семенец, О.Е. История перевода: Учеб. пособие / О.Е. Семенец, А.Н. Панасьев. – К.: Изд-во при Киев. ун-те, 1989. – Ч.1. – 296 с.
8. Хилл, К. Английская Библия и революция XVII века / К. Хилл. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 490 с.
9. Цуркан, Р.К. Славянский перевод Библии: Происхождение, история текста и важнейшие издания. – СПб.: Коло: Летний сад, 2001. – 320 с.
10. Чистович, И.А. История перевода Библии на русский язык / И.А. Чистович. - Репринт. воспроизв. изд. 1899 г. – М.: Российское библейское общество, 1997. – 368 с.
11. Bellanger, J. Histoire de la traduction en France / J. Bellanger. – P., 1892. – 215 p.
12. Bruce, F.F. History of the Bible in English / F.F. Bruce. - From the Earliest Versions by F. F. Bruce 3rd ed. Guilford. – London: Lutterworth Press, 1979. – 274 p.
13. Van Hoof, H. Histoire de la traduction en occident: France, Grande-Bretagne, Allemagne, Russie, Pays-Bas / H. Van Hoof. – P. : Louvain-la-Neuve: Duculot, 1991. – 366 p.
14. Volkovitch, M. Les traducteurs et la Bible. Une tour de Babel / M. Volkovitch // Trans Littérature. – 1994. – № 7. – P. 25-33.
15. Worth Roland, H. Jr. Bible translations: a history through source documents / H. Jr. Worth Roland. – Jefferson, N.C.: McFarland, 1992. – 191 p.

Материалы и задания для самостоятельной работы:

Прочтите статью **Захаровой Н.В.** «К вопросу об особенностях переводческой техники библейских текстов» и ответьте на прилагаемые вопросы.

Захарова Н.В. К вопросу об особенностях переводческой техники библейских текстов// *Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации : теоретические и прикладные аспекты : междунар. сб. науч. тр. с междунар. участием. Вып. 9 / редкол.: К. Б. Свойкин (отв. ред.) – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2012. С. 220-230*<http://www.fld.mrsu.ru/science/publications/>

Библия, являясь центральным текстом христианства, и по настоящее время остается одной из неразгаданных тайн человечества, несмотря на то, что этот текст во все времена привлекал и привлекает к себе самое активное внимание ученых различных научных направлений. Самые современные исследования, приоткрывая одну завесу загадки Библии, вместе с тем наталкиваются на множество других. Совершенно очевидно, что данное обстоятельство объясняется уникальностью самой природы Библии (бог вдохновенного творения) и как следствие многоплановостью ее формы и содержания.

Библию по праву можно считать самой древней из существующих священных книг: она старше более чем на четыре столетия Авесты Заратустры (Священное Писание Аравии), более чем на пять столетий Веды индейцев и книги Конфуция, письмена Будды и Коран моложе Библии примерно на десять веков.

Монтиеро Уильямс, широко известный профессор санскрита, родного языка Индии и языка Вед, в течение 42 лет изучавший восточные книги в сравнении с Библией, отметил: «Соберите их (восточные книги) в стопку с левой стороны своего стола и положите свою Святую Библию с правой, и образуется широкое пространство между ними, потому что существует бездна между так называемыми святыми писаниями Востока и Святыми Писаниями Библии, бездна, которую невозможно соединить. Их свет кажется мерцанием по сравнению со светом Библии!» [11]

Было бы несправедливо оставить данное восклицание без некоторого уточнения, а именно, вышесказанное вовсе не отрицает достоинств (в том числе и лингвистических) священных текстов других религий, но настойчиво подчеркивает особую роль Библии в жизни многих народов, познавших многие духовные ценности и даже письменность лишь благодаря ее появлению. Уникальность Библии заключается и в том, что она, представляя собой собрание из 66 книг, написанных в интервале 1500 лет более 40 авторами на трех континентах (в Европе, Азии и Африке) первоначально на трех языках (на иврите, арамейском и греческом) тем не менее, демонстрирует полное единообразие.

Библия – это первая в мире книга, переведенная на иностранный язык, первая по количеству переводных языков и по количеству самих переводов. По некоторым сведениям второе место по количеству переводных языков занимают произведения Шекспира. Следует отметить, что отсутствие книгопечатания и необходимость повсеместного распространения Библии привело к существованию большого количества рукописей, дошедших до наших дней в достаточно хорошем состоянии, лучше, чем, к примеру, упомянутые выше произведения Шекспира, жившего всего лишь 300 лет назад.

Вышеупомянутые факты, свидетельствующие об уникальности текста Библии, не могли не найти отражение и в требованиях к его переводу. Перед переводчиками Библии стояла труднейшая задача, оставаясь максимально верным форме оригинала (поскольку в этом тексте важно не только то, что сказано, но и то, как это сказано!), максимально точно передать его содержание.

Прежде, чем мы перейдем к детальному освещению данного вопроса, необходимо остановиться на особенностях языкового происхождения Библии.

Библия в ранней истории представляет собой собрание текстов на древних языках. Большинство книг Ветхого Завета изначально были написаны на древнееврейском, по некоторым источникам – арамейском. Новый же Завет – на греческом. Есть мнения, что некоторые книги НЗ, в частности Евангелие от Матфея, были первоначально написаны по-арамейски и лишь потом переведены на греческий, но, во всяком случае, из этих гипотетических арамейских текстов до нас не дошла ни одна строчка. В III-II вв. до н. э. для евреев, покинувших пределы Палестины еще начиная с VI в. до н.э. и забывших со временем свой «священный язык», что, впрочем, произошло и в самой Иудее, был сделан специальный перевод на понятный всем греческий язык, позднее получивший после похода Александра Македонского широкое распространение на Востоке. Этот перевод был назван впоследствии «Септуагинта» по числу выполнявших его переводчиков (от лат. *Septuaginta* – «семьдесят»). В русской церковной литературе он более известен как перевод «семидесяти толковников», хотя на самом деле Септуагинта представляет собой собрание разрозненных переводов, выполненных между 250 – 150 гг. до н.э, в пользу чего свидетельствуют различные по стилю и манере переводы некоторых фрагментов. Но в целом текст данного перевода выполнен с ощущением особенностей греческого языка и сравнительно свободен от буквализма, так что «творцам Септуагинты удалось создать органичный сплав греческого и семитического языкового строя, их стиль близок к разговорным оборотам и, тем не менее, неизменно удерживает сакральную приподнятость и отстраненность» [9, с. 503]. Данное мнение, однако, не единственное. Некоторыми исследователями греческой и древнееврейской версий текста признавалось, что в Септуагинте имеются, в частности, значительные синтаксические семитизмы.

С принятием христианства в Римской империи встал вопрос о переводе Библии на официальный язык – латинский. До Иеронима уже существовало большое количество переводов на латынь. Первые из которых появились еще в конце I – начале II в. в Северной Африке, и в них книги Ветхого Завета были переведены не с еврейского оригинала, а с греческого перевода Септуагинты. Характеризуя язык и стиль старолатинских версий, исследователи отмечают в значительной степени свойственные им лексические, синтаксические и даже грамматические (в употреблении причастий) грецизмы и, что самое интересное, «стилистическую небрежность» [18, с. 125]. Трудно сказать, что имелось в виду под этой небрежностью, однако, симптоматично, что исследователи почувствовали определенное игнорирование законов языковой системы и выразили неудовлетворение в этой связи.

Большая вариативность переводов этого периода, отсутствие у них догматического авторитета послужили поводом к появлению последующей версии, выполненной блж. Иеронимом (IV в.) по настоянию папы Дамаса I. При переводе с еврейского Иероним систематизировал библейские тексты и перевел их на язык, на котором говорили тогда во всей Римской империи, в то время как богослужение проводилось на греческом, понятном уже не всем. Иеронимовская Библия была написана на «простом», повседневном языке того времени, понятном широким массам (отсюда название «Вульгата»), которое было впоследствии перенесено на перевод, принятый на Тридентском соборе в качестве канонического и имевший в своей основе тот же текст Иеронима. Версия «Вульгаты» Иеронима долго пробивала себе дорогу, борясь с консервативным «старым латинским» [3, р. 38].

Со временем, став архаичным, язык Вульгаты постепенно вошел в литургическую проповедь в Западной Европе, что обеспечило этому тексту (XIII-XVI вв.) право быть самым значимым и популярным (данное обстоятельство ещё раз приковывает внимание к чисто

языковому исполнению канонического текста). В рукописный период, и особенно с началом книгопечатания, Вульгата оказывала исключительно сильное влияние на структуру и текст Библии на всех европейских языках. Она стала оригиналом для переводов на множество языков, прежде всего в католических странах, но нередко и за их пределами [18, с. 126]. Валери Ларбо называл Вульгату одним из краеугольных камней нашей цивилизации [4, р. 48], в чём, безусловно, он оказался прав.

История переводов Библии на славянский язык восходит к IX в., когда с распространением христианства среди славянских народов происходило принятие той системы духовных и культурных ценностей, которая требовала своего письменного, книжного и богослужебного выражения [19, с. 81], что представлялось возможным только с переводом на этот язык Священного Писания. Труд по переводу взяли на себя братья Кирилл и Мефодий, ученые византийцы, хорошо знавшие греческий язык, с которого и перевели часть библейских книг. Однако вопрос перевода церковной литературы повлек за собой многочисленные проблемы, первой из которых явилось отсутствие разработанной письменности. Не меньшие затруднения вызвала и потребность во введении множества новых слов для выражения понятий религиозного, философского, государственного и общественного характера, что повлияло на лексический состав переводимых текстов, отмеченных «большим количеством грецизмов на фоне свободной передачи грамматических особенностей греческого оригинала» [18, с. 139]. В остальном язык кирилло-мефодиевских переводов характеризуется «высокой степенью точности и ясности. Ошибки встречаются крайне редко, главным образом в собственных именах» [18, там же].

Первый полный славянский свод текстов Священного Писания датируется 1499 годом и именуется Геннадиевской Библией, цель появления которой было собрать, выверить и соответствующим образом отредактировать (по Вульгате и частично по греческой версии) уже бывшие в обращении списки священных книг.

Следующая попытка исправить канонические книги по Септуагинте относится к XVI в. и связывается с именем знаменитого Максима Грека, отметившего о сверявшихся текстах, что «всяких описок, неточностей и богословских погрешностей достаточное количество, и что генеральная правка рукописных книг дело огромное, постоянное и в этом смысле бесконечное» [14, с. 465]. В результате различия между полученным вариантом и бывшим до этого в употреблении стали настолько очевидными, что вызвали недовольства приверженцев «древлеписьменных книг». Именно поэтому в основу последующей версии (Острожская Библия – первое печатное издание *полного библейского свода* 1580-81 гг.) легла преимущественно копия Геннадиевской Библии, несмотря на словесные заверения издателей в предисловии о неукоснительном следовании только Септуагинте.

Нельзя не заметить, что влияние греческого текста на текст славянской Библии было постоянным. В редакциях петровского времени данная тенденция сохранялась. За основу для исправления Ветхого Завета требовалось брать версию Септуагинты [24, с. 218], а в случаях расхождения славянского и греческого текстов предписывалось обращаться к различным греческим спискам, но вместе с тем перед исправителями в очередной раз ставилась задача – как можно меньше удалиться от предыдущего варианта Библии. Славянский облик этой Библии поражает разнообразием оттенков языка: «как и в содержании, в языке этой Библии вы найдете самую разнообразную по происхождению и достоинству языковую амальгаму. Здесь есть и совершенно невразумительный, темный и неудачный славянский язык древнейшего периода (в Псалтыри), и славяно-русский язык других правленных книг, и русский, славянизованный язык вновь переведенных елизаветинскими исправителями книг Товита и Иудифи» [13].

Дальнейшие переводы были осуществлены уже под руководством РБО – Российского Библейского общества (1812-1826 гг.) и Священного Синода (1876 г.). Объединяющим

моментом для этих версий является официально составленный свод переводческих правил. В отношении Синодального перевода (1876 г.) можно сказать, что он является последовательной и аккуратной редактурой варианта, изданного РБО в 1823 году, в котором в свое время была отмечена тенденция к обновлению славянского текста. Но язык Библии 1876 г. оказался более архаичным по своим лингво-стилистическим чертам (особенно в тексте НЗ). Так, например, обиходная русская лексика конкретного значения, использованная в Библии РБО, заменена на книжные соответствия, чаще всего взятые из славянской версии: «кафтан» – «верхняя одежда», «верста» – «поприще», «воробьи» – «малые птицы» и т.д. Благодаря исключительной близости в синтаксисе и фразеологии к греческому тексту, а в лексике к славянскому, Синодальный перевод до сих пор считается воплощением особого «библейского стиля». Кроме этого, являясь первым полным переложением Библии на русский язык, он оказался в силу исторических причин на долгое время единственным переводом, сыгравшим уникальную роль в религиозной жизни России.

По поводу английского текста Библии необходимо заметить следующее. После того как Римская империя перестала существовать, наряду с латинской Вульгатой широкое распространение приобретали устные рассказы на местных англо-саксонских наречиях, основу которых составляли сюжеты Евангелий. Приблизительно в 1384 г. появляется перевод (создававшийся в два этапа) выдающегося теолога своего времени Джона Уиклиффа, где ранняя версия (значительно отличавшаяся в языковом плане от последующей) характеризуется как буквальное переложение латинского текста [2, р. 15], с явным отпечатком чужеродного звучания [21, с. 18-19].

На рубеже XV-XVI вв. в Англии, как и в других европейских странах, интерес ученых-теологов к библейским переводам получил новый импульс в связи с распространением реформационного движения, начавшегося в Германии с выходом немецкой Библии Лютера (Flood; Orłinski, Bratcher; Hamel). Нашими современниками лютеровский перевод оценивается очень высоко как «изумительный по точности, силе и народности языка», выполненный с тонким знанием родного языка и при основательном знакомстве с языками подлинников [22, с. 235]. Современники Лютера восприняли его по-другому, упрекая его в вольности обращения с текстом и не прощая ему даже того, что в переводной текст он добавил одно-единственное слово, оказавшееся чисто служебным.

В Англии одним из последователей М. Лютера стал Уильям Тиндейл, теолог, работавший в Оксфордском и Кембриджском университетах, владевший греческим, латинским и древнееврейским языками. Как и его вдохновитель Тиндейл вознамерился дать народу Библию на родном языке, опираясь в своей работе не на Вульгату, а на оригинальные тексты. «В противовес в большой мере искусственному языку «латинизированных» переводов он стремился к использованию оборотов, присущих разговорному английскому языку того времени, что, по его мнению, соответствовало характеру греческой версии» [15, с. 115]. Одновременно Тиндейл стремился создать точный до мелочей перевод, понятный всем и раскрывающий смысл каждой части Священного Писания.

Язык Библии Тиндейла превосходил многие последующие переводы, и новые редакции, появлявшиеся в XVI-XVII вв., были немало обязаны ему [18, с. 169]. В частности на данную версию Священного Писания опирались создатели Библии короля Якова, сделавшие лишь незначительные изменения этого текста и сведя к минимуму редакторскую правку. Библия короля Якова на 9/10 представляет собой Библию Тиндейла. Более того, современные исследователи считают, что именно Тиндейл установил принцип библейского перевода на английский язык [12, с.63].

Появлялись и другие переводы: *The Coverdale's Bible* (1535), язык которой отличается «ярким колоритом и разговорным характером» [21, с. 20], *Matthew's Bible* (1537), представлявшая собой компиляцию из работ Тиндейла и Ковердейла, *The Great Bible* (1539),

являвшаяся редакцией предыдущей версии, *The Geneva Bible* (1560), рассчитанная на домашнее чтение и выдержавшая 140 переизданий, *The Bishop's Bible* (1568), которая заняла место Женевской Библии, став новым официальным переводом Священного писания, но, так и не сумев соперничать с ней в борьбе за аудиторию.

Однако самым известным и цитируемым вариантом Библии на английский язык стала *Библия короля Якова* (1611) (*King James' Bible: Authorized Version, KJV*), опирающаяся на греческие тексты и авторитетные переводы.

В языковом плане Авторизированный перевод отличается от своих предшественников большей ясностью, доступностью для понимания, что достигалось посредством использования просторечий, односложных слов. К тому же основная функция Библии короля Якова – литургическая, определила ее фонетические и ритмические особенности, во многом имитирующие своеобразие еврейского оригинала [согласно мнению 5, р. 67]. А именно: обилие архаизмов, разного рода повторов, служащих ритмизации текста и использовавшихся для риторического эффекта при произнесении вслух. Таким образом, внимание слушателя гораздо отчетливее привлечено к форме стиха, чем к содержанию. Такая форма благозвучна и воздейственна при произнесении в храме. Эти особенности организации текста описываются понятием «библейский английский» [5, р. 79].

Библия короля Якова стала эталоном не только перевода, но и литературного языка в целом, оказав огромное влияние на английскую литературу XVII-XIX вв. [7, р. 143]. Но, несмотря на успех и всеобщее признание, Авторизированный перевод не смог избежать последующих редакций, что и произошло в 1881 – 1885 гг., когда с развитием библеистики стали очевидны его слабые стороны, главным из которых явилось несоответствие нормам современного английского языка и обилие архаизмов. В 1885 году в Англии появилось переиздание *KJV – Revised Version*, известное в Америке с 1901 года как Американская стандартная версия (*American Standard Version*) [6, р. 35].

Большинство версий, выполненных в последующий период и сознательно декларирующих свой отход от KJV, отмечены влиянием новой традиции перевода священных текстов на более простой, разговорный язык, что было основано на египетских археологических находках древнейших папирусов НЗ, написанных на повседневном греческом времен появления евангелий. Данные переводы, нередко представлявшие собой свободное переложение текста, предназначались в первую очередь для «маргинальных носителей английского».

Тенденция к десакрализации, деэстетизации перевода канонического текста, так явно свойственная английской переводческой мысли, подвергших сравнительному анализу ряд современных английских вариантов Библии), в равной степени характерно и для французской библейской традиции. Первый полный перевод Священного Писания на французский язык относится к XIII в., когда вышла в свет «Библия де Ту», получившая в дальнейшем широкое распространение среди французской и английской аристократии. Среди последующих библий этого периода наибольшей популярности удостоился вариант 1578 года, являющийся исправленным переизданием Библии Р. Бенуа и выдержавший около двухсот изданий.

Стремление к верности и точности перевода с латинского сакрального языка на французский народный язык не только не препятствовало, но вдохновляло первых французских переводчиков Библии к созданию различных версий, что как представляется, указывает на желание переводчиков быть ясными и понятными в изложении библейского текста. Так, если первые издания Священного Писания, появившиеся в середине XVI в., практически имитировали латинский текст, то переводчики XVII в. заботились в первую очередь о безупречности стиля и, оставаясь по возможности верными переводу, использовали обиходные, разговорные выражения современного им французского языка [1].

Заметим, что во время богослужения прихожане слышали библейские тексты на латинском, уже совершенно непонятном языке, тогда как французские переводчики создавали свои версии канонических книг на родном языке, стремясь, прежде всего к четкости выражений и смысловой доступности переводимого текста. Эта мотивация и определяла результат – авторы переводили ясно, на обиходный понятный язык, изменяя и «улучшая» оригинал сообразно с принципами развития родного языка и идеями своей эпохи.

Начиная с 1821 года стали появляться новые католические переводы Библии, которые не идут ни в какое сравнение с переводом де Саси (1672-1693), до сих пор остающимся «литературным памятником исключительного масштаба и благородства» [8, р. 27]. По-настоящему значимые редакции были сделаны лишь в кон. XIX в., в числе которых выделяют Библию профессора богословского факультета в Женеве Луи Сегона (1880), работа которого была впоследствии неоднократно переиздана со значительными исправлениями в 1910 г., 1975 г., 1978 г. и, наконец, в 2002 г., когда потребовалось научное издание более точного перевода Библии.

Все переводы XX в. сделаны с оригинальных текстов с учетом современного литературного языка и новейших достижений критики и филологии. Наиболее известные из них: Иерусалимская Библия (1956), Экуменический перевод Библии (1987), «Библия Плеяды», под редакцией Дорма, Библия в переводе каноника Ости (1973), Библия, выпущенная «Библейским обществом» (1978) [17].

Образец нетрадиционного подхода к переводу текста Священного Писания представляет собой Библия на разговорном французском языке, изданная ОБО в 1985 году для людей, чьи познания французского языка не были глубокими.

Закljučая обзор, заметим, что подход к переводу библейского текста на протяжении всей его истории не был однозначным. Объединяющим моментом для всех без исключения периодов этого развития было особое отношение к тексту Священного Писания, поскольку Библия обладает двойкой природой: это одновременно и литературное произведение и богословски значимый текст, словесная оболочка и смысл которого, в равной степени, обладают для верующего христианина авторитетом божественного вдохновения, аутентичностью «слова Божьего» [23, с. 34]. Поэтому адекватная передача текста Библии по-разному понималась во все времена, перекликаясь, по всей видимости, с идеологической направленностью эпохи, диктующей тот или иной доминирующий переводческий принцип.

Современные исследователи истории перевода (А.В. Федоров, Л.К. Латышев, П. Тороп, Д.З. Гоциридзе, Г.Т. Хухуни, Н.К. Гарбовский, О.Н. Семенец, А.Н. Панасьев, Н. Meschonnic, Н. Jr. Worth Roland и др.) сходятся во мнении, что за время существования его как явления, можно выделить две тенденции, два типа передачи иноязычного текста, периодически сменяющие друг друга и получающие новое осмысление, но, по сути, представляющие крайнюю противоположность по отношению друг к другу: «1) перевод, основанный на тенденции к дословному воспроизведению языка оригинала – в ущерб смыслу целого и в ущерб языку, на который текст переводится, и 2) перевод, основанный на стремлении отразить «дух», смысл подлинника и соблюсти требования своего языка» [20, с. 24].

Первый тип свойственен более ранним этапам переводческой деятельности, в независимости от времени существования и развития языка. Первые переводы, выполненные на греческий (III в. до н.э.), латинский (II в. н.э.), славянский (IX в.), английский и французский (XIV в.) языки, отличаются буквалистичностью по отношению к оригиналу, что явно отражает состояние социально-философских взглядов на текст религиозного содержания. Использование буквальности при переводе «проистекло не столько из осознанного теоретически принципа, сколько и из пиетета, «священного трепета» перед библейскими текстами, равно как и из лингвистической наивности большинства

переводчиков всего этого периода, непонимания ими всей степени расхождения между языками, из предположения, что один язык можно механически приноровить к другому. Отсюда многочисленные ошибки в передаче отдельных слов, синтаксическая запутанность, нарушения норм языка, на который делался перевод [20, с. 25]. Но вместе с тем во многом благодаря именно дословному переводу «в греческом языке появился особый библейский стиль, а оттуда он перешел в латынь и другие языки Европы» [16, с. 243]. Следует, однако, заметить, что буквальность при переводе даже на ранних этапах нередко сочеталась с противоположным принципом – свободного отношения с текстом. Причиной этому являлась, в некоторых случаях, недостаточная профессиональная подготовка переводчика, который «при нетвердом знании языка оригинала и слабой начитанности... легко становился пленником оригинала» [10, с. 79] и довольствовался его пересказом. «Имело значение также и то, какой тип библейского текста надлежит переводить – служебный, четий или толковый. В первом случае была необходима предельная точность перевода, в последнем случае важно было не войти в противоречие с толкованиями» [10, там же].

С течением времени, принцип буквальности трансформируется в совершенно противоположный принцип, связанный со стремлением сделать текст доступным и понятным. Примечательно, что этот принцип был реализован ещё во II в. до н.э. Симмахом при переводе ВЗ на греческий язык, а также связанный впоследствии с именами Иеронима (IV в. н.э.) и Лютера (XVI в.), которые, по сути, стали реформаторами переводческих установок. Однако идея создания варианта Библии, понятного современному читателю, неизбежно приводит к лексико-грамматическим, а нередко и стилистическим изменениям оригинала, поскольку адекватная трансляция содержания на иной язык и для иной культуры неизбежно предполагает изменение формы. В этой связи появляются высказывания о принципиальной непереводаемости иноязычного текста: «Всякий перевод представляется... безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней: слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только труднодостижимо, но и вовсе невозможно» [20, с. 31]. Тем не менее, переводные тексты представляют собой необходимую и неизбежную реалию нашей жизни. Что же касается перевода библейских текстов, то их окончательный облик на том или ином языке зависит от характерной для того времени культурной ситуации. Именно в рамках культуры происходит осмысление переводческой деятельности и выбор главенствующего принципа перевода.

1. Bellanger, J. Histoire de la traduction en France / J. Bellanger. – P., 1892. – 215 p.
2. Bruce, F.F. History of the Bible in English / F.F. Bruce. - From the Earliest Versions by F. F. Bruce 3rd ed. Guilford. – London: Lutterworth Press, 1979. – 274 p.
3. Hamel, Ch. De. The book: a history of the Bible / Ch. De. Hamel. – London: Phaidon Press, 2001. – 352 p.
4. Larbaud, V. Sous l'invocation de Saint-Jérôme / V. Larbaud. – Paris : Gallimard, 1997. – 341 P.
5. Lawton, D. Faith, text and history: the Bible in English / D. Lawton. – Charlottesville: University Press of Virginia, 1992. – 176 p.
6. Sheeley, S.M. The Bible in English translation: an essential guide / S.M. Sheeley, R. Jr. Nash. – Nashville: Abingdon Press, 1997. – 116 p.
7. Van Hoof, H. Histoire de la traduction en occident: France, Grande-Bretagne, Allemagne, Russie, Pays-Bas / H. Van Hoof. – P. : Louvain-la-Neuve: Duculot, 1991. – 366 p.
8. Volkovitch, M. Les traducteurs et la Bible. Une tour de Babel / M. Volkovitch // Trans Littérature. – 1994. – № 7. – P. 25-33.

9. Аверинцев, С.С. Истоки и развитие раннехристианской литературы. Т. 1: История всемирной литературы / С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1983. – 584 с.
10. Алексеев, А.А. Текстология славянской Библии / А.А. Алексеев. – СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. – 254 с.
11. Библия - ее значение и уникальность «Die Bibel» <http://www.cai.org/ru/izuchenie-biblii/bibliya-ee-znachenie-i-unikalnost>
12. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: Учебник / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
13. Евсеев, И.Е. Очерки по истории славянского перевода Библии [Электронный ресурс] / И.Е. Евсеев. – Режим доступа <http://bibliapologet.by.ru/statii/>, свободный.
14. Карташев, А.В. Очерки по Истории русской церкви: в 2-х т. Т. 1 / А.В. Карташев. – М.: Терра, 1997. – 688 с.
15. Липгарт, А.А. Основы лингвопоэтики: уч. пос / А.А. Липгарт. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 165 с.
16. Малецкая, О.П. Проблема адекватности в переводе художественного текста / О.П. Малецкая // Языковое сознание и практика межкультурной коммуникации. Материалы XI научной конференции профессорско-преподавательского состава филологического факультета. Сб. № 3. – Тирасполь, 2003 г. – С. 241–243.
17. Мень А. Библиологический словарь [Электронный ресурс] / А. Мень. – Режим доступа: www.bible-centre.ru, свободный.
18. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. – Т. V. – 752 с.
19. Толстой, Н.И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз / Н.И. Толстой // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 81-91.
20. Федоров, А.В. Искусство перевода и жизнь литературы / А.В. Федоров. – Л.: Советский писатель, Ленинград. отд-ние, 1983. – 352 с.
21. Форостенко, А.В. Топология современных переводов Библии на английский язык: Автореф. дис... канд. фил. наук: 10.02.04 / Форостенко Анна Владимировна. – М., 2003. – 21 с.
22. Христианство. Энциклопедический словарь / Под ред. С.С. Аверинцева. В 2-х т. Т.1. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1993. – 863 с.
23. Цвилинг, М.Я. Мартин Лютер и его значение для переводоведения / М.Я. Цвилинг // Вопросы истории перевода: сб. науч. тр. Вып. 330. – М., 1989. – С. 31-41.
24. Цуркан, Р.К. Славянский перевод Библии: Происхождение, история текста и важнейшие издания. – СПб.: Коло: Летний сад, 2001. – 320 с.

Контрольные вопросы и задания:

1. В чем заключается особый подход к переводу Библии? Какую роль играет план выражения в текстах Библии? Отличается ли процесс перевода канонического текста от светского?
2. На каких языках изначально создавался корпус текстов Библии?
3. Дайте характеристику библейских переводов на латинский язык.
4. В чем заключались трудности перевода текста Библии на славянский язык?
5. Почему при создании очередной переводной версии Библии в любой лингвокультуре переводчики брали за основу кроме оригинального греческого и еврейского текстов предыдущую версию на переводном языке?
6. Что объединяет переводы, выполненные под эгидой РБО и Священного Синода? Какая из этих версий до сих пор считается воплощением особого «библейского стиля»?

7. Почему литургии в храмах совершаются на церковнославянских текстах Библии, а не, например, на Синодальной версии, допустимой лишь для домашнего чтения ?
8. В чем особенность перевода Библии М. Лютера? какое влияние он оказал на развитие дальнейшей традиции перевода канонических текстов?
9. Кто, по мнению современных исследователей, является основоположником принципов библейского перевода в англоязычной культуре?
10. Дайте языковую характеристику Библии короля Якова.
11. На чем основывалась тенденция к десакрализации канонических переводов, ставшая следующим этапом в истории библейского перевода?
12. Представьте основные по значимости переводы Библии на французский язык. Дайте их лингвистическую характеристику.
13. Назовите два основных подхода к переводу канонического текста.
14. В чем заключаются недостатки каждого из них применительно к тексту Библии?

Семинарское занятие 16 ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В АНГЛИИ И США

Вопросы для обсуждения:

1. Ранние английские работы по переводу
2. Английское переводоведение в XX веке
3. Переводческая концепция Дж. Кэтфорд
4. Вопросы теории перевода в работах П. Ньюмарка
5. Интегрирующая концепция М.Снелл-Хорнби
6. Лингвистическое переводоведение в США. Первые работы по лингвистической теории перевода
7. Теория перевода в трудах Ю. Найды
8. Американское переводоведение в 80-е годы XX века

Литература:

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Курс лекций. – М.: ЭТС, 1999. – 192с.

Материалы и задания для самостоятельной работы:

Дж. Р. Фёрс Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - С. 25-35

В свете того необычно быстрого скачка, который сделала лингвистика за последние тридцать лет, мало кто рискнет утверждать, что, в то время как историческое и сравнительное языкознание являются сложными науками, доступными лишь посвященным, дескриптивная лингвистика является сравнительно простым делом. Сорок лет назад Фердинанд де Соссюр абсолютно правильно сформулировал сложные проблемы лингвистической науки, когда

писал: "D'une facon generale il est beaucoup plus difficile de faire de la linguistique statique que de l'histoire" [1]. Несомненно, он имел в виду все области синхронной лингвистики, а не только фонологию и фонетику. С тех пор в области фонологии были сделаны большие успехи Трубецким, Пражским лингвистическим кружком, американскими и английскими лингвистами. Область фонем, морфем и морфофонем разработана в Соединенных Штатах настолько полно, что можно без преувеличения сказать, что эта область почти исчерпана. Последние публикации можно даже рассматривать как показатели конца целой эпохи в дескриптивной лингвистике, и если рассматривать их в тесной связи с последними дискуссиями между лингвистами, этнографами, психологами и даже инженерами, можно считать, что они являются началом новой фазы поисков, которую Роман Якобсон назвал как-то "вторым фронтом".

Сейчас мы готовы вернуться к давно известным проблемам языка и, признавая богатство нашего традиционного наследия, при создании новых концепций для описания нового языка наилучшим образом используем накопившийся опыт и более научно обоснованный язык перевода [2]. И все это осуществляется в совершенно ином интеллектуальном климате наших дней. Насколько ином, станет ясно, если мы обратимся к девятой лекции Уитни, в которой он делает попытку дать характеристику "полинезийским языкам" [3].

"Их корни, если мы можем их так назвать, или наиболее примитивные элементы, которые позволяют обнаружить наш несовершенный метод исторического анализа, бывают чаще всего двусложными и не имеют ясного статуса как части речи. Они могут без всяких изменений выступать в роли глагола, существительного, прилагательного и даже предлога. Какие-либо окончания отсутствуют: род, падеж, число, время, залог, лицо не имеют никаких формальных признаков; вся грамматика представлена местоимениями, указательными частицами, предлогами и т. п., которые формируют части речи и выражают связи между ними. Кроме того, ни в одном из этих языков нет ничего похожего на глагол. Так называемые "глаголы" в этих языках - это существительные, употребляемые предикативно. Так, чтобы выразить фразу *he has a white jacket on* (на нем надета белая куртка), даяк скажет буквально следующее: *he with-jacket with-white* (он с курткой белой) или *he jackety whitey* ("он белокурточный") [4].

Как я уже неоднократно отмечал в связи с другими поводами, лингвистика должна изучать значение на всех уровнях анализа, в соответствии с интеллектуальным климатом современности.

Исследований, построенных по принципу, даже отдаленно напоминающему подход Уитни (проиллюстрированный выше), в наше время следует избегать. Корни не следует отыскивать с помощью несовершенного исторического метода, и хотя мы по-прежнему пользуемся обычным набором грамматических терминов, из этого не следует, что мы обязаны признавать те или иные грамматические универсалии.

Первым необходимым условием является не принимать как заранее заданные какие-либо грамматические критерии общего характера: в наши дни утверждать, что "род, падеж, число, время, залог, лицо не имеют формальных признаков", или что в языке отсутствуют глаголы - значит противоречить всем канонам дескриптивизма. Выявлять значение с помощью пословного подстрочного или буквального перевода в качестве *дополнительного средства анализа* равным образом недопустимо, хотя к этому часто прибегают.

В этой статье я хочу обратить особое внимание лингвистов на употребление перевода и злоупотребление переводом при выявлении значения с помощью перевода как вида лингвистического анализа. Прежде всего необходимо помнить, что следует с осторожностью применять метод сопоставления двух языков, основанный на принципе "голых идей". Можно допустить, что инженеры даже программируют машины для лингвистической деятельности,

опираясь на принцип "голых идей", но если какие-либо результаты и будут достигнуты, они не могут не быть ненадежными. И снова пример такого примитивного образа мышления можно увидеть у Уитни:

"Например, китайские слова в большой степени являются корнями, выражая идеи в незрелой и несложившейся форме, и их одинаково легко превратить в существительное, глагол или наречие. Так, слово *ta* выражает общую идею величия, и может в качестве существительного означать "величие", в качестве прилагательного - "великий", в качестве глагола - либо "быть великим", либо "возвеличивать", в качестве наречия - "величественно" [5].

Для того, чтобы преодолеть пропасть, разделяющую различные языки, лингвисты, конечно, не могут не пользоваться общечеловеческим опытом и даже крайне абстрактными понятиями. Но при этом необходимо помнить, что, например, английское слово *kindness* (доброта) не выражает с точки зрения лингвистики некую "голую идею", и в этом смысле ни в одном другом языке мире не найдется слова, точно выражающего это понятие. Точно так же неуместно утверждать, что, например, в том или ином языке нет слова, обозначающего *the* (артикль), *lamb* (ягненок), или что в нем нет глагола *to be* (быть).

В истории английской лингвистики Малиновский был первым, кто систематически применял перевод для выявления значения этнографических текстов. Именно к этому методу он применил термин "лингвистический анализ". Одним из серьезнейших достоинств метода Малиновского является то, что он нигде даже не упоминает, что "голые идеи" могут как-то связывать сопоставляемые им английский язык и язык Киривина.

В девятой лекции Уитни мы находим пример двойного перевода с китайского на английский, взятого у Шлейхера.

"Насколько отличается моносиллабизм, завершающийся флексией, от моносиллабизма, где флективные элементы отпали, можно до некоторой степени увидеть, сравнивая китайское предложение с английским. Китайский вариант, насколько точно его можно воспроизвести, выглядит следующим образом: *King speak: "Sage! Not far thousand mile and come; also will have use gain me realm, hey?"* (Король сказал: "Мудрец! Нет далеко тысяча миль и приходит также пользоваться дарить я царство?"), что означает: *The King spoke: "O sage! since thou dost not count a thousand miles far to come, wilt thou not, too, have brought something for the weal of my realm?"* - Король сказал: "О мудрец, ты не посчитал тысячу миль дальним путем (то есть раз уж ты, дескать, взял на себя труд преодолеть такое большое расстояние), так не принес ли ты чего-нибудь для блага моего государства?" [6].

Такие поиски наощупь, хотя они иногда и дают удачные результаты, неизбежно являются результатом неполноценного анализа на грамматическом, лексическом уровнях, уровне словосочетаний и на ситуационном уровне. Основу для любого тотального перевода (а под тотальным я не имею в виду окончательный или заверченный) следует искать в лингвистическом анализе на этих уровнях. Но обратный процесс, процесс использования перевода в качестве основы для лингвистического анализа на любом уровне, обычно является источником ошибок. Этому много примеров в современной лингвистической литературе.

Метод перевода часто используется для изучения языков американских индейцев, и Уитни опять-таки дает нам один из ранних примеров этого явления, которое и сейчас процветает.

"Мексиканское название козы *kwa-kwauh tentsone* - буквально "голова - дерево (рог), "губа - шерсть (борода)" или "рогатое и бородатое". С другой стороны, что еще более важно, вместо предложения с четко выраженными и согласованными членами используется неуклюжая глагольная или квазиглагольная конструкция. Так, мексиканец скажет: "Я - мясо - есть" (питаться) как одно слово, составленное из трех элементов, или, если в целях эмфазы, объект определяется и ставится отдельно, он, по крайней мере, сначала будет представлен в

вербальной конструкции местоимением, как, например: "я - это - есть, мясо" или "я это - ему - давать, хлеб, мой сын". Иллюстрацией предельно полного синтеза может служить следующая фраза на языке чероки: wi-ni-taw-ti-ge-gi-na-li-skaw-lung-ta-naw-ne-li-te-se-sti, что означает "к тому времени они уже почти закончат дарить (подарки) издали тебе и мне" [7].

Насколько мне известно, у мексиканцев, о которых идет речь, имеется множество названий животных, именуемых "козами", "козлами", "козочками", "козлятами", "горными козлами", "дикими козами", не говоря уже о том, что по-английски называется giddy goats (блудливые козлы), и, по-видимому, у них вообще нет слова, обозначающего "овцу". И, например, французское слово mouton имеет совсем не такую лингвистическую ценность, как английское sheep. Обратите внимание, что в цитате - две попытки буквального перевода, включая слова в скобках. Во фразе на языке чероки имеется семнадцать отдельных слогов, в английском переводе - тоже семнадцать слов (это могло быть и случайным совпадением).

Отвергать понятие перевода бессмысленно. Перевод - необходимость как с точки зрения экономики, так и с точки зрения общечеловеческих принципов. Кроме того, сам факт существования перевода - это вызов как лингвистической науке, так и философии. Я не говорю здесь о переводе как о самоцели или о переводе как искусстве, не собираюсь я и обсуждать взаимоотношения между внутренней и внешней языковой формой и другие подобные проблемы немецкой "Sprachphilosophie". Я занимаюсь проблемой, как перебросить мостик по многим линиям и даже на многих уровнях между различными языками с помощью лингвистических методов и материалов. Может быть, и верно, что, когда мы изучаем чью-либо или даже ранее произнесенную нами речь, мы, по сути, занимаемся переводом [8]. В таком случае лингвисту необходимо, понимая перевод в самых широких и общих терминах, включая "перевод" внутри одного и того же языка, выработать критическое аналитическое отношение ко всем тем методам и уровням перевода, которые применяются в лингвистике для выявления значения.

Абсурдность и беспомощность пословного перевода-подстрочника наглядно иллюстрируется в "Приложении" к книге Ричардса "Мен-дзе о разуме" [9], в которой приводятся отрывки из "Экскурсов в психологию" древнего китайского философа Мен-дзе. Например: "With not-bear-others-of-mind, carrying-out not-bear-others-of-government, rule the world can (be) turned around its palm-on" [10].

Я не вижу пользы в том, чтобы передавать весь объем значений каждого слова, и когда я говорю о необходимости тотального перевода (total translation), я имею в виду всего лишь всестороннее применение всех возможных средств для передачи значения в лингвистических терминах. Метод множественных дефиниций, иллюстрируемый в упомянутой работе, резко отличается от тех путей, по которым обычно идут лингвисты. Я считаю, что этот метод не имеет отношения к лингвистике. Сам Ричардс следующим образом кратко формулирует главную проблему:

"Можем ли мы в своих попытках понять и перевести труд, выполненный в рамках совершенно иной культуры, добиться большего, чем просто переносить в эту культуру свои собственные понятия? Можем ли мы достичь большего, чем спроецировать в эту культуру свое собственное мышление? Или мы в своих усилиях неизбежно пытаемся очутиться сразу по обе стороны зеркала?"

Для того, чтобы понять, например, Мен-дзе, не должны ли мы забыть свою собственную систему мышления и изучить другую? И когда мы добьемся этого (если это вообще возможно), станем ли мы ближе к нашей цели - перевести один набор мыслительных операций в другой? И не будет ли такой перевод в лучшем случае искусной деформацией, похожей на хитрый трюк, с помощью которого развлекают детей, когда, ловко шевеля пальцами, показывают им на стене теневое изображение кролика?"

Вероятно, многие востоковеды, египтологи, этнографы, специалисты по классическим древностям и по средневековью, антропологи... немало ломали голову над этой проблемой. Выражаясь более точно, в состоянии ли мы удержать в памяти две системы мышления без их взаимного проникновения и в то же время каким-то образом связать их между собой? И не потребуется ли для такой связи третья система мышления, достаточно общая и полная, чтобы включить в себя обе первые? И как мы избежим того, чтобы эта третья система не была, по существу, нашей привычной, знакомой, традиционной системой, только умело замаскированной с помощью новой терминологии? В этой проблеме, по-видимому, ничего нет нового" [11].

Мне кажется, что ответы на эти вопросы вновь привели бы нас в смутную область "голых идей".

Вновь повторяя свою мысль о том, что перевод не может быть ни полным, ни завершенным, я хочу сделать оговорку о том, что всякий новый перевод хорошо известного текста добавляет новые интересные лингвистические проблемы. Так, например, Гита переводилась множество раз на многие языки, но совсем недавно появился новый перевод Адельты Ситы Деви под названием "The Gitaa. A Sanskrit-English Bridge with the Barriers Removed" [12] (букв.: "Гита. Мост между английским и санскритом. Все барьеры сняты"). В предисловии [13] объясняется новый принцип перевода. Текст напечатан шрифтом "деванагари" с латинской транслитерацией и подстрочным переводом с санскритским словопорядком. Читателю рекомендуется обращаться к оригиналу, чтобы понять написание слов, их произношение и лингвистическую структуру, даже если это идет вразрез с английским синтаксисом. Переводчица, объясняя свой метод, обращает внимание читателя на ритмичность санскрита и подчеркивает, насколько важно понимать, в чем сходство и в чем различия между санскритом и английским языком. Для осуществления своих целей переводчица пользуется круглыми и квадратными скобками, хотя и не вполне последовательно. Она не старается подобрать эквивалент каждому слову, и, например, для передачи слова *taras* потребовалась целая фраза. Переводчица пишет:

"Отрицание всегда переводится как "не + положительное понятие" и очень редко - антонимически. "Добро" и "не-добро" это отнюдь не "добро" и "зло" (Evil), и в санскрите есть соответствующее слово как для понятия "зло", так и для понятия "не-добро". Точно так же обстоит дело со словами "успех" и "неуспех", "победа" и "не-победа" и т. д. Неуспех - не обязательно провал. Не-победа - не обязательно поражение" [14].

Переводчица добавляет также:

"Мы можем образовывать в английском языке сложные слова, точно так же, как это происходит в санскрите, и у нас есть притяжательный падеж с апострофом, который делает излишним использование предлога *of*. Мы можем сказать *the God-intoxicated man* (букв.: "увлеченный богом"), *The gold-desirer* (букв.: "жаждущий золота"), точно так же, как это говорится на санскрите, и нам не нужно образовывать целые фразы типа *The man who is a God-intoxicated* (букв.: "тот, кто увлечен богом"), или *the man who desired gold* (букв.: "тот, кто жаждет золота"). Например, в песне XI-17:

"*Diademmed with mace, discus, too, splendrous mass everywhere flaming, I see Thee, dazzling to be seen from everywhere, a flaming Fire-Sun-Glory immeasurable*" [15].

Вот какой результат получается в английском варианте:

"*Material contacts, verily, - of cold, heat, pleasure, sorrow, the givers, Coming near and vanishing, inconstent - these endure patiently, O Thou of Bharata's Race. When, indeed, (these), do not distress (that) man, O Man-Bull, The same is woe and weal determined, he for immortality's nectar is fit [formed]. Never for the non-existent is there being; never non-being is there for the existent. Of the two also (has been) seen the ultimate, verily, of these by the Reality Seers. As imperishable, verily that know by which all this [world] is spread out [as on a loom]. The ruin (of*

this) undiminishable, never (is) anyone to accomplish able. "As having an end" (are called) these bodies belonging to the constant embodied one, Indestructible, immeasurable. Therefore, fight, O Son of Bharata Race!" [16].

Было бы снято гораздо больше барьеров, если бы лингвистический анализ на всех уровнях - грамматическом уровне словосочетаний и уровне слов - в обоих языках был бы более систематическим и был бы привязан к переводу.

Лингвистический анализ в совокупности с переводом предоставил бы обширное поле деятельности как для лингвистов, так и для социологов. Возведение моста между описываемым языком и языком перевода требует большого опыта работы в обеих этих областях и высокой квалификации.

Вполне возможно ожидать вскоре появления работ ученых из менее развитых стран, в которых эти ученые давали бы исследования своих собственных языков, прибегая к английскому в качестве языка описания и перевода. В недавно опубликованной работе "Погребальные песни народа акан" [17], написанной одним молодым западно-африканским ученым, современный лингвистический анализ во многом основывается на переводе. Говоря о задачах своей работы, автор пишет:

"В определенных ситуациях, связанных с ценностями, которые во многом определяют поведение людей или целых групп людей, лингвистическое поведение людей часто формируется требованиями, которые предъявляет к ним общество. Изучать способы выражения в таких ситуациях важно не только для того, чтобы лучше понять проблему значения в языке, но также и для того, чтобы лучше разобраться в образе жизни людей, который в конечном счете определяет значение выражения [18] ... Нашим основным принципом был синтетический подход. Мы изучали проблему в контексте ситуации, с позиции ее значения в общественной жизни, ее развертывания, ее тематики, языка, структуры, стиля, творческих возможностей, а также связей с другими текстами фольклора народа акан" [19].

Автор посвящает языку погребальных песен раздел, который он делит на четыре части: "Просодические особенности", "Словарь", "Словосочетания" и "Структура предложения" и делает интересное наблюдение о том, что определенным линейным вербальным единицам соответствуют определенные музыкальные особенности. В своих выводах автор снова говорит о необходимости лингвистического подхода к переводу:

"Чтобы выразить эти темы, в песне прибегают к некоторым вербальным условностям, расчлняя значение на просодическом уровне, на уровне слова и на синтаксическом уровне. Часто используются повторы - от отдельных фонем до целых высказываний. При построении погребальных песен осевыми являются такие слова, как имена собственные, названия степеней родства, географические названия, а также указания на происхождение и индивидуальные особенности. Отличительной чертой погребальных песен являются конструкции, начинающиеся с имени в свободной или связанной позиции" [20].

Проблема изучения значения в терминах лингвистики упростится, если мы из множества различных подходов выделим два. Первый из них - подход "лингвиста-инженера", который рассчитывает постичь механизм передачи материала с одного языка, исходного, на другой, язык перевода. Может случиться так, что вначале покажется заманчивым прибегнуть к теории "голых идей". Где искать материалы для подобного мостика? Вероятно, в каком-нибудь специальном словаре аналитического типа, представляющем собой перечень смысловых единиц, что бы под этим ни понималось. Может быть, мы и сможем переводить таким путем, но знаем ли мы в этом случае, как мы переводим? Второй подход - это метод лингвистического анализа. Он основывается на предположении, что язык полисистемен и что различные определения значения в терминах лингвистики можно давать на ряде конгруэнтных уровней. Описываемый язык, который должен представлять собой

ограниченный язык (restricted language), подвергается анализу в терминах лингвистических категорий на всех уровнях, и в результате получают описания, сделанные на "описывающем" языке, которые, как в полагаю, будут являться описаниями значения.

В "описывающем" языке могут применяться различные методы перевода, такие как употребление отождествления (identification names), переводческих значений (translation meaning), и, наконец, некоторые или все тексты в *corpus inscriptionum* могут быть переведены с помощью специального языка перевода, основывающегося на описаниях, сделанных на "описывающем" языке. При таком подходе описания значения, сделанные на исходном языке, на грамматическом и лексическом уровнях, привязаны к языку перевода. Это дает лингвисту возможность перевести тексты *corpus inscriptionum* на специальный язык перевода. Этот второй подход не требует моста из гипотетических "голых идей". Трудно представить, каким образом "голые идеи" могли бы составить мало-мальски сносный промежуточный язык.

Мост лингвистического анализа надо создавать с помощью различных средств из материалов, которые дают фонетика, фонология, различные разделы грамматики, лексикографии, анализ текста (discourse) и, возможно, даже стилистика. С этой точки зрения ясно, что фонологические материалы не составляют основных элементов структуры. Подробное описание языка, может быть, уже само по себе является мостом, дающим возможность лингвисту строить то, что я назвал тотальным переводом. Такой тотальный перевод с точки зрения теории никак не может быть совершенным переводом.

Начиная с 30-х годов, я всегда считал, что дескриптивная лингвистика лучше всего выполняет свою задачу, если рассматривает языковое поведение как значимое во всех аспектах его взаимоотношений с жизнью общества, и для того, чтобы справиться с таким обширным предметом, пользуются целым комплексом различных уровней анализа, постепенно умножая их количество. Первая попытка сформулировать этот подход была сделана в 1935 году, и пример его дальнейшей разработки дает моя работа "Аспекты значения" [21]. Там я рассматриваю фонологический, фоноэстетический, грамматический и другие аспекты с точки зрения лингвистического анализа, и я полагаю связать эти аспекты значения с аспектами перевода, рассматривая их именно в свете межъязыковых мостов.

Основной вопрос, который я хочу здесь поставить: каким образом можно связать чисто техническое лингвистическое описание с переводом текстов? Если мы сможем ответить на этот вопрос в специальных лингвистических терминах, мы начнем понимать, что мы переводим и как мы переводим.

Давайте прежде всего признаем, что все лингвисты опираются на общечеловеческий опыт, который является частично их собственным опытом. На основании этого общечеловеческого опыта мы можем делать обобщения и, я полагаю, создавать общечеловеческие ситуации отвлеченного характера, что помогло бы нам создавать мосты между исходным языком и языком перевода. В такой отвлеченной ситуации, объединяющей два языка, можно найти множество общих элементов, за исключением самих текстов.

Если мы намерены предположить, что в такой ситуации есть общие, универсальные вербальные элементы, их нельзя представить в терминах универсальной грамматики. Такой грамматики не существует. Но между любыми двумя языками, особенно если они родственны или подверглись взаимной ассимиляции, может существовать грамматический мостик, в целом как-то связанный с общей ситуацией. В таких случаях можно утверждать, что в данной ситуации вербальность можно описать как именную или глагольную (даже если категории имени и глагола в исходном языке и языке перевода не вполне соответствуют друг другу).

Изречение "переводчик-предатель" чаще всего можно отнести к тем лингвистам, которые постоянно прибегают к использованию перевода в лингвистическом анализе, но, как

правило, не давая последовательного определения природы и функции переводческих методов, к которым они прибегают. Было множество дискуссий и разногласий по вопросу о метаязыках, о лингвистической терминологии, но проблема места перевода в лингвистике пока остается неизученной.

Существование перевода является серьезным вызовом лингвистической теории и философии. Знаем ли мы, как мы переводим? Знаем ли мы хотя бы, что мы переводим? Если бы мы могли ответить на эти вопросы в строго научных терминах, мы значительно продвинулись бы вперед на пути создания новой всеобъемлющей общей теории языка и базы для философских обобщений.

Примечания

1. См. Cours de Linguistique Generale. 3-e edition. Paris, 1931, p. 141.
2. Д-р М.А.К. Хэллидей успешно применил этот тип лингвистического анализа к исследованию китайского текста The secret History of the Mongols, написанного в 14 веке (См. его диссертацию Thesis for the Ph. D., Cambridge, 1955).
3. Language and the Study of Language. (London, 1870).
4. Ibid., p. 338.
5. Ibid., p. 330.
6. Whitney, p. 331.
7. Ibid., p. 348-349.
8. См. The Spirit of Language in Civilisation, by Karl Vossler (London, 1932).
9. Richards' "Mencius on the mind". London, 1932.
10. Appendix, pp. 12-13.
11. Chapter IV, pp. 86-7.
12. Madras, 1955.
13. Предисловие д-ра Куньян Раджа.
14. Ibid., p. 8.
15. Ibid., p. 9.
16. Ibid., pp. 54-5.
17. Funeral Dirges of the Akan People, by J.H. Nketia, the University College of the Gold Coast, published at Achimota, 1955.
18. Ibid., p. 1.
19. Ibid., p. 4.
20. Ibid., p. 132.
21. Modes of Meaning. "Essays and Studies". The English Association (1951).

Семинарское занятие 17 ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В ГЕРМАНИИ

Вопросы для обсуждения:

1. Вопросы теории перевода в немецкой лингвистической традиции
2. Переводоведческая школа Восточной Германии
3. Развитие теории перевода в трудах О.Каде

4. Переводческие концепции А.Нойберга
5. Вопросы теории перевода в трудах Г. Егера
6. Развитие теории перевода в Западной Германии. Переводческие труды К. Райс
7. Теоретические концепции В. Вилсса
8. Исследования процесса перевода в трудах Х. Крингса
9. «Теория релевантности» Э.-А. Гутта

Литература:

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Курс лекций. – М.: ЭТС, 1999. – 192с.

**Семинарское занятие 18
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В КАНАДЕ И ФРАНЦИИ**

Вопросы для обсуждения:

1. Сопоставительная стилистика Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне
2. Ж. Мунэн как переводовед
3. Интерпретативная теория перевода Д.Селескович и М.Ледерер
4. Переводческие труды Ж.Делила

Литература:

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Курс лекций. – М.: ЭТС, 1999. – 192с.